

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 40505

Мир политики и социологии

2012, № 1

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чибинев В.М., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т.Е., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л.Н., доктор философских наук, профессор

Глущенко П.П., декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Крылов Д.А., доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполнкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Малышев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А.В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д.В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Оганян К.Н., доктор философских наук, профессор

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный работник культуры РФ

Родионова А.К., доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

Сальников В.П., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Хабибулин А.Г., помощник министра внутренних дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Швецов М.Ю., доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

Щендрыйгин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**История политических и правовых учений, учреждений и процессов**

<i>Горбашев В.В., Швеккова О.А.</i>	Выборы в Государственную Думу Российской Империи и Министерство внутренних дел	7
<i>Пронин И.А.</i>	История гражданско-правового регулирования эстетической медицины в Российской Федерации	10

**История, теория, практика политico-правовых институтов
России и зарубежных стран**

<i>Соколова И.В.</i>	Проблемы взаимовлияния на развитие государственности Полоцкого княжества и Братства воинства Христова	15
<i>Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М.</i>	Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод	21

**Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая
и государственная власть. Модернизация политической системы**

<i>Глуценко П.П.</i>	Правовая политика и правовое регулирование управлением в социально-культурной сфере	24
----------------------	--	----

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

<i>Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М.</i>	«Сильное государство»: общая характеристика политico-правовой концепции	27
--	---	----

**Экономические потрясения и социальная экономика.
Модернизация экономики. Примиrительные процедуры разрешения споров**

<i>Потолкова М.О.</i>	Выставка как социально-культурное явление и средство маркетинга	35
<i>Вести В.М.</i>	О значимости вхождения отечественной машиностроительной отрасли в ВТО для развития социальной политики государства	38

**Социология. Социология и реализация демографических программ.
Политика в области материнства и детства**

<i>Бабаджанов И.Х.</i>	Государственная политика в области охраны права внутриутробного ребенка на жизнь: законодательство России, Республики Таджикистан и других стран	40
<i>Асхамов А.А.</i>	Здоровая пища как актуальная проблема современного общества	54
<i>Гусева В.Ю.</i>	Социально-психологические подходы к изучению криминальной агрессии у насильственных преступников	62

**Национальная, государственная, экономическая, финансовая, информационная
и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность
и экономическая интеграция.**

<i>Кондрат Е.Н.</i>	Государственный финансовый контроль: понятие и сущность	65
<i>Горбашев В.В., Реуф В.М., Сулейманов А.М.</i>	Местное самоуправление и охрана общественного порядка	73

**Безопасность человека, общества и государства.
Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды**

<i>Мусаев М.А., Третьяков И.Л.</i>	Государственная власть и преступность в России	77
<i>Алиев Я.Л., Сальников С.П.</i>	Корпоративный традиционализм полиции: прошлое и настоящее (актуальность проблемы)	88
<i>Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л.</i>	Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы	97

Правосознание. Правовая культура. Социология права

<i>Тимофеева Е.А., Реуф В.М.</i>	Правовая культура и гражданская позиция личности: проблемы формирования в специализированном ВУЗе	102
<i>Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М.</i>	Правовое сознание и правовое поведение: анализ причинной взаимосвязи	116
<i>Притечкин В.В.</i>	История формирования социологического подхода к праву	121

Информация для авторов	132
------------------------------	-----

CONTENTS

History of political and legal doctrines, institutions and processes

<i>Gorbashev V.V., Shvechkova O.A.</i>	Elections to the State Duma of the Russian Empire and the Ministry of Internal Affairs	7
--	--	---

<i>Pronin I.A.</i>	History of civil law regulation for aesthetic medicine in the Russian Federation	10
--------------------	--	----

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

<i>Sokolova I.V.</i>	Problems of mutual influence on the development of statehood of Polotsk principality and Brotherhood of Christ warriors	15
----------------------	--	----

<i>Antonov I.A., Kondrat I.N., Vasil'eva G.M.</i>	Period of criminal proceedings in the Russian Federation and The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms	21
---	---	----

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

<i>Glushchenko P.P.</i>	Policy of law and legal regulation of administration in sociocultural sphere	24
-------------------------	--	----

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

<i>Artamonova G.K., Anokhin P.V., Il'ichev V.V., Minakov I.A., Reuf V.M.</i>	“Powerful state”: general characteristic of political-and-legal concepts	28
--	--	----

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution

<i>Potolokova M.O.</i>	Exhibition as the welfare phenomenon and marketing means	35
------------------------	--	----

<i>Vesti VM.</i>	About the importance of occurrence in the WTO and developments of mechanical engineering for state social policy	38
------------------	---	----

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood

<i>Babadzhanov I.Kh.</i>	State policy in the area of protection of fetal baby's right to life: legislation of Russia, Republic of Tadzhikistan and other countries	40
--------------------------	--	----

<i>Askhamov A.A.</i>	Health food as a topical issue of modern society	54
----------------------	--	----

<i>Guseva V.Yu.</i>	Social and psychological approaches to the study of criminal aggression in violent criminals	62
---------------------	---	----

**National, state, economic, financial, informational and military security.
Foreign policy, foreign security and international integration.**

<i>Kondrat E.N.</i>	State financial control: the concept and essence	65
<i>Gorbashev V.V., ReufV.M., Suleymanov A.M.</i>	Local self-government and maintenance of a public order	73

**Safety of human, society and state.
Environmental security and legal aspects of the environment**

<i>Musaev M.A., Tret'yakov I.L.</i>	State authority and crime in Russia	77
<i>Aleiev Ya.L., Sal'nikov S.P.</i>	Corporate traditionalism of the police: the past and the present (relevance of the issue)	88
<i>Aleksandrov R.A., Gorlenko V.A., Kondrat I.N., Tret'yakov I.L.</i>	Russia at the turn of XX – XXI centuries: the reform of judicial system	97

Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law

<i>Timofeeva E.A., ReufV.M.</i>	Legal culture and the civil position of individual: problems of forming at specialized institute of higher education	102
<i>Artamonova G.K., Gorbashev V.V., Retunskaya T.P., ReufV.M.</i>	Legal consciousness and legal conduct: analysis of causal relationship	117
<i>Pripechkin V.V.</i>	History of forming the sociological approach to law	121
Information for the authors		132

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

ШВЕЧКОВА Ольга Александровна,
заместитель Генерального директора
издательства «Юрист»,
кандидат юридических наук
E-mail: shvechkova@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния МВД на выборы в Государственную думу Российской Империи в организационно-правовом аспекте. Выделяя конкретный исторический период, авторы путем комплексного анализа в контексте политики государства в области законодательной власти формулируют ряд обобщающих выводов по указанной проблематике.

Ключевые слова: Государственная дума Российской Империи; Министерство внутренних дел; выборы.

GORBASHEV V.V.
SHVECHKOVA O.A.

ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

The summary. The authors of the article consider the peculiarities of the influence of the Ministry of Internal Affairs on elections to the State Duma of the Russian Empire in the organizational and legal aspect. Singling out a specific period in history the authors through a comprehensive analysis in the aspect of the state policy in the area of legislative power formulate a number of generalizing conclusions on the specified subject matter.

Key words: State Duma of the Russian Empire; the Ministry of Internal Affairs; election.

Разработка концептуальных основ порядка выборов в Государственную Думу осуществлялась в рамках специально учрежденного Особого совещания. Роль министра внутренних дел [2; 3] в этом процессе определялась уже тем, что распоряжением Императора он назначался председателем этого совещания.

Согласно мнению министра, основными вопросами, возникающими в связи с учреждением нового органа и выборами в него, являются:

- 1) форма, в которой лица, избранные от населения, могли бы принять участие в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений, и порядок

- осуществления ими этого участия;
- 2) круг предметов законодательства, который подлежал бы разработке при участии избранных от населения лиц;
  - 3) правовые акты, на основе которых могли бы производиться выборы.

Механизм выборов в Думу особенно усложнялся тем, что это был первый в истории Российской Империи опыт общероссийских выборов. Отсутствовали специальные органы, напоминавшие по своим функциям и компетенции Центральную избирательную комиссию современной Российской Федерации. В этих условиях основную работу по практической организации выборов, толкованию существующего законодательства, контролю за соблюдением законности в процессе выборов взяло на себя Министерство внутренних дел.

Общий надзор за правильным производством выборов осуществлялся министром внутренних дел.

Полномочия, предоставленные министру внутренних дел Положением о выборах в Государственную Думу, трактовались в смысле признания за ним права издавать общеобязательные нормы, определяющие подробности выборного производства.

Большую работу должно было проводить Министерство внутренних дел и в связи с организацией подготовительных собраний избирателей. Здесь в основном следовало выполнять полицейские функции с целью гарантии порядка на этих собраниях и пресечения попыток использовать их в целях, не предусмотренных законом. В архиве Особого делопроизводства хранится специальное распоряжение министра внутренних дел, в котором определяются в соответствии с Положением задачи собраний, условия, при которых они могут собираться, и т. п., а также даются необходимые распоряжения по линии полицейского ведомства [4, л. 17-46].

Отмечается, что подготовительные собрания могут иметь место лишь после оглашения в установленном порядке списка избирателей. Полиция должна была строго следить за тем, чтобы подготовительные собрания избирателей и выборщиков проходили в закрытых помещениях и не могли стать поводом для массовых манифестаций и уличных беспорядков. О времени и месте подготовительного собрания избиратели и выборщики должны были заявлять начальнику

местной полиции не позднее как за двадцать четыре часа до собрания, с приложением именных списков устроителей.

Заинтересованные лица могли жаловаться на постановление уездной комиссии в губернскую, а на последней – в Сенат.

Важные функции были возложены на Министерство внутренних дел и в связи с вопросами толкования действующего законодательства и конкретизации его отдельных положений.

Министерство было также обязано дать толкование вопросам, которые ставились губернскими комиссиями относительно особенностей техники приемов делопроизводства, связанного с выборами. Эти вопросы находились в полной компетенции Министерства, и его распоряжения носили обязательный характер.

Разработка концептуальных основ порядка выборов в первую Государственную Думу Российской Империи осуществлялась специально учрежденным Особым совещанием под председательством министра внутренних дел. Кроме этого, на МВД возлагались функции пресечения незаконной предвыборной агитации, организации самих выборов, общий надзор за правильным их проведением. Министерство внутренних дел полностью контролировало формирование законодательной ветви власти, что стало одной из причин конфронтации между Правительством и Государственной Думой.

Анализ социальных характеристик выборщиков от различных курий позволяет выделить социальные приоритеты основных категорий российского избирателя. Избиратели земледельческой курии отдавали предпочтение дворянам со средним образованием, получившим доходы от сельского хозяйства и имеющим опыт государственной или общественной службы. Уполномоченные от волостей ориентировались на крестьян с низшим образованием, занимавшихся земледельческим трудом. Среди выборщиков от первых городских съездов преобладали лица купеческого звена с низшим или домашним образованием, связанные с торговыми-промышленной деятельностью, а среди выборщиков от вторых съездов – дворяне с высшим образованием, посвятившие себя свободным профессиям. Рабочий избирательный корпус ориентировался на молодых людей крестьянского происхождения с низшим образованием, работавших по найму.

Можно утверждать, что первая избирательная кампания отличалась относительной свободой, хотя во время проведения выборов из 87 губерний и областей России (кроме Финляндии) 60 были объявлены в состоянии одного из видов чрезвычайного положения (30 – целиком и 30 – частями). Последнее не помешало сначала Николаю II в письме С.Ю. Витте 15 апреля 1906 г. упрекнуть сановника в «полнейшем воздержании всех властей от выборной кампании» [1, стр. 357], а затем в начале июня уже новому председателю Совета Министров поставить в вину своему предшественнику то, что он не обеспечил надлежащего контроля за проведением избирательной компании [5, стр. 40]. При этом, как показало изучение историко-правовых документов того времени и свидетельства современников первой избирательной кампании, данные упрёки не соответствовали действительности и были вызваны недовольством правительства качественным составом избранной Государственной Думы.

При этом необходимо отметить, что все меры обеспечения правильности выборов окажутся действительными только в том случае, если всё общество проявит деятельный интерес к выборам и станет на страже их законности. Законодательство о выборах в Государственную Думу в Российской Империи имело не только недостатки, но и несомненные достоинства и давало возможность избрания представителей народа.

Все содержание исторического опыта политico-правового развития России является ценным и для сегодняшнего дня, этот опыт обязательно следует использовать при разработке законодательства и организации деятельности правоохранительных органов по обеспечению режима законности, профилактики правонарушений, обеспечению законных прав граждан на свободное волеизъявление на выборах всех уровней, созданию препятствий проникновению в органы законодательной власти лиц с криминальным прошлым.

Список литературы

1. Витте С. Ю. Воспоминания. – Т. 3. – М., 1960.
2. Министерство внутренних дел России: 1802 – 2002 гг. Исторический очерк в 2-х томах / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
3. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001. – 608 с.
4. РГИА. Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу и в Государственный Совет. Ф. 1327. Ед. х. 1923. Л. 17-46.
5. Тютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. – М., 1991.

ПРОНИН Игорь Александрович,
младший научный сотрудник лаборатории новых
организационных технологий, экономики и
стандартизации в здравоохранении ГУ «СПб НИИ
Скорой Помощи им. И.И. Джанелидзе»
E-mail: pronin@ya.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются становление и развитие эстетической медицины в нашей стране с позиции оказания гражданско-правовых услуг в данной сфере. Показан генезис соответствующих учреждений с древности до сегодняшних дней, развитие нормативно-правовой базы, регулирующей анализируемые гражданско-правовые отношения.

Ключевые слова: эстетическая медицина; косметология; косметологические услуги; правовое регулирование; гражданско-правовое законодательство.

PRONIN I.A.

HISTORY OF CIVIL LAW REGULATION FOR AESTHETIC MEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. The article deals with the formation and development of aesthetic medicine in this country from the position of providing civil legal services in this area. The genesis of relevant institutions from ancient times up to these days, the development of regulatory and legal framework that controls the analyzed civil law relations are shown.

Key words: aesthetic medicine; cosmetology; cosmetological services; legal regulations; civil legislation.

История сохранила для нас сведения об истоках той деятельности, которую мы называем эстетической медициной. Известно, что еще древние египтяне уделяли большое внимание уходу за кожей, втирая в нее масла, измельченные лепестки цветов, золу, мед и лечебные грязи. Они накладывали маски не только на лицо, но и на все тело [37]. Некоторые древнерусские обряды имели своей целью достижение подобных целей, например, умывание росой на праздник Иваны Купалы. Об использовании хирургического вмешательства в эстетических целях приводят сведения И.И. Горелик. Так, еще в 1503 году сицилийский врач Бранко пытался пересадить кожу одного человека для восстановления носа другому

[9]. Имеются данные об истории промышленной разработки средств для косметологического ухода*. Об оказании медицинских услуг населению в России и в других странах, начиная с древности и до наших дней, имеется обширная, в том числе и юридическая литература [1; 2; 3; 4; 5; 7; 10; 11; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31; 32, стр. 104-108; 33].

Таким образом, забота о красоте человеческого тела из древних практик, носящих религиозный или мифологический характер, постепенно оформляется как массовая услуга, что дает толчок к промышленному производству необходимых для данной сферы товаров.

В нашей стране рождение научных основ

эстетической медицины связано с исследованиями в сфере косметики и, в первую очередь, с деятельностью доктора медицинских наук А.М. Остроумова, под именем которого в 1907 г. выходит брошюра «Эманация радия в приложении к косметике». Следует, однако, сказать, что перед исследованием косметической сферы, интерес ученого был направлен на массаж и врачебную гимнастику [12]. В 1908 г. в России был принят циркуляр, дававший право заниматься уходом за лицом и телом закончившим школу массажа и врачебной гимнастики и прошедшим дополнительный курс по названной специальности. Научным и практическим центром врачебной косметики становится институт доктора А.М. Остроумова.

Институт, видимо, не сохранился после революции, так как рождение советской косметологии связывается с 1930 г., когда в Москве был открыт первый «кабинет врачебной косметики». В 1934 г. на Международном конгрессе дерматологов в Бухаресте принимается решение о замене термина «косметика» на «косметология». Это, по мнению исследователей, «подчеркивало значимость научного подхода к медицине красоты» [8, стр. 3]. В 1937 г. по приказу Наркома пищевой промышленности СССР №147 А. Микояна в Москве был создан «Институт косметики и гигиены Главпарфюмерпрома». В период Великой отечественной войны институт не работал, однако уже в 1945 г. издается распоряжение СНК СССР № 12332-р о возобновлении работы в Москве «Института красоты и гигиены». В 1952 г. институт вновь переименовывается и под названием «Институт врачебной косметики» распоряжением Совета Министров СССР № 24811 он передается в распоряжение Министерства здравоохранения СССР.

Таким образом, фактически признавался медицинский характер оказываемых косметологических услуг. Оценивая состоявшееся переподчинение, исследователи отмечают, что «это было продиктовано необходимостью контроля органов здравоохранения за косметологическими действиями, поскольку такие и их последствия выходили за рамки бытового обслуживания» [8, стр. 3].

В 1966 г. Институт врачебной косметики был реорганизован в Московский научно-исследовательский институт косметологии Министерства здравоохранения РСФСР, ставший

впоследствии НПО «Косметология». В 1998 г. НПО «Косметология» было преобразовано в ФГУП «Институт пластической хирургии и косметологии» МЗ РФ, а затем в ОАО «Институт пластической хирургии и косметологии».

История развития данного Института в сфере косметологии отражает зарождение и происшедшие впоследствии изменения государственного управления в сфере оказания косметических услуг. Одним из наиболее значимых итогов прошедшей эволюции, на наш взгляд, становится признание за рядом косметических услуг медицинского характера. Это позволило разделить косметические услуги на «бытовые» и «медицинские», что, в свою очередь, изменило порядок и содержание нормативного регулирования этой сферы и позволило зародиться современной эстетической медицине. Проследим эти изменения.

Оказание косметических услуг в советский период происходило под названием косметическая помощь населению, в рамках которой выделялись просто косметические и врачебно-косметические услуги. Подобное деление прямо следует из названия одного из первых официальных документов, регламентирующих эту деятельность – Санитарные правила устройства и содержания врачебно-косметических и косметических кабинетов, утвержденные Главным госсанинспектором Союза ССР 15/III-1948 года. Практика показала, что, несмотря на общий нормативный акт, различие между косметическими и врачебно-косметическими услугами существовало и выражалось в том, что второй вид услуг оказывался учреждениями здравоохранения. Так, днем рождения косметологической службы Республики Башкортостан принято считать дату 30 ноября 1965 года. В этот день было сформировано отделение врачебной косметики в хозрасчетной поликлинике МЗ БАССР. Штат отделения состоял из врача косметолога, врача хирурга, 2 медсестер, физиотерапевтического кабинета и кабинета электроэпиляции [34].

Следует добавить, что в настоящее время «врачебно-косметические» услуги имеют деление еще на два вида: терапевтическая косметология и оперативная (хирургия). В свою очередь, терапевтическая косметология подразделяется на физиотерапию и дерматокосметологию. Последними тенденциями в этой сфере является

стремительное развитие аппаратной косметологии, методы которой основаны на воздействии на организм человека разных физических факторов: электрического тока, лазерного излучения, электромагнитного поля, ультразвука, вакуума [36].

Следующим этапом в правовом регулировании оказания косметических услуг становится принятие Санитарных правил устройства и содержания косметических кабинетов при учреждениях коммунального и бытового обслуживания населения от 27 июня 1974 г. № 1163-74 [13], которые распространялись и на косметические салоны. Правила уже разделяют косметические и врачебно-косметические услуги.

Из документа видно, что выделяя врачебно-косметические услуги в отдельную сферу, не предложено никаких норм, ее регламентирующих.

В отношении врачебной косметологии создается правовой вакuum, который, по логике происходящих преобразований, должен быть заполнен нормотворчеством Минздрава СССР, что и происходит, но только в 1982 г.

Таким образом, мы видим, что нормативно заложенная еще в 50-х годах прошлого века классификация услуг, на «косметические» и «врачебно-косметические», сохранилась до настоящего времени. Подобное деление, в свою очередь, основывалось на характере оказываемых косметических услуг, и в рамках второго (врачебного или лечебного) направления первоначально было связано лечение заболеваний кожи. Именно второе направление становится той основой, на базе которой и получила развитие эстетическая медицина.

В настоящее время оказание услуг эстетической медицины не имеет обязательным условием заболевание кожи, а может быть связано с устранением каких-либо недостатков внешности человека, не носящих характер болезни. В этом случае именно применяемые медицинские методики и приближают данную деятельность к медицинской.

Следующим документом, с которым связывается развитие косметологии, становится Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 сентября 1977 г. № 870 «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» [30, стр. 88], в соответствии с которым министерства здравоохранения союзных республик и их органы осуществили ряд мероприятий, направленных на организацию и

совершенствование косметологической помощи в стране.

В развитие данного Постановления 28 декабря 1982 г. принимается Приказ Минздрава СССР «О мерах по улучшению косметологической помощи населению» №1290 [12]. Данный Приказ предлагает в своем содержании официальный анализ ситуации, сложившейся в сфере так называемой «врачебно-косметологической помощи».

Центром подготовки для врачей и медсестер, занятых при оказании косметологических услуг, определялся Московский научно-исследовательский институт косметологии Министерства здравоохранения РСФСР.

Несмотря на несколько устаревшее содержание, данный нормативно-правовой акт является до настоящего времени единственным документом, регламентирующим порядок предоставления косметологических услуг.

В дальнейшем нормативное регулирование косметологических услуг происходит по линии Министерства здравоохранения и касается общих требований к врачам-специалистам, осуществляющим отдельные косметологические операции (например, пластическая хирургия), технологиям осуществления косметологических операций, используемым медикаментам и сопутствующим товарам (импланты, «золотые» нити и др.)

Специальности «пластическая хирургия» и «косметология» впервые нашли свое закрепление в Приложении к Приказу МЗ и СР РФ № 210-н «О номенклатуре специальностей специалистов с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения Российской Федерации» от 23 апреля 2009 г. (с изменениями на 21 июня 2009 г.). В этой связи мы разделяем радость коллектива авторов статьи «Учреждение специальностей «косметология» и «пластическая хирургия» – путь к успеху и решению новых задач» [8] по поводу принятия данного нормативного акта.

Относительно недавнее признание пластической хирургии со стороны медицинского законодательства не мешает, тем не менее, иным официальным документам уже достаточно давно не только признавать, но и подразделять на отдельные виды эту медицинскую услугу. Так, Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг

(ОК 004-93, утв. постановлением Госстандарта РФ от 6 августа 1993 г. №17) (в редакции Изменений 1/94, 2/95, 3/96 ОКДП) (с изменениями №4/2001) [13] содержит целый раздел, посвященный пластической хирургии, включающий в себя перечень конкретных операций и манипуляций.

Таким образом, в рамках медицинского законодательства услуги в сфере эстетической медицины признаются видом медицинской деятельности, установлен порядок организации этой деятельности, закреплены требования к медицинскому персоналу.

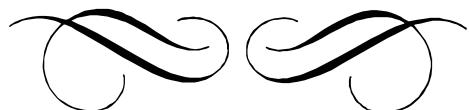
Примечания

* Например, косметологическое средство «нафталан» [35].

Список литературы

1. Александров А.И., Кузнецов Э.В. Вызов закону XXI века. – М., 1998.
2. Аникин Л.И. История русской средневековой медицины. – Л.: ВМедА, 1988.
3. Арутюнов Ю.А. Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Науч. ред. А.И. Уткин. – М., 2000.
4. Афанасьева Е.Г. Права пациента и некоторые проблемы медицинской этики в США / Гл. ред. В.М. Чхиквадзе. – М., 1993.
5. Бабаджанов И.Х. Гражданко-правовые проблемы права на жизнь и здоровье. – Душанбе, 2004.
6. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: «ЭР-граф», 2011.
7. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
8. Виссарионов В.А., Бурылина О.М., Виссарионова И.В. Учреждение специальностей «косметология» и «пластика хирургия» – путь к успеху и решению новых задач // Экспериментальная и клиническая дерматокосметология. – 2009. – №5.
9. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. – Минск: Высшая школа, 1971.
10. Громов А.П. Права, обязанности и ответственность медработников. – М.: Медицина, 1976.
11. Гусаков Н.И. Петр I и медицина (очерк). – М., 1994.
12. ИПС «Гарант».
13. ИПС «Консультант Плюс»
14. Коваленко П.П. Пересадка тканей и органов. – Ростов-на-Дону, 1976.
15. Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в законе Российской Федерации о трансплантации органов и (или) тканей человека) // Государство и право. – 1993. – №12.
16. Лахтин М.Ю. Медицина и врачи в Московском государстве в Допетровской Руси // Ученые записки мед факультета Императ. Моск. Университета, 1907. – Вып. 10.
17. Малеин Н.С., Малеина М.Н. Закон и охрана здоровья граждан. – М.: Прогресс, 1986.
18. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном мире. – М.: БЕК, 1995.
19. Медицина и права человека // Нормы и правила международного права, этики, католической, протестантской, иудейской, мусульманской и буддийской морали. – М.: Прогресс-Интер, 1992.
20. Мельников В.С. Социальные и правовые аспекты медицинской деятельности. – Киров: Кировский гос. университет, 1997.
21. Мур Ф. История пересадок органов: Пер. с англ. / Под ред. Р.В. Петрова. – М.: Мир, 1973.
22. Нежметдинова Ф.Т., Исланова Н.Н. Право и медицина: биоэтические основы. – Казань: Дом печати, 1998.
23. Петросян М.Е. Врач и пациент: Этико-правовой аспект. – М.: АН СССР, 1990.
24. Попов В.Л. Правовые основы медицинской деятельности. – СПб., 1997.
25. Разумовский В.Н. Медицинское дело в царствовании первых Государей Дома Романовых. – Саратов, 1913.
26. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
27. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
28. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования. / Под ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2000.

29. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии / Под ред. В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
30. Свод законов СССР. – Т. 3. – 1990.
31. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. Серия «Право и медицина». – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
32. Суховерхий В.Л. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению // Сов. государство и право. – 1975. – №6.
33. Тагайназаров Ш.Т., Бабаджанов И.Х., Бадалов Ш.К., Бабаджанов Дж.Б. Жизнь и здоровье человека: современные проблемы правовой ответственности. – Душанбе: «ЭР-граф», 2010.
34. <http://cosmetologia-ufa.ru/history>
35. <http://naflalangroup.m/ms/legenda-i-istoriya-o-naftalanskoy-nefti.html>
36. <http://www.cbh-beauty.ru/services/hardware/>
37. <http://www.nowa.cc/showthread.php?p=3377818>
38. <http://www.palaciya.narod.ru/russ.html>

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

СОКОЛОВА Ирина Валерьевна,
депутат Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: socolofaiv@duma.gov.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история
учений о праве и государстве

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА И БРАТСТВА ВОИНСТВА ХРИСТОВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возникновения, формирования и развития государственности Полоцкого княжества. Автор, подробно анализируя имеющиеся проблемы в сфере взаимного влияния Полоцкого княжества и Братства воинства Христова, с учетом исторического и политического аспектов, подводит итоги становления их государственности и приводит ряд обоснованных обобщающих выводов.

Ключевые слова: Полоцкое княжество; Братство воинства Христова; становление государственности; взаимное влияние.

SOKOLOVA I.V.

PROBLEMS OF MUTUAL INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF STATEHOOD OF POLOTSK PRINCIPALITY AND BROTHERHOOD OF CHRIST WARRIORS

The summary. The article is concerned with the origin, formation and development of Polotsk principality statehood. The author analyzing in detail the existing problems in the sphere of mutual influence of Polotsk principality and Brotherhood of Christ warriors with a glance to historical and political aspects summarizes the establishment of their statehood and makes a number of valid conclusions.

Key words: Polotsk principality; Brotherhood of Christ warriors; establishment of statehood; mutual influence.

В 1202 году против язычников Прибалтики был объявлен крестовый поход. Князь Владимир Полоцкий боялся вступать в открытый конфликт с Орденом меченосцев, за которым стояла вся католическая Европа. Поводом к конфликту с Орденом послужил отказ в 1203 году ливского князя Каупо признать сюзеренитет Полоцка в

расчете на помощь Римского папы.

Владимир появился под стенами Иксеколы с войском. Меченосцы выступили на стороне ливов. К этому Полоцкий князь был явно не готов, что и предопределило его неудачу. Одновременно в войну вступили и другие члены Полоцкой «конфедерации». В частности, Всеволод

Ерсикский подошел к Риге «с литовцами, угнал скот горожан, бывший на пастбищах, захватил двух священников, Иоанна из Вехты и Вольхарда из Гарпштедта (Harpenstede), рубивших с пилигримами лес у Древней Горы, а Теодориха Брудегама, погнавшегося за ним с горожанами, убил» [4, стр. 54]. По-видимому, узнав об этом, отряд меченосцев вернулся к Риге. Ливы, оставшись без поддержки, приняли условия русских. Восстановив условия прежних договоренностей, Владимир отвел войска.

Об официальном мире Полоцка с Ригой в это время ничего не известно, но в 1205 году перемирие с немцами заключают вассалы Полоцка, вряд ли пошедшие на это без воли сузера. Долгая война торговые города, расположенные по Двине, не устраивала.

Несколько раньше мирный договор с Ригой заключили и литовцы, правда, просуществовал он менее года. Весной 1205 года происходит нападение меченосцев совместно с дружиной земгальского князя Виестурса на литовское войско, возвращавшееся из похода на Эстонию в местечке Роденпойс. Казалось бы, столь вероломное нападение на вассала должно было немедленно вызвать жесткую ответную реакцию Полоцкого князя. Но ее не последовало. Владимир никак не прореагировал на события при Роденпойсе.

Нерешительность князем Владимиром была проявлена и в 1206 году по отношению к ливам, послы которых прибыли в Полоцк с требованием начать поход на Ригу, чтобы защитить их от прибывающих в Ливонию крестоносцев. Признав себя вассалами Полоцка, ливские князья рассчитывали на реальную военную помощь сузера. Одновременно прибыли и послы от епископа Альберта для официального заключения мира.

Обе делегации встретились на подворье Полоцкого князя. В этой сложной ситуации Владимир ведет двойную игру, обещая посольствам прямо противоположные вещи: ливам — войну с Орденом меченосцев, когда основная масса крестоносцев покинет Ригу, а меченосцам — мир.

Альберту становится известно, с чем прибыли ливы в Полоцк. Он дает указание крестоносцам возвратиться в Ригу. Тянуть время и лавировать дальше было невозможно, у Владимира остался лишь один выход — немедленно начать войну. Но объявить об этом в Полоцке в открытую он не

решился, поскольку феодалы Полоцкого княжества не были заинтересованы в войне, которая сулила им большие потери. Владимир переносит переговоры на территорию Ливонии, чтобы уйти от давления полоцкой верушки.

Но, пытаясь лавировать, Владимир упустил время. Крестоносцы разгромили войска ливов. Замок Гольм лидера ливского сопротивления князя Ако был захвачен немцами. Сам князь погиб. Оставшиеся в живых сторонники Ако были брошены в тюрьму, голову погибшего князя в качестве «трофея победы» доставили епископу Альберту. Лишь только после этого полоцкие дружины подошли к Икшкile и Гольму. Несогласованность действий, во многом ставшая следствием колебаний Владимира, предопределила исход всей компании. Владимиру вновь не удалось взять штурмом Гольм. «Полоцкая партия» в Ливонии потерпела поражение. Ливония была практически потеряна для Полоцка.

Далее последовала утрата Кокнессе. В результате поражения Полоцка в войне за Ливонию и разгрома «заговора Ако» положение Кокнессе стало очень тяжелым. Было ясно, что немцы продолжат экспансию по Двине и что Кокнесское княжество станет очередной жертвой. А чудовищное разграбление столицы православного мира Константинополя уже показало всем странам восточно-христианской традиции, что даже приверженность христианской вере не позволяет чувствовать себя в безопасности от крестовых походов.

В 1205 году православный князь Вячко Кокнесский, не желая портить отношений с меченосцами, как только позволила политическая ситуация, идет на мир с Ригой. Договор, как было принято по тем временам, был заключен сроком на два года. По окончании этого срока Вячко направился в Ригу для заключения нового договора. Хроника того времени сообщает: «Когда король Кукенойса Вячко (Vesceka) услышал о прибытии епископа и пилигримов, он вместе со своими людьми вышел им навстречу и по прибытии в Ригу был принят всеми с почетом. Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев, предлагая за это половину своей земли и своего замка. Это было принято, епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помочь людьми и

оружием, и король с радостью вернулся домой. После того, порадовавшись обращению и крещению ливов, епископ послал к ним священников и в Торейду, и в Метсеполэ, и в Идумею, и на Двину; везде были выстроены церкви, и священники размещены по приходам» [8, стр. 237].

Таким образом, князь Кокнессе стал вассалом рижского епископа, так как предоставление епископу половины доходов княжества в обмен на военную защиту могло означать только установление между Ригой и Кокнессе отношений сеньора и вассала. Судя по всему, условия договора были продиктованы епископом Альбертом. Выбора у правителя Кокнессе не было. После поражения Ако и его сторонников, он уже не рассчитывал всерьез на крупномасштабную военную помощь из Полоцка, а в одиночку не имел шансов выстоять. Пример же расправы крестоносцев с «полоцкой партией» был еще слишком свеж.

Опасения Вячко по поводу нападений литовцев понятны. Отказываясь от присяги Полоцку, Вячко знал, в какой форме наступит месть за политическую измену со стороны бывшего сюзерена, уже давно воюющего при помощи литовских ратей.

О том, что кабальный договор был навязан Кокнесскому князю, видно из того, как он им соблюдался. Хроника Генриха обвиняет Вячко в постоянных нарушениях вассального соглашения. Не устраивал договор и епископ Альберт. Ведь по нему он получал право лишь на распоряжение частью доходов Кокнессе, но не мог распространить на княжество ни свою юрисдикцию, ни влияние своей церкви. Даже полностью покорный князь Вячко мешал ему, кокнесский замок уже тогда виделся в Риге полностью немецким, опорным пунктом в землях Латгалии.

Новый вассал епископа явно не пришелся ко двору и его окружению. Вскоре после подписания договора о вассалитете, между Вячко и рыцарем Даниилом из Леневардена возник конфликт. Даниил захватил замок Вячко, разграбил его, а Вячко пленил. Епископ не одобрил действий леневарденцев, но и не наказал их, лишь потребовал освобождения Вячко и возвращения всего награбленного в его замке имущества. Но оскорбление, нанесенное князю Кокнессе, не было им забыто и прощено. Вячко отправил посольство в Полоцк. Вместе с посланием Владимиру были

отправлены захваченные у убитых рыцарей трофеи, в знак того, что Вячко готов возобновить вассальную присягу Полоцку. Князь просил защиты от Риги.

Епископ Альберт, отложив свое отплытие в Тевтонию, спешно стал собирать войско. Жители Кокнессе подожгли замок Кукенойс и направились в земли Ерсикского и других княжеств. Вместе с православными русскими уходили из княжества латгалы и села, не желавшие подчиняться крестоносцам. Сам князь Вячко бежит в Полоцк к Полоцкому князю Владимиру [5, стр. 233].

С падением Кокнессе началось уже неприкрытое наступление крестоносцев на рубежи православных земель. Подавив сопротивление латгалов и селов, бывших подданных Кокнесского княжества, рижский епископ основал на захваченных землях свой собственный замок, который теперь становился пограничной крепостью немецких владений в Прибалтике и опорным пунктом для дальнейшей экспансии [5, стр. 233].

Последний князь Ерсики Всеволод был известен тем, что еще в начале века вступил в династический брак с дочерью литовского князя Даугерутиса и с тех пор стал верным и неизменным другом и союзником Литвы. Князь Всеволод упорно отказывался заключать с епископом мир.

Всеволод, в отличие от колеблющегося и лавирующего Полоцкого князя Владимира, встал на сторону Литвы бескомпромиссно.

Как сообщает хроника, город Ерсики был взят внезапным штурмом. Немцы захватив в городе все наиболее ценное, подожгли его. Была взята в плен семья Ерсикского князя.

Условием для возвращения пленных стала капитуляция и признание Всеволodom вассальной зависимости от Риги: «Если ты согласишься принести свое королевство в вечный дар церкви пресвятой Марии, так чтобы вновь получить его уже из наших рук, и вместе с нами наслаждаться постоянным миром и согласием, тогда только мы отдадим тебе королеву со всеми пленными и всегда будем верно оказывать тебе помощь». Этот классический средневековый договор вассалитета был вынужден подписать князь Ерсики. У Всеволода не было выбора.

Казалось, еще один член «конфедерации» покидал ее окончательно. Но, судя по дальнейшим событиям, князь Ерсикский изначально не был намерен соблюдать навязанную ему силой

вассальную клятву. Едва отстроив Ерсику после пожара, Всеволод подтвердил соглашения с литовским князем Даугерутисом и вернулся под власть Полоцка.

Покоренные крестоносцами народы Прибалтики по мере сил оказывали сопротивление новым господам. Ливонские хроники говорят о битвах с немецкими вассалами рижского епископа и крестоносцами. Но даже когда они терпели поражения, в Ригу прибывали новые отряды рыцарей, которые, растекаясь по всей округе, жгли селенья, безжалостно убивали непокорных.

Объединяющей силой в Прибалтике в 1210 году выступили курши, восемь лет сохранявшие перемирие с Ригой.

Вся Прибалтика к этому времени была охвачена вспыхивающими то здесь, то там пожарами войн. После успешной стычки куршей с крестоносцами у Зунда, к ним в Курзиме была прислана делегация ливов, готовивших очередное восстание против Риги. Заключив с ними союз, курши направляют послов в Эстонию, Земгале, Литву, Ерсику и Полоцк. Цели коалиции куршские князья не скрывали: разрушение Риги и полное изгнание немцев из Прибалтики. Нейтралитет куршей во всех предшествовавших конфликтах стал залогом успеха их дипломатической миссии.

Так создавалась «первая коалиция» против немцев, которую составили князь Курземе, Земгальский князь Виестурс Литовский князь Даугерутис, Ерсикский князь Всеволод [3, стр. 46]. Владимир Полоцкий также вошел в коалицию, но его войска в боях не участвовали. Как представляется, это предопределило провал куршско-ливского похода на Ригу. У Владимира Полоцкого появился реальный шанс перехватить инициативу в антинемецком союзе у куршских князей. Но сдерживаемый полоцкими князьями он выбирает «худой мир вместо добной ссоры».

Князь Владимир в одностороннем порядке вышел из коалиции, фактически разрушая ее, так как за ним должны были последовать все его вассалы, прежде всего, Литва и Ерсика. Причины, побудившие Владимира начать переговоры о мире, понятны. Дальнейшее участие в коалиции не сулило ему никаких выгод, так как ее движущей силой были народы, не входившие в сферу полоцкого влияния - курши и эсты. В случае их успеха, никто из попавших под власть немцев бывших вассалов не вернулся бы под руку Полоцка. Владимира тяготила война за чужие интересы, наносившая

значительный урон полоцкой торговле. К тому же, пользуясь желанием Рижского епископа вывести его из коалиции, он мог диктовать условия.

Владимир рассчитывает на открытие Двины для торговли и возвращение ему права на ливскую дань. Первого требовала городская община Полоцка, второе было его собственным чаянием. То есть фактически он снова желает возобновления договоренностей, которые были у него с епископом Мейнхардом еще до основания Ордена меченосцев и начала крестового похода.

Князь Полоцкий явно не понимал, насколько изменилась политическая ситуация. Чтобы сохранить свое лидерство, от Полоцка требовались решительные шаги, но взять под контроль ситуацию со столицей безынициативной политикой Владимир не смог бы никогда. Развал Полоцкой коалиции стал политической смертью самого Полоцкого князя как влиятельной силы в Прибалтике. Полоцкие вассалы все менее оглядывались на сюзерена, который разрабатывал и проводил в жизнь собственные политические программы. Прежде всего, это касается соглашений, заключенных в период коалиции. Она не привела к военным победам. Был отбит штурм Риги, предпринятый куршами, вновь подавлено восстание ливов, не удалось литовцам взять Кокнессе. Но соглашения по коалиции стали значительным успехом дипломатии трех прибалтийских стран – Курземе, Земгале и Литвы. Договоренности о союзах, заключенные при посредничестве куршских князей, не оказались расторгнутыми даже в условиях выхода из войны Полоцка.

В 1210 году Владимир Полоцкий заключает с Ригой мирный договор, в котором были заинтересованы обе стороны. Рижский епископ мог спокойно заняться покорением эстов, лягтов и другого местного населения, а также «обогатить Ригу торговлею со странами, лежащими при верхних частях Двины и Днепра» [6, стр. 71]. Полоцкий князь, по мирному договору, получал ежегодную дань за порабощенных Ригой ливов [6, стр. 71].

Пользуясь миром, Владимир вел активную дипломатию, стремясь обезопасить свои тылы перед новой войной. В условиях его сложного положения в Прибалтике отсутствие усобиц с соседними русскими землями было крайне необходимо. Он направляет литовского князя Даугерутиса в Новгород для заключения мирного

договора. Отношения Полоцка с Новгородом оставляли желать лучшего. На протяжении предшествовавшей двухсотлетней истории между ними ни стихало военно-политическое соперничество, велись пограничные споры, шла борьба за контроль над торговыми путями и за влияние в Латгалии.

С 80-х годов XII века литовские дружины стали активными участниками полоцко-новгородских конфликтов, полоцкие князья, в основном, воевали их руками. Приход в Новгород с мирной инициативой именно литовского князя давала особые гарантии новгородцам в прекращении «наведения» на их земли литовских ратей.

Хроника Генриха сообщает об успехе миссии Даугерутиса и подписании договора. Но ни в одном новгородском источнике об этом договоре не упомянуто, вероятно, по причине его весьма недолгого существования. Ровно через три года политика Полоцка резко поменялась по всем направлениям, и старые договоренности перестали действовать. А еще через год и второй участник переговоров князь Мстислав Удалой покидает новгородский стол.

К моменту своей гибели в 1213 году Даугерутис сделал Литву лидером противостоящих немецкой экспансии сил в регионе. Он оставил страну с уже созданной политической традицией, в основе которой лежала открытость политики и нерушимость союзов. Ничего не изменила в этом и гибель в боях двух преемников Даугерутиса в том же 1213 году.

Литва официально, уже не оглядываясь на Полоцк, объявила войну немцам, вслед за этим это сделала Ерсика. В 1215 году литовская рать вынудила меченосцев отступить из захваченной Ерсики.

В начале 1216 года для заключения военного союза в Полоцк прибыли эстонские послы, уже имевшие план совместных действий: «После праздника Воскресенья Господня (10 апреля 1216 года) эсты послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это же время теснить войной ливов и лэтов, а также запереть гавань в Динамундэ. И понравился королю замысел вероломных, так как он всегда стремился разорить ливонскую церковь, и послал он в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев» [2, стр. 41].

К этому времени уже три года два вассала

Полоцкого князя - Литва и Ерсика вели с Ригой настоящую войну. Дальнейшее промедление сулило Владимиру потерю контроля над этими землями, причем не по причине захвата их немцами, а добровольного выхода из «конфедерации». Тянуть и лавировать дольше было невозможно, а эстонская делегация становилась хорошим поводом для смены политики. Развалив однажды «первую коалицию», Владимир решается на создание второй. Но его последнему шансу и последнему шансу его княжества уже не суждено было осуществиться. «Когда уже все собирались в полной готовности, и король собирался взойти на корабль, чтобы ехать с ними, он вдруг упал бездыханным и умер внезапной и нежданной смертью, а войско его все рассеялось и вернулось в свою землю» [1, стр. 119-120].

Среди белорусских историков бытует даже мнение, что Полоцкий князь был преднамеренно отравлен лазутчиками из Ордена. Однако, учитывая, что к 1216 году князь Владимир занимал стол более 30 лет и явно был уже немолодым человеком, его смерть могла произойти и в силу естественных причин. Но для нас важнее последняя фраза хрониста о том, что коалиционное войско сразу после смерти князя «рассеялось» и разъехалось по домам, а сама идея коалиции была похоронена вместе с ее автором.

Для Полоцка наступают десятилетия, которые справедливо можно назвать «темными летами». О ситуации в княжестве ничего не известно вплоть до начала 50-х годов, когда оно уже было в союзе с Великим княжеством Литовским.

Осенью 1216 года окончательно пала Ерсика. Видя бесперспективность дальнейшей борьбы, Всеволод окончательно признал себя вассалом рижского епископа. 21 сентября 1217 года в битве при Вильянди были разбиты другие участники несостоявшейся полоцкой коалиции – эсты. От Полоцка начинают отделяться земли, бывшие от него в вассальной зависимости. Полоцкая «конфедерация» прекращает свое существование.

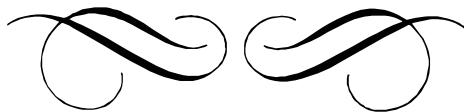
В свою очередь и Орден Братства Воинства Христова, под ударами которого развалилась «конфедерация», также уходит со сцены. Для него не прошли бесследно кровопролитные войны и с Полоцком, и с его вассалами, и с народами Прибалтики в целом, а также с Новгородом и Псковом, которые противодействовали его укреплению в Ливонии.

В 1229 и 1235 годах магистр Ордена меченосцев Волквин непосредственно обращается к магистру Тевтонского Ордена Герману фон Зальцу с просьбой о соединении обоих Орденов, однако получает отказ. В 1236 году, после неудачного похода на Литву, результатом которого явился разгром отряда крестоносцев и гибель магистра Волквина, Орден направляет посла к Римскому папе с сообщением о своем бедственном положении и просит о соединении с Тевтонским

Орденом. В 1237 году Папа Григорий IX признает необходимость такого соединения. Первым провинциальным магистром ливонским был назначен Герман Балк [6, стр. 71]. Место Ордена меченосцев в Прибалтике занимает объединенный Тевтонский Орден, которому надлежало не только сохранить власть немцев в Ливонии, но и продолжить начатое братьями Меча. Под контроль Ордена перешла Ливония, Латгалия, Эстония, часть Селии, Земгалия и Курземе [7, стр. 165-186].

Список литературы

1. Данилевич В.Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV ст. – К., 1896.
2. Данько Л.Ф. История Полоцка и его уделов конца XII – первой четв. XIII века // Полоцкий летописец. – 1992.
3. Довнар-Запольский М.Е. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол. – Киев, 1891.
4. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 4 – СПб., 1855.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1, т. IV. – М., 1988.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Изд-во Эксмо, 2005.
7. Чибинев В.М., Голованов Н.М., Макаров Д.А. Возникновение, расцвет и упадок государственности Великого княжества литовского: Монография. – СПб.: Лемма, 2008.
8. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i Wszystkiej Rusi. – Warszawa, 1846, т. I.

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
профессор кафедры правового обеспечения
деятельности органов внутренних дел Санкт-
Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: docantonov@mail.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна,
председатель федерального суда Приморского
района города Санкт-Петербурга,
кандидат юридических наук, Заслуженный юрист
Российской Федерации
E-mail: vasileva12@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

СРОКИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации норм о соблюдении прав человека в области уголовного судопроизводства, содержащихся в Европейской конвенции о защите прав человека. Авторы, акцентируя внимания на специфике применения международных норм в системе российского законодательства, формулируют ряд заслуживающих внимание выводов.

Ключевые слова: права и свободы человека; нормы международного права; уголовно-процессуальное законодательство России.

**ANTONOV I.A.
KONDRA T I.N.
VASIL'EVA G.M.**

PERIOD OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN CONVENTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS

The summary. The article considers the peculiarities of norms realization for observance of human rights in the area of criminal proceedings contained in the European Convention on Human Rights. The authors focusing on the specific character of international rules application within the system of Russian legislation formulate a number of generalizing conclusions on the specified matter.

Key words: human rights and freedoms; rules of international law; criminal procedure legislation of Russia.

Положения ратифицированной Российской Федерацией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод требуют приведения национального уголовно-процессуального законодательства в соответствие с нормами международно-правовых актов о правах человека. В частности, положение о гарантированности каждому человеку судебного разбирательства дела в разумный срок (ст. 6 Конвенции) требует совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Так, на сегодняшний день в российском уголовно-процессуальном законе отсутствуют какие-либо сроки, ограничивающие судебное рассмотрение и разрешение уголовных дел по существу (за исключением сроков начала судебного разбирательства – ст. 233 УПК РФ и сроков давности привлечения к уголовной ответственности – ст. 78 УК РФ). В связи с чем следует первоначально перенести в УПК Российской Федерации общую международную норму, регламентирующую необходимость судебного разбирательства дела в разумный срок.

Помимо этого, возможно даже предусмотреть эти сроки по разным категориям дел, чтобы исключить дальнейшие прецеденты Европейского Суда по правам человека, который по делу Левшиных против Российской Федерации (9 ноября 2004 года) признал чрезмерной длительность судебного разбирательства в Приморском федеральном районном суде г. Санкт-Петербурга и обязал наше государство выплатить компенсацию морального и материального вреда.

Далее, необходимо сократить сроки досудебного производства по уголовным делам и сроки применения мер уголовно-процессуального принуждения.

В частности, согласно принципу неприкосновенности личности, никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного уголовно-процессуальным

законом.

Данный уголовно-процессуальный принцип, стоящий на страже прав и свобод лиц, попадающих в сферу производства по уголовным делам, прямо вытекает из норм Конституции Российской Федерации (ст. 22) и норм международно-правовых актов. Например, в статье 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод написано, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 статьи 5, незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Данные положения Конвенции, к сожалению, лишь частично реализованы в УПК Российской Федерации. Так, после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в достаточно короткий срок – не более 3 часов, то есть незамедлительно, составляется протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 УПК Российской Федерации. В протоколе указываются дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. Протокол задержания подписывается лицом, его составившим, и подозреваемым (ч. 1, 2 ст. 92 УПК РФ).

При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. Если такое ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, подвергнутого задержанию, то постановление и материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства, должны быть предоставлены судье не позднее, чем за 8 часов до истечения срока задержания; затем еще в течение 8 часов это ходатайство рассматривается судьей в судебном заседании с участием подозреваемого (ч. 3, 4 ст. 108 УПК РФ), что укладывается в 48-часовой срок задержания, указанный в статье 10 УПК России, и вполне может рассматриваться как незамедлительное

доставление к судье.

Тем не менее, в УПК Российской Федерации нет нормы, закрепляющей право арестованного на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда. Сроки же заключения под стражу до судебного разбирательства, предусмотренные статьей 109 УПК Российской Федерации в редакции Закона, принятого в 2001 году, вряд ли можно считать разумными в данной интерпретации. Дополнения же к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, внесенные в 2003 году, еще более отдаляют процессуальные нормы от Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и от какой-либо разумности. Так, согласно новой одиннадцатой части статьи 109 УПК РФ, по истечении предельного срока содержания под стражей в случаях, предусмотренных пунктом четвертым части девятой статьи 109, и при необходимости производства предварительного расследования суд вправе продлить срок содержания лица под стражей, но не более чем на 6 месяцев [1, ст. 109].

Совсем иначе решается данный вопрос в

зарубежных странах, где данное право реализовано в уголовном судопроизводстве. Например, в Англии и Уэльсе предварительное заключение до предания суду не может продолжаться более 70 дней и 112 дней с момента предания суду до начала судебного разбирательства. В Шотландии обвиняемый, содержащийся под стражей, должен быть освобожден, если на 110 день не было начато судебное рассмотрение его дела. В Нидерландах дело может быть рассмотрено судом, только если прокурор направит его в суд в течение 100 дней с начала ареста. В США согласно акту «О скором судопроизводстве» (параграф 3161-3174 разд. 18 Свода законов США) обвинительный акт должен быть предъявлен обвиняемому в течение 30 дней со дня его ареста или первого вызова повесткой - в противном случае дело должно быть прекращено [2, стр. 80].

В связи с этим в рамках проводимой сегодня в России судебно-правовой реформы, следует внести соответствующие изменения и дополнения в УПК Российской Федерации с целью обеспечения права человека на судебное разбирательство в течение разумного срока.

Список литературы

1. УПК РФ: В редакции Федерального Закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» принятого Государственной Думой 21 июня 2003 года. - М., 2003.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб., 2003.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

ГЛУЩЕНКО Петр Петрович,
декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета
управления и экономики, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист РФ
E-mail: glushchenko_pp@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЕМ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности осуществления процесса правового регулирования в социально-культурной области. Автор, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретико-правовых положениях, акцентирует внимание на актуальных проблемах, связанных с реализацией правовой политики в институте управления социально-культурной сферой.

Ключевые слова: социально-культурная сфера; правовое регулирование; правовая политика.

GLUSHCHENKO P.P.

POLICY OF LAW AND LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATION IN SOCIOCULTURAL SPHERE

The summary. The article deals with the characteristics of legal regulation process in the sociocultural area. The author through a comprehensive analysis based on the fundamental theoretical and legal provisions focuses on the topical issues associated with implementation of legal policy in the institution of sociocultural sphere administration.

Key words: sociocultural sphere; legal regulation; policy of law.

Настоящий доклад предписывает сконцентрировать внимание на сущности, содержании и особенностях трех социально значимых дефинициях: правовой политике; правовом регулировании управления и в социально-культурной сфере, которая в нашем случае является основным объектом исследования. Естественно, что любая сфера деятельности, тем

более социально-культурная, всецело зависит от политики, экономики и правового закрепления, урегулирования взаимоотношений между субъектами и участниками таких правоотношений.

Правовая политика вправе быть представлена как научно обоснованная, экономически обеспеченная, социально согласуемая с внешней и внутренней политикой

государства, последовательная, повседневная деятельность государства, его органов и организаций, направленная на создание эффективного механизма правового регулирования, обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, общественных объединений, укрепления законности, правопорядка, достижения должного уровня правовой культуры и правовой жизни общества и граждан [9, стр. 23].

Правовое регулирование управления – совокупность государственно-правовых институтов, сознание, поведение и деятельность субъектов государственно-управленческой деятельности, неразрывно связанные с обеспечением формирования и реализации государственно-управляющих воздействий, отвечающих требованиям определенности, целенаправленности, последовательности, целью которого является реализация и защита интересов государства, общества, граждан на основе современности и актуальности принятия соответствующих определенной сфере правопредписаний, правовых норм, осуществления повседневного, эффективного контроля и надзора за их единообразным исполнением, применением всеми органами и их должностными лицами, уполномоченными выполнять функции государственно-управленческого характера [8, стр. 42].

Социально-культурная сфера, требующая правового регулирования и управления ею, включает в себя: здравоохранение и социальное развитие; образование и науку; культуру, печать, массовые коммуникации; физическую культуру, спорт, туризм, то есть четыре важнейших направления, в которых фактически задействованы государство, органы всех видов власти: федерального, субъектного и местного уровней, граждане, юридические лица, общественные объединения [3, стр. 304; 7, стр. 65]. Деятельность всех четырех направлений (видов) регламентирована как законами общего предписания, так и специальными, учитывающими особенности их функционирования, предназначения. К законам общего, но обязательного соблюдения, исполнения прежде всего относится Конституция Российской Федерации, на основе требований которой разработаны, приняты и действуют нормативные правовые акты, персонизирующие права, свободы,

законные интересы, обязанности и ответственность субъектов соответствующих правоотношений (здравоохранительных, социально-правовых, образовательных, научно-правовых, информационно-правовых, культурно-правовых, спортивно-правовых, туристско-правовых и т. д.) [5, стр. 41].

Основой для института правового регулирования управления социально-культурной сферой являются следующие статьи Конституции России: ст. 2, гласящая о том, что: «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»; ст. 7, констатирующая, что: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, **обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека**» (выделено нами – П.Г.); ст. 15 ч. 2 свидетельствует, что **«2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы»**; ст. 17 «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения»; ст. 18 гласит о том, что **«права и свободы человека и гражданина... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»** (подчеркнуто нами – П.Г.); ст. 20 гласит: «Каждый имеет право на жизнь»; ст. 39 «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом»; ст. 41 «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь»; ст. 43 «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям», а также обязан «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»; ст. 45 «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется»; ст. 46 ч. 3 «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся

внутригосударственные средства правовой защиты».

Вышеприведенное содержание статей Конституции Российской Федерации явилось правовой базой для издания специализированных федеральных конституционных законов, законов, Указов Президента, Постановлений Правительства, нормативных правовых актов субъектов федерации, правовых актов органов местного самоуправления, конкретизирующих и детализирующих механизм организации и осуществления правового регулирования управления социально-культурной сферой [6, стр. 43].

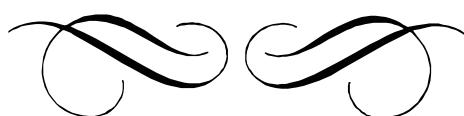
Правовое регулирование управления в социально-культурной сфере особо тесно связано с содержанием, направленностью правовой политики, являющейся составной частью как внутренней, так и внешней политики Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, которые являются составной частью ее правовой системы и подлежащие исполнению в первую очередь [4, стр. 54]. Здравоохранение, образование, социальное обеспечение семьи, материнства и

детства объявлены национальными проектами, что естественно требует государственной заботы о том, чтобы правовое регулирование управления ими было эффективным и повседневным.

Имеются основания утверждать, что качество правового регулирования социально-культурной сферы зависит от качества законодательной базы, кадрового обеспечения системы органов, уполномоченных осуществлять функций управленческого характера, надлежаще организованных контроля и надзора за своевременностью и пунктуальностью исполнения управленческих предписаний, дисциплинарной практики, способствующей оценке результатов управления и принятию надлежащих, обоснованных, регламентированных законопредписаниями решений о поощрении, либо принуждении конкретных должностных лиц и граждан – субъектов государственно-правовых управленческих отношений. Однако центральным звеном в правовом регулировании управления рассматриваемой сферы является политическая воля, направленность правовой политики высших органов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной).

Список литературы

1. Конституция РФ. – М., 2011. Ст. 1-4, 7, 15, 17-18, 41, 43-46, 80, 125.
2. Федеральный закон от 02 мая 2006 г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
3. Атаманчук Г.В. Теория управления. – М., 2006.
4. Глущенко П.П., Вихров А.А., Бабанцев Н.Ф. Правовая культура должностных лиц и государственных служащих – направление совершенствования государственно-управленческой деятельности. – СПб., 2011.
5. Глущенко П.П., Кикоть В.Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации: Учебник для вузов МВД РФ. – М., 2006.
6. Глущенко П.П. Институт государственно-правового управления здравоохранением. – СПб., 2007.
7. Институт правового регулирования государственно-управленческой деятельности: Сборник научных статей / Под общ. ред. П.П. Глущенко. – СПб., 2008.
8. Малько А. В. Правозащитная политика в современной России: необходимость формирования // Социология и право. – 2010. – №4.
9. Правовая политика. Словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

АНОХИН Павел Викторович,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: anokhin@gmail.com

ИЛЬЧЕВ Василий Валентинович,
кандидат юридических наук
E-mail: ilich@ya.ru

МИНАКОВ Игорь Адольфович,
кандидат юридических наук
E-mail: minakoff2011@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reyf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

«СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности функционирования политico-правовой концепции «сильного государства». Выделяя такую категорию, как сильное государство, авторы путем комплексного анализа в аспекте ее возникновения и развития, исследуют имеющиеся проблемы в сфере реализации политico-правовой модели сильного государства.

Ключевые слова: государственная власть; политическая система; регулирование политico-правовых отношений.

ARTAMONOVA G.K.
ANOKHIN P.V.
IL'ICHEV V.V.
MINAKOV I.A.
REYF V.M.

“POWERFUL STATE”: GENERAL CHARACTERISTIC OF POLITICAL-AND-LEGAL CONCEPTS

The summary. The article considers distinguishing characteristics of functioning for “powerful state” political-and-legal concept. Singling out such category as powerful state the authors through a comprehensive analysis in the aspect its origin and development research the existing problems in the sphere of powerful state political-and-legal model realization.

Key words: state power; political system; regulation of political-and-legal relations.

Сильное государство с правовой точки зрения – это, прежде всего, государство, способное, с одной стороны, создать необходимые условия для строгого неукоснительного исполнения и соблюдения всеми субъектами правоотношений предписаний юридических норм. С другой стороны, сильное государство – это государство, которое, выступая в качестве легитимного субъекта политico-правовых отношений в случае необходимости способно реально принудить отдельных субъектов к исполнению требований публичной власти. В целом понимаемая именно таким образом и оставаясь неизменной с формальной стороны, идея сильного государства, в части своего концептуального содержания, претерпевала определенные изменения в ходе развития политico-правовой мысли. В этой связи следует отметить, что понимание сильного государства проходит несколько эволюционных этапов, по сути своей сводимых к интерпретации места и роли государства в политической системе [5; 8; 10; 9; 27; 29; 54; 56; 57, стр. 45-54; 61; 74; 82; 83; 92; 93; 102; 103, стр. 24-32; 104, стр. 3-16; 114, стр. 3-11; 115, стр. 21-26; 116, стр. 66-73; 117, стр. 5-14; 118; 119; 120, стр. 107-115; 121, стр. 155-165; 123; 124; 87; 106; 107; 24, стр. 3-11; 46; 7; 45; 96; 36; 43; 60; 79; 112; 32; 84].

Первый этап хронологически совпадает с периодом античности и связан, собственно, с формированием первых представлений о государстве-полисе. С появлением государственных образований, по мере философского осмысления феномена «государство», начинают складываться взгляды об его роли как специфического коллективного субъекта. Феномен сильного государства рассматривается в соответствие с принципом системоцентризма. В рамках такого восприятия отдельный индивид нормально существует и развивается лишь благодаря своей

интегрированности в политическое целое. Святая обязанность личности, в рамках данных взглядов сводится, прежде всего, к служению полису, а в случае необходимости – к принесению себя и своих личных интересов в жертву интересам всего полиса.

Отсюда и понимание феномена сильного государства как единого организма, от здоровья которого зависит здоровье всех его составляющих. Как отмечал в этой связи Демокрит, «государство, идущее по верному пути, – величайшая опора. И в этом заключается все: когда оно в благополучии, все в благополучии, когда оно гибнет, все гибнет». Таким образом, от силы государства зависит благополучие человека. Соответствующее понимание сильной государственности в той или иной степени присущи различным политico-правовым концепциям Древней Греции и Древнего Рима [35; 81; 69].

Второй этап эволюции политico-правовых представлений о сильной государственности совпадает с эпохой Средневековья и в целом характеризуется теократическими взглядами. Античный системоцентризм сменяется персоноцентризмом, получившим выражение в религиозной сфере в переходе от язычества к «единобожию», а в политической сфере – в усилении абсолютистских устремлений папской власти. В отличие от античной интерпретации в рассматриваемый исторический период идея сильного государства неразрывно связана с идеей укрепления церкви и усиления ее влияния на светскую политическую власть. Сила государства в единении с церковью. Основной критерий этой силы – служение богу (Ф. Аквинский, А. Августин).

В этой связи весьма показательно учение св. Августина о борьбе двух градов. «Град земной» в понимании теолога – это светское государство, в основе которого лежит борьба людей за корыстные,

личные или узокорпоративные интересы. «Град небесный» - представляет собой некую духовную общность «Божьих избранников», праведников, рассеянных по миру между неправедниками. «Борьба двух градов», в конечном счете, должна закончиться победой «града небесного», который, по мнению Августина, только и достоин называться «миром собственно разумной твари» и представляет собой «самое упорядоченное и самое единодушное общение в наслаждении Богом, и – взаимно в Боге».

Третий этап в развитии политico-правовых взглядов на проблему сильной государственности связан с периодом становления централизованных государств. Формирование буржуазных экономических отношений, выдвигающих требование единого рынка, с одной стороны, и разложение феодальных отношений с присущими им центробежными силами, с другой, обусловили становление новых идеино-теоретических обоснований формирования централизованной государственности, а, по сути, и абсолютной монархии. Общую канву этих взглядов можно выразить следующей формулой: «сила государства в максимальной концентрации политической власти в одних руках суверена».

Уже в XV веке необходимость централизации становится настолько очевидной, что она начинает рассматриваться как высшая политическая цель, ради достижения которой хороши все средства. Раньше других и наиболее последовательно эти новые взгляды на государство и политику были выражены у Н. Макиавелли, который фактически вскрыл подлинные основы «реалистической» политики государей, укрепляющих и расширяющих свою власть всеми средствами, «дозволенными» и «недозволенными». Сильное государство в его абсолютистском понимании - это одновременно и идеал и основная идея всего учения. Обосновывая необходимость политического объединения феодально-раздробленной Италии под единой верховной властью монарха, Макиавелли высшим политическим интересом провозгласил «интерес государства» (*raison d'etat*), которому должны подчиняться все остальные интересы в обществе. Поэтому государственным интересом, по мнению мыслителя, оправдывается и насилие по отношению к народу.

В контексте такой интерпретации сильного государства формируется учение о государственном суверенитете, возникновение

которого связывается с идеями французского философа и юриста Жана Бодена. Мыслитель, по сути, впервые сформулировал ставшее классическим понятие суверенитета как «постоянной и абсолютной власти государства». В учении Бодена суверенитет выступал в качестве обязательного атрибута государства и характеризовался такими признаками, как *неограниченность* (распространение на всю страну и на всех подданных), *неделимость* и монополия господства (т. е. обладание всей суммой властных правомочий), *постоянство*, *беспрерывность*, *независимость* от любой другой внутренней или внешней политической силы [13, стр. 200-216; 34; 51]. Как и Макиавелли, французский мыслитель неразрывно связывал феномен государства с монархом-сувереном. Таким образом, сильное государство по Бодену – это, по сути, абсолютная монархия, характеризуемая неограниченной политической властью.

Четвертый этап развития идеи сильного государства приходится на временной промежуток, простирающийся от эпохи Нового времени до наших дней. С некоторой долей условности этот этап может быть увязан с генезисом и развитием либеральной доктрины.

Характерной чертой восприятия идеи сильной государственности в рассматриваемый период является качественно новое восприятие феномена государственного суверенитета. Идея государственного суверенитета, в ее абсолютистской интерпретации, где основной посылкой является положение о неограниченном, по сути, верховенстве, независимости и неделимости государственной власти была подвержена существенной ревизии в политико-правовой мысли Нового времени. В учениях Ш. Монтескье, Ж-Ж. Руссо, Дж. Локка, и других известных мыслителей этой эпохи понятие суверенитета начинает связываться с такими субъектами, как народ и нация [73], интересы которых рассматриваются как нетождественные с интересами государства, а зачастую и прямо противопоставляются последним. Концепция суверенитета, до того связываемая с абсолютизмом, приобретает качественно новое инструментальное значение, она ставится на службу обществу. Поэтому сам государственный суверенитет согласно новому пониманию должен быть определенным образом ограничен, дабы не

притеснять интересы общества. Именно в этот период получает свое развитие идея разделения властей, как механизма ограничения государственной власти, как некая система сдержек и противовесов, сдерживающая государственный произвол.

Эти идеи получили свое правовое выражение в сочинениях «отца классового компромисса», выдающегося английского мыслителя Дж. Локка, который, пожалуй, впервые поставил на научную основу идею гармоничного сочетания интересов личности и государства. Эта идея получила свое концептуальное развитие в рамках учения о правовом государстве, как о государстве, подразумевающем взаимную ответственность государства и личности, власть которого ограничена правом [15; 14, стр. 118-124; 16, стр. 61-65; 19, стр. 116-120; 21; 23, стр. 1-20; 25; 28; 30; 31; 33, стр. 72-80; 12; 38, стр. 15-23; 40, стр. 8-17; 43; 41; 48; 49, стр. 49-52; 52, стр. 15-22; 53, стр. 115-125; 55; 58, стр. 108-116; 59, стр. 5-14; 62; 64, стр. 23-32; 70; 71; 75; 100; 111, стр. 122-129; 110, стр. С. 23-31; 113; 126, стр. 11-20].

Следует отметить, что концепция правовой государственности, неразрывно связанная с попыткой разрешения противоречия интересов отдельного человека и интересов государства, в конечном счете, приоритет отдает первым. Сегодня правовое государство рассматривается, прежде всего, как государство, основанное на праве, как государство, которое исходит из признания приоритета неотчуждаемых прав и свобод человека и возложеной на государственный аппарат обязанности соблюдать и защищать эти права [1; 3; 20; 26; 37; 42, стр. 17-25; 47; 65; 66, стр. 102-110; 77; 78; 90; 94; 101; 125]. Оформившееся в рамках западного либерализма учение о государстве, ограниченном правом, сегодня стало достоянием практически всех национальных правовых культур. Идеи правовой государственности отражены в основных законах большинства стран мира. Конституция Российской Федерации 1993 года также провозгласила Россию демократическим правовым государством (п. 1 ст. 1).

Неотъемлемой составляющей, принципом правовой государственности является признание приоритета прав человека по отношению к публичным интересам. В связи с этим в ст. 2 Конституции РФ закрепляется, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Наличие и объем прав и свобод определяют место человека в обществе, характеризуют взаимосвязь личности с государством. В соответствии с «официальной» концепцией правового государства конечная цель государственной деятельности состоит в обеспечении законных интересов личности. Законодательное закрепление права и свободы человека призвано служить своего рода барьером на пути всецластия государства, его органов и должностных лиц, препятствовать произвольному вмешательству государства в сферу частных интересов. Но при построении правовой государственности, интерпретируемой таким образом в условиях современной России, следует иметь в виду, по меньшей мере, три основных аспекта.

Во-первых, абсолютизация принципа приоритета прав человека по отношению к общесоциальным интересам создает угрозу формирования и распространения в обществе позиции крайнего индивидуализма и эгоизма, что, в конечном счете, может негативно отразиться на жизнедеятельности общества и государства.

Во-вторых, в ряде случаев вмешательство государства в частные интересы продиктовано объективной необходимостью. Например, такое вмешательство может быть оправданно, если оно осуществляется для обеспечения интересов государственной (национальной) безопасности, а фактически в целях обеспечения безопасности всего политически организованного общества (правоохранительная деятельность, деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций, оборона от внешней агрессии и т. д.) [17; 86; 94; 108; 80].

В-третьих, восприятие роли личности в традиционной российской правовой культуре существенно разнится с пониманием этой же проблемы в правовой культуре Запада [2, стр. 10-14; 4, стр. 37-39; 6, стр. 124-146; 11; 18; 22, стр. 131-138; 39; 44, стр. 50-55; 50, стр. 50-53; 63, стр. 3-16; 67; 68, стр. 23-31; 72, стр. 94-99; 76; 85, стр. 157-163; 88, стр. 7-10; 89, стр. 2-8; 91; 95, стр. 19-22; 97, стр. 108-113; 98, стр. 73-80; 99, стр. 197-204; 105, стр. 27-30; 109, стр. 15-30; 122, стр. 122-124]. С одной стороны, законодательное закрепление получило приоритет естественных, неотъемлемых прав человека, с другой – приоритетной является

обязанность служения отечеству, Родине, государству, которые представляют собой духовно-нравственное единение отдельных личностей в одно целое. Благо личности, с позиции российского мировоззрения, заключается в большей степени в общественном благополучии, чем в благополучии личном [93].

Представляется, что решение проблемы личности и государства современное российское общество может осуществить в рамках концепции «сильного демократического государства», которая во многом перекликается с идеей правовой государственности в ее традиционно-либеральной интерпретации. Но в отличие от последней, где приоритет отдается интересам индивида, концепция «сильного демократического государства» подразумевает баланс интересов, индивид с его «неотъемлемыми правами и свободами» не возвышается над государством, а выступает в качестве своего рода партнера в процессе осуществления «общих дел».

В рамках такого подхода важен паритет прав человека и государственного суверенитета. Но такой паритет может быть достигнут не посредством некоего внешнего ограничивающего трансгрессивные государственные тенденции фактора (со стороны, общества или каких то политических сил), а только в условиях

самоограничивающегося государства. Таким образом, в содержании теоретической модели сильного демократического государства особое место отводится принципу ограничения государством своей же трансгрессивности, сдерживанию общей тенденции этатизации разных сфер общественной жизни. И здесь важен вопрос о механизме самоограничения, о роли каждого элемента этой сдерживающей и координирующей системы, которая вырабатывалась человечеством на протяжении многих веков, с момента появления первых протогосударств и полисных образований до наших дней.

Самоограничение, как принцип демократического сильного государства, в свою очередь, может быть представлено как система принципов второго порядка. Причем в качестве основных элементов этой системы выступают такие принципы, как принцип признания и гарантированности прав и свобод человека, принцип верховенства права, принцип разделения властей, принцип правосудия, принцип взаимной ответственности личности и государства. Только государство, осуществляющее свои внутренние и внешние приоритетные функции в соответствии с перечисленными принципами, может претендовать на статус одновременно и сильного, и демократического.

Список литературы

1. Абдулаев М.И. Права человека: историко-сравнительный анализ. – СПб., 1998.
2. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – №1.
3. Азаров А.Я. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. – М., 2000.
4. Акимов А.Н., Ческин А.Н. Правовая культура на примере стран романо-германской и англосаксонской правовых семей // История государства и права. – 2006. – №10.
5. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001. (Мир культуры, истории, философии).
6. Антонов М.В., Поляков А.В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – №2.
7. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.
8. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997.
9. Байтинг М.И. Вопросы общей теории государства и права. – Саратов, 2006.
10. Байтинг М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
11. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
12. Бельнов Г.В. Законодательная власть в правовом государстве. – М., 1995.
13. Блищенко И.П., Дориа Ж. Понятие экономического суверенитета государства // Правоведение. – 2000. – № 1.
14. Боботов С.В. Васильев Д.И. Французская модель правового государства // Сов. государство и право. – 1990. – №1.
15. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание. – СПб.: Алетейя, 1999.
16. Бойцова В.И. Идея правового государства в трудах русских юристов (административно-правовой аспект) //

- Правоведение. – 1991. – №3.
17. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб., 1999.
18. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
19. Визер Б., Будер И. Принцип правового государства в конституционном правосудии Австрии // Государство и право. – 1999. – №11.
20. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008.
21. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. – М., 1995.
22. Гаврилов В.В. Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание // Журнал российского права. – 2006. – №2.
23. Гафуров З.Ш. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование // Государство и право. – 2008. – №5.
24. Геев Н.Н. От государства-аппарата к государству-ассоциации // Правоведение. – 1990. – №5.
25. Геллер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. – М., 2004.
26. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. – М., 2003.
27. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2002.
28. Горшенев В.М. Законность как достояние правового государства // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. – Волгоград, 1991.
29. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под. общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М., 2005.
30. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
31. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991.
32. Дадонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
33. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному обществу // Полис. – 1993. – №5.
34. Джунсунов М., Мансуров Т. Лики суверенитета. Суверенитет в призме социальной истории. – М., 1994.
35. Дробышевский С.А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. – Красноярск, 1999.
36. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. – Красноярск, 1991.
37. Жуков В.М. Права человека и власть закона. – М., 1995.
38. Замбровский Ю.Л. К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политический журнал. – 1991. – №6.
39. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
40. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и правовое государство // Полис. – 1992. – №1-2. – С. 8-17.
41. Казлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. – СПб., 2003.
42. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. – 2002. – №10.
43. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2006.
44. Клейменова Е.В., Моралева К.А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. – 2003. – №1.
45. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: Проблемы политico-правовой теории. – М., 1990.
46. Колдаев В.М. Государственная власть. Механизм государственной власти. – М., 1993.
47. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб., 2002.
48. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. – М., 1993.
49. Кузнецов Э.В., Савельев В.Ф. Правовое государство: из истории русской правовой мысли // Правоведение. – 1991. – №1.
50. Латыпов Ф.Т. Правовая культура в системе социальной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – №6.
51. Левин И.Д. Суверенитет. – СПб., 2003.
52. Лившиц Р.З. Право и закон в правовом государстве // Сов. государство и право. – 1989. – №3.
53. Луковская Д.И., Казлихин И.Ю. Право, государство, политика (к разработке современной концепции правового государства) // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. Серия: Россия накануне XXI века. Вып. 3. – СПб., 1995.

54. Любашец В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. – 2002. – №6.
55. Малько А.В. Государство: проблемы правового ограничения // Теория политики (общие вопросы). – Саратов, 1994.
56. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
57. Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. – 1996. – №4.
58. Мамут Л.С. Демократическое правовое государство в России: проблемы становления // Журнал российского права. – 2006. – №12.
59. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. – 2001. – №5.
60. Манов Г.Н. Государство и политическая организация общества. – М., 1974.
61. Манов Г.Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. – М., 1993.
62. Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективе правового государства в России // Государство и право. – 1996. – №5.
63. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. – 1994. – №2.
64. Милецкий В.П. Этапы становления и развития теории социального государства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – №2.
65. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996.
66. Морозова Л.А. Права человека в условиях становления гражданского общества (Международная научно-практическая конференция) // Государство и право. – 1997. – №10.
67. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца // Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
68. Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. – 2000. – №2.
69. Нерсесянц В.С. История идей правовой государственности. – М., 1993.
70. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М., 1996.
71. Нерсесянц В.С. Правовое государство, личность, законность. – М., 1997.
72. Низовцев В.В. Правовая культура в контексте политического отчуждения // Право и образование. – 2008. – №8.
73. Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб., 2002.
74. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Шукшина Е.Г. Государство, общество; личность: проблемы совместимости. – М.: Юристъ, 2005.
75. Омельченко О.А. Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики. – М., 1994.
76. Пигалев А.И. Философский нигилизм и кризис культуры. – Саратов, 1991.
77. Права человека и политическое реформирование: юридические, этические, социально-психологические аспекты / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 1997.
78. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / Под общ. ред. Е.А. Лукашевой. – М., 2002.
79. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
80. Правовое обеспечение национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.
81. Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. – М., 2008.
82. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. – СПб., 2008.
83. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
84. Ромашов Р.А. Конституционное государство (история, современность, перспектива развития). – Красноярск, 1997.
85. Ромашов Р.А. Правовые культуры современности: от контраста цивилизаций к цивилизованному содружеству / // Журнал российского права. – 2008. – №8.
86. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
87. Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствоедения: Открытая лекция. – Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, из-во «Логос», 2009.
88. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
89. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.
90. Рыбаков О.Ю. Российская правовая практика в сфере защиты прав и свобод личности. – СПб., 2004.
91. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. – Саратов, 1989.
92. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.

93. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
94. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.
95. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – №4(8).
96. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства. – СПб., 2006.
97. Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. – 1992. – №10.
98. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. – 2004. – №11.
99. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – №1.
100. Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. – Курск, 2004.
101. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. – СПб., 2007.
102. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – №9.
103. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – №2.
104. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4.
105. Томсинов В.А. Значение категории «правовая культура» для историко-правовой науки // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. – 2007. – №6.
106. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.
107. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
108. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политico-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
109. Цыбулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
110. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
111. Черниловский З.М. Правовое государство: исторический опыт исследования // Государство и право. – 1992. – №6.
112. Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия. – СПб., 1999.
113. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой антологии правовой реальности. – СПб., 2000.
114. Четвернин В.А. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве // Государство и право. – 1992. – №5.
115. Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – №8.
116. Чиркин В.Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность. – 2003. – №3.
117. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – №2.
118. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. – М., 1996.
119. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственноведения. – М., 1997.
120. Чиркин В.Е. Три ипостаси государства // Государство и право. – 1993. – №8.
121. Шабо Ж.Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. – 1993. – №3.
122. Шаля В.М. Методология исследования феномена «правовая культура» // Философия права. – 2008. – №3.
123. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты. – СПб., 2004.
124. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы. – СПб., 2005.
125. Шевцов В.С. Права человека и государство в Российской Федерации. – М., 2002.
126. Явич Л.С. Господство права (К концепции правового государства в СССР) // Правоведение. – 1990. – №5.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ.

ПОТОЛОКОВА Мария Олеговна,
доцент кафедры коммерческой деятельности и
предпринимательства Санкт- Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов, доктор
экономических наук, доцент
E-mail: mpotolokova@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

ВЫСТАВКА КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ И СРЕДСТВО МАРКЕТИНГА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования такого элемента маркетинга, как выставка. Автор, подробно исследуя имеющиеся проблемы в сфере маркетинговой деятельности, анализирует возможные пути повышения эффективности ее реализации посредством проведения выставок, позиционируемых не как коммерческое предприятие, а как социально-культурное явление.

Ключевые слова: маркетинг; выставка; социальное явление; культура общества.

POTOLOKOVA M.O.

EXHIBITION AS THE WELFARE PHENOMENON AND MARKETING MEANS

The summary. The author in article considers features of functioning of such element of marketing, as an exhibition. The author, in detail investigating available problems in sphere of marketing activity, considers possible ways of increase of efficiency of its realization by means of carrying out of the exhibitions positioned not as the commercial enterprise, and as the welfare phenomenon.

Key words: marketing; an exhibition; the social phenomenon; culture of a society.

Выставка входит в сферу маркетинговых коммуникаций, а по своему функциональному назначению принадлежит явлениям массовой культуры, адаптированной к рыночной реальности.

Выставки имеют самый широкий социально-культурный контекст, проявляющийся во всем многообразии социальных связей. Современные выставки выступают как культурное событие на уровне региона, страны, в ряде случаев приобретают международное значение. Социально-культурные мероприятия на выставке привлекают

внимание целевой аудитории к организации, способствуя созданию ее позитивного имиджа. В ситуации, когда проблема формирования и развития маркетингового потенциала организации и обеспечение преемственности социально-культурного развития достигла особой остроты, ведущая роль принадлежит выставкам. Российские выставки доказали, что обладают огромным культурообразующим потенциалом, способны решать кардинальные задачи в просвещении, образовании и нравственно-

эстетическом воспитании людей, в информационных и коммуникативных процессах, в утверждении национального и регионального самосознания. Однако, учитывая нарастающую динамику социально-культурных процессов, реализация потенциала выставки невозможна без разработки и внедрения новых технологий, методов и приёмов.

Современная выставка воспринимается не только как элемент маркетинговой деятельности организации, но и как атрибут культуры, динамичная коммуникативная система, непосредственно влияющая на процессы интеллектуальной, духовной жизни общества.

Продвижение продукции – это деятельность по планированию, претворению в жизнь и контролю за физическим перемещением материалов и готовых изделий от мест их производства к местам потребления с целью удовлетворения нужд потребителей и выгодой для себя [3, стр. 556].

Также можно сказать, что продвижение – это любая форма сообщений, используемых фирмой для информации, убеждения или напоминания людям о своих товарах, услугах, образах, идеях, общественной деятельности или влиянии на общество. Планирование продвижения представляет собой систематическое принятие решений, касающихся всех сторон этой деятельности [1, стр. 560].

На выставках можно преподнести запоминающуюся рекламу и сформировать положительный образ организации и производимых ею товаров. В силу специфики сегодняшней российской экономики для отечественных предпринимателей удобнее всего овладевать приемами и средствами маркетинга (особенно на мировом уровне), участвуя со своей продукцией в региональных и международных выставках и ярмарках. Это не означает, что нужно отказаться от других путей освоения рынка, таких как:

- продажа со склада или из офиса после установления связи с потенциальными покупателями (личные контакты, почтовая переписка, телефон, телекс, факс, e-mail);
- создание собственных сбытовых организаций в своей стране и за рубежом;
- использование услуг посредников по сбыту;
- организация конкурсов и аукционов [6, стр. 115].

При нарастающем ассортименте массового производства, разделении труда и специализации,

в том числе и работников, составить правильное представление о состоянии конкретного сегмента рынка или отрасли при проведении кабинетного исследования становится все труднее, а порой и вовсе невозможно. Идеально эту задачу позволяют реализовать только крупные специализированные выставки - ярмарки. Для упрощения обобщим их понятием «выставочное мероприятие». Но при этом будем помнить следующее.

Выставка, прежде всего, преследует концептуальные (информационные, рекламные, пропагандистские, имиджевые) цели ознакомления с новинками и новшествами [4, стр. 220].

Ярмарка имеет на первом месте практические торгово-сбытовые задачи.

Преимущества специализированных выставок и ярмарок состоят в следующем.

1. Из разностороннего предложения товаров и услуг такие выставки образуют наиболее четко просматриваемую часть, раздел или сегмент рынка. Полученный при этом результат чаще оправдывает усилия и затраты по специализации выставки.

2. Специализированные выставочные мероприятия оптимально решают задачу правильно свести между собой как можно больше потенциальных партнеров. В идеальном случае, чем точнее обозначена тематика специализированного выставочного мероприятия, тем больше шансов на достижение указанной выше цели. В этом случае во многом облегчается задача ограничения круга лиц для эффективного сведения между собой реальных производителей и потребителей. Привлекая наиболее заинтересованных в ее тематике экспонентов и посетителей, такая выставка выполняет эту функцию наилучшим образом.

3. Наряду с демонстрацией объектов и технологий, информацией и консультациями потребителей, обеспечением хороших условий для переговоров о торговых сделках на месте специализированная выставка позволяет провести сравнение идей и концепций конкурентов быстрее и глубже, чем в любом другом случае [2, стр. 261].

В настоящее время наиболее часто ярмарка (торговая ярмарка или ярмарка-выставка) рассматривается как кратковременное мероприятие, периодически проводимое, как правило, в одном и том же месте, в целях привлечения значительного числа фирм

(экспонентов) одной или нескольких отраслей, представляющих образцы своих товаров (экспонатов) для их демонстрации, ознакомления и заключения торговых сделок.

В то же время выставка обычно рассматривается как кратковременное мероприятие, периодически проводимое обычно в одном в том же месте, в рамках которого значительное число фирм (экспонентов) с помощью образцов (экспонатов) демонстрируют новые товары, идеи или услуги одной или нескольких отраслей для информирования потенциальных потребителей о своей фирме и ее продукции в целях содействия продажам.

Следует отметить, что в реальной жизни в качестве выставок нередко рассматривают небольшую экспозицию товаров, услуг или идей, формируемую в познавательных целях, например организуемые библиотеками экспозиции, посвященные определенным датам или событиям. Такие выставки и их функционирование в дальнейшем не рассматриваются. Речь идет, прежде всего, о торгово-промышленных выставках [5, стр. 656].

Таким образом, из сказанного выше следует, что, если одной из основных задач ярмарки является заключение прямых торговых сделок по образцам, то одной из основных задач выставки

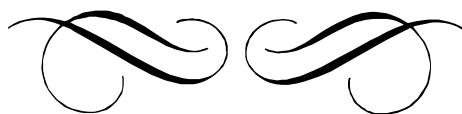
является создание благоприятных условий для продажи товаров по их образцам. При этом, если основными покупателями на ярмарках являются представители оптовой торговли, то покупателями на выставках – конечные потребители. Имеются и другие различия. Вместе с тем можно привести множество примеров, когда выставка проводится как престижное мероприятие, по своим целям ничем, по существу, не отличающееся от ярмарки.

Поэтому в дальнейшем будем делать акцент не на различии выставок и ярмарок, а на тех общих возможностях, которые предоставляются фирме благодаря ее участию в их работе. Здесь имеется в виду наличие определенных условий, создаваемых в процессе работы ярмарок и выставок и позволяющих эффективно решать маркетинговые проблемы, стоящие перед фирмой, и, прежде всего относящиеся к обоснованию эффективной товарной и ценовой политики, политики распределения и продвижения [6, стр. 115].

Данные задачи можно успешно решать, если тщательно обосновать необходимость участия в тех или иных ярмарках и выставках, на должном уровне организовать подготовку и проведение выбранных мероприятий, а также эффективно использовать результаты, полученные во время ярмарок и выставок.

Список литературы

1. Брагин Л.А. Торговое дело: экономика, маркетинг, организация: Учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. доктора эконом., наук, проф. Л.А. Брагина, доктора эконом., наук, проф. Т.П. Данько. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 560 с.
2. Викентьев И.Л. Приемы рекламы и Public Relations / И.Л. Викентьев. – СПб.: Питер, 2005. – 261 с.
3. Диксон Питер Р. Управление маркетингом / П. Диксон. – М.: БИНОМ, 2006. – 556 с.
4. Лебедев О.Т. Основы маркетинга. – СПб.: МиМ, 2006. – 220 с.
5. Панкрухин А.П. Маркетинг: Учебник. – М.: ИКФ Омега-Л, 2005. – 656 с.
6. Фисенко А.И. Маркетинг: реальность и необходимость. – М.: Бизнес-сфера, 2003. – 115 с.

ВЕСТИ Вячеслав Михайлович,
аспирант кафедры экономики и управления Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: slavik.87@inbox.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством (экономическая
безопасность)

О ЗНАЧИМОСТИ ВХОЖДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ВТО ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В настоящей статье выделены ключевые проблемы, определяющие развитие машиностроительной отрасли для социальной политики государства в составе ВТО.*

***Ключевые слова:** социальная политика государства; машиностроение; ВТО.*

VESTI V.M.

ABOUT THE IMPORTANCE OF OCCURRENCE IN THE WTO AND DEVELOPMENTS OF MECHANICAL ENGINEERING FOR STATE SOCIAL POLICY

***The summary.** In the present article the key problems defining development of machine-building branch for social policy of the state as a part of the WTO are allocated.*

***Key words:** state social policy; mechanical engineering; the WTO.*

До вступления России в ВТО остаются считанные дни. Как повлияет данное вступление, на развитие социальной политики государства покажет время.

Для многих стран вхождение в ВТО обернулось социально-культурной деградацией и упадком ранее развивавшихся отраслей. В рамках открытой мировой торговли транснациональный капитал сохранял только необходимые производства, что бы хоть как-то существовать. Упадок машиностроительной отрасли и развитее народного хозяйства стран, вступивших в ВТО, во многом является результатом этого шага.

Если все же Россия вступит в ВТО в этом году, то в 2012 году негативных последствий не будет заметно, они проявятся в период 2013 – 2015 годов.

Эффективность развития и поддержка социальной политики любого уровня – государственного, регионального, корпоративного – во многом зависит от состояния экономики государства, бюджетного обеспечения,

финансовых ресурсов государства, органов власти, предприятий и т. д.

Машиностроительная отрасль может не выдержать натиска аналогичной продукции, которая хлынет на рынок государства, вступившего в ВТО [1]. Все это не лучшим образом отразится на социальном уровне градообразующих предприятий и даже на целых городах, где базируется машиностроительная отрасль. Ведь основным источником развития достойной социальной жизни населения данных городов является спрос на изготавливаемую продукцию, нет спроса, нет финансовых средств. Без достаточных финансовых средств сложно говорить об адекватном развитии образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального сектора, рынка труда, обеспечении продуктивной занятости, социальной защиты населения, своевременной выплате заработной платы, пенсий, пособий и других источников и механизмов жизнеобеспечения граждан.

Проанализировав деятельность ВТО, стало видно, что слоган Всемирной торговой организации, который звучит так: «ВТО уничтожает бедность» («WTO eliminate the poverty») не соответствует действительности. Бедность во многих странах (Греции, Бразилии, Аргентины), которые вошли в ВТО, возросла. Доля развивающихся стран в мировой торговле, несмотря на обещания перед вхождением в ВТО, не только не выросла, но, в некоторых случаях, изменилась в негативную сторону.

По данным Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, всего около 10% отечественных предприятий готовы к вхождению в ВТО, они готовы работать по нормам и правилам ВТО. Согласно «аналитической записке» сторонников присоединения России к ВТО (Высшая школа экономики и МЭРТ), 20 регионов будут не в состоянии конкурировать с импортом после вступления России в ВТО. Сейчас России обещают все те же блага, что и Украине.

Украина вступила в ВТО в 2007 году, и теперь ей приходится постепенно наращивать закупки того, что всегда была в состоянии производить сама. После вступления в ВТО импорт овощей на Украину вырос в 4 раза. Как заявила в ходе круглого стола член фракции НУ-НС* Ксения Ляпина, украинский бизнес не почувствовал преимуществ от присоединения Украины во Всемирную торговую организацию. Насчет Российской Федерации можно утверждать

следующее: у нас нет того, чем располагают наши соперники в ВТО. Нет сильной национальной банковской системы, способной выдавать большие кредиты на долгий срок и под низкие проценты, нет развитой промышленной политики, нет полноценной Национальной инновационной системы, нет реальной борьбы с всеразрушающей коррупцией. Все вышеперечисленное предстоит развивать России еще долгое время. Необходимо развеять миф, связанный тем, что России будет лучше в составе ВТО.

Подводя итоги рассуждениям по рассматриваемым проблемам, вывод можно сделать таким.

На самом деле ВТО – это международная политico-экономическая организация, которая заинтересована оставить самыми богатыми и развитыми такие государства как США, Западная Европа, Япония, а всех остальных – оставить нищими и неразвитыми.

Вступив в ВТО, Россия потеряет часть своего суверенитета, поскольку правотворчество и свободное принятие решений будет ограничено и подконтрольно ВТО.

России неприемлемо вступать в ВТО, нам необходима своя собственная мощная, единая система принятия экономических и политических решений.

Все эти перечисленные проблемы могут негативно повлиять на развитие социально-экономического благополучия страны.

Примечания

*Фракция Наша Украина – Народная самооборона.

Список литературы

1. Сайт «Союз Машиностроителей России».

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРАВА ВНУТРИУТРОБНОГО РЕБЕНКА НА ЖИЗНЬ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ, РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ДРУГИХ СТРАН

Аннотация. В статье рассматривается жизнь человека как объект правовой охраны. Используя метод сравнительного правоведения, анализируя законодательство России, Таджикистана, Испании, Франции, Великобритании, Германии, США, Дании, иных государств, рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы, документы Генеральной ассамблеи ООН, другие международно-правовые акты, автор обосновывает вывод о том, что право на жизнь является основным и неотчуждаемым правом человека. Интересно в статье представлена дискуссия по поводу начала жизни и момента рождения человека, определения момента окончания жизни. Вызывают любопытство вопросы юридического отношения к статусу эмбрионов человека. Обосновывается мысль о необходимости уважения к человеческой жизни с момента зачатия, признания у плода такого блага, как жизнь.

Анализируемые проблемы рассматриваются с позиции общей теории права и государства, привлечения возможностей отраслевых юридических наук.

Ключевые слова: жизнь; право на жизнь; начало жизни; окончание жизни; правовой статус гражданина; жизнь как благо; правовая охрана жизни; жизнь как абсолютная ценность; законодательное обеспечение жизни; эмбрион; плод.

BABADZHANOV I.Kh.

STATE POLICY IN THE AREA OF PROTECTION OF FETAL BABY'S RIGHT TO LIFE: LEGISLATION OF RUSSIA, REPUBLIC OF TADJIKISTAN AND OTHER COUNTRIES

The summary. The article considers human life as an object of legal protection. Using the method of comparative law, analyzing the legislation of Russia, Tadzhikistan, Spain, France, Great Britain, Germany, USA, Denmark and other countries, the recommendations of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, the documents of the UN General Assembly and other international law acts the author substantiates the conclusion that the right to life is a fundamental and inalienable human right. The discussion on the beginning of life and human birth, determining the end of life has an interesting presentation in the article. The issues of legal relations to the status of

human embryos provoke curiosity. The author justifies the idea of the necessity to respect human life from the date of conception, recognize such a benefit of fetus as life.

The analyzed issues are considered from the position of general theory of law and state, engaging potentialities of branch legal sciences.

Key words: life; right to life; beginning of life; end of life; legal status of citizen; life as benefit; legal protection of life; life as absolute value; legislative provision of life; embryo; fetus.

Жизнь рассматривается в качестве объекта правовой политики государства в рамках различных отраслей права [4; 5; 12], подвергаются анализу существующие законодательные и научные положения, касающиеся понятия «жизни» как таковой, а также установления моментов ее начала и окончания.

Жизнь человека традиционно выступает объектом правовой охраны, поскольку государство должно создавать механизмы, в рамках которых жизнь должна быть максимально защищена от произвольных, не основанных на праве посягательств. При этом законодатель определяет случаи, когда лишение жизни человека допустимо (причинение смерти в состоянии необходимой обороны).

Категории «жизнь» в юридической науке уделялось недостаточно внимания и исследования велись преимущественно с позиций уголовного права. Причиной этого является то, что право на жизнь в научной литературе рассматривалось преимущественно с позиций публичного права, когда в качестве главной выступала задача защиты указанного блага (жизни) государством, а не возможность совершения активных действий его обладателем. Постепенно законодатель перестал ограничиваться охраной жизни в рамках уголовного законодательства и обратил внимание на иные сферы, призванные не наказывать за нарушения и причиненный вред, а не допустить наступления подобных негативных последствий (законоположения о предоставлении определенного объема бесплатной квалифицированной медицинской помощи, необходимости получения информированного добровольною согласия лица на осуществление медицинского вмешательства, защите прав несовершеннолетних при оказании медицинской помощи и т. д.).

Многоаспектность самой жизни предполагает разносторонний подход к праву на жизнь, т. е. отнесение жизни к объекту, защищаемому в рамках какой-либо отрасли, не ограничивает

возможность, и, более того, существует необходимость рассматривать жизнь в качестве блага, охраняемого иными отраслями. Положения, касающиеся тех или иных аспектов жизни человека, содержатся в нормативных актах, относимых к различным отраслям права: конституционному, гражданскому, уголовному, административному и т. д. В связи с этим представляется неверной позиция, нашедшая отражение в научной литературе, о том, что научные изыскания в области разработки определения жизни невозможны и нецелесообразны. Вероятно, здесь необходимо использовать возможности общей теории права и государства.

Мы рассматриваем жизнь, прежде всего, как систему биохимических процессов, протекающих в организме и определяющих возможность его самостоятельного существования. Соответствующая система должна определять особенности развития, размножения, питания, отношений с внешней средой, включая и социальные отношения человека и, тем самым, порождать индивидуальность. Поскольку жизнь является процессом, протекающим во времени, еще одним признаком жизни как формы существования является ее ограниченность определенными временными рамками.

Человеческая жизнь – одна из абсолютных ценностей в нашей цивилизации и культуре, в том числе и правовом ее проявлении [2; 9; 10; 11 стр. 44-54; 19; 27; 30; 32; 47; 48; 58, стр. 30-35; 59]. Жизнь является основным фундаментальным личным неимущественным благом, а право на жизнь – одним из основных естественных прав человека. С жизнью связано неотъемлемое социально-юридическое свойство человека – правоспособность, являющаяся основой правового статуса гражданина, позволяющая ему быть носителем субъективных гражданских прав и обязанностей [1; 3; 8, стр. 33-37; 20, стр. 164-173; 18; 21; 22; 28; 44; 54; 68; 67, стр. 5-13].

Правовой охраны требует существующая жизнь, т. е. необходимость закрепления определенного набора мер защиты связана с началом жизни. При этом как для медицинских работников, так и для правоведов актуальными остаются вопросы, касающиеся определения моментов начала и окончания жизни и, соответственно, периода, в течение которого существует необходимость охраны существующей жизни и защиты прав и законных интересов физического лица.

В связи с обсуждаемой проблемой следует обратить внимание на то, что законом предусмотрен ряд мер по охране интересов еще не родившегося ребенка (*nasciturus*). В частности, в соответствии со ст. 1195 ГК РТ в случае смерти потерпевшего (кормильца) право на возмещение вреда имеет ребенок умершего, родившийся после его смерти. В п. 3 ст. 31 Семейного кодекса РТ установлено, что признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке или в течение трехсот дней со дня признания брака недействительным. В ст. 1166 ГК РТ закреплено, что при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника. В приведенных примерах за еще не появившимся на свет ребенком зарезервированы его будущие права, и, как справедливо отмечается в литературе, «в этих случаях закон охраняет интересы не просто зачатого ребенка, а будущего субъекта права. Для возникновения правоспособности необходимо, чтобы ребенок родился живым». Мнения ученых по данному вопросу в большинстве случаев совпадают. М.Н. Малеина отмечает: «Несмотря на то, что зачатый ребенок является возможным будущим субъектом права, все же было бы нереально рассматривать его в качестве обладателя правоспособности и субъективных прав еще до рождения. Субъективные права могут возникнуть лишь у фактически существующего субъекта. Эта точка зрения подтверждается и нормой п. 2 ст. 17 ГК РФ, согласно которой правоспособность гражданина возникает в момент его рождения» [40, стр. 60]. С.М. Попова в связи с этим отмечает: «Не следует смешивать защиту законом прав будущего ребенка с моментом возникновения его правоспособности. Положение о том, что наследниками могут быть дети наследодателя, родившиеся после его смерти, нельзя трактовать как предусмотренный законом

случай возникновения правоспособности до рождения человека. Ибо, если ребенок не родился живым, то и правоспособность не возникает» [24, стр.58]. На вопрос «Означает ли охрана интересов неродившегося ребенка то, что он признается субъектом права» Ю.К. Толстой отвечает: «Нет, конечно, поскольку его интересы будут учитываться лишь при условии, что он родится живым. Если же он родится мертвым, то факт его зачатия утрачивает какое бы то ни было юридическое значение, поскольку его правоспособность так и не возникла» [63, стр. 27-28].

Имеющее место отождествление момента начала жизни и момента рождения приводит к возникновению проблем. Выявлено противоречие между положениями Уголовного кодекса РТ и гражданского законодательства, касающиеся определения момента рождения. Человек считается рожденным живым, если произошло полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни. Соответственно, до указанного момента человек не должен быть признан субъектом права. Согласно УК РТ к уголовной ответственности за убийство новорожденного ребенка (ст. 105 УК РТ) привлекается лицо, совершившее деяние с момента начала физиологических родов, т. е. до полного плодоотделения.

Анализ положений международно-правовых актов, таких как Конвенция ООН «О правах ребенка», Декларация прав ребенка ООН, Международный Пакт «О гражданских и политических правах», Всемирная декларация «Об обеспечении выживания, защиты и развития детей», позволил сделать следующие выводы: право на жизнь является основным и неотчуждаемым правом человека, в текстах ни одного из указанных актов не установлена прямая взаимосвязь между моментом рождения и правом на жизнь, интересы и благо отдельного человека имеют приоритет перед интересами общества, ребенком является человек до 18 лет (без указания нижнего предела), а неотъемлемые права признаются за каждым человеком независимо от рождения (анализ текстов на официальных языках позволил отказаться от предлагаемого рядом исследователей объяснения, что термин

«рождение» должен рассматриваться как «происхождение».

Декларация о медицинских абортах (Осло, 1983 г.) в качестве основополагающего принципа врача закрепила уважение к человеческой жизни с момента зачатия, что свидетельствует о признании у плода такого блага как жизнь.

Законодательством ряда государств установлен мораторий на исследование зародышей человека. Законы ФРГ и Испании вообще запрещают исследования на эмбрионах человека [72, р. 1117-1118]. В Великобритании, Франции, Дании исследования на эмбрионах человека ограничены в законодательном порядке. Категорически запрещены исследования на эмбрионах человека с целью получения биологического оружия [41, стр. 90].

В рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы (резолюция A2 327/88 и A2 372/88 от 16.03. 69 г.) и в решении комиссии по правам человека (№ 6574/71) предусмотрено, что на эмбрион и зародыш человека при всех обстоятельствах распространяется требование уважения человеческого достоинства, таким образом, уже с этого момента права человека имеют основополагающее значение. В Декларации прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (ХГУ) Генеральной ассамблеи ООН 20 ноября 1959 г. в преамбуле говорится: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения». Аналогичное указание содержится в преамбуле Конвенции ООН «О правах ребенка».

В принятой Советом Европы Конвенции о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) закреплен запрет на создание эмбрионов человека в исследовательских целях, а также предусмотрено, что если закон разрешает проводить исследования на эмбрионах *in vitro*, он должен предусматривать надлежащую защиту эмбриона.

Еще дальше в этом направлении идет гражданское право Франции, признавая существование жизни еще до рождения. «Старая римская максима *infans conceptus* нашла свое отражение в некоторых статьях Гражданского кодекса Франции и базируется на бесспорных естественно-научных данных: жизнь предшествует рождению» [56, стр. 56]. Ст. 16 ГК Франции отражает позицию «уважения человеческого

существа с начала его жизни», которая получает развитие в других правовых источниках (закон Франции «О биоэтике» от 29 марта 1994 г., закон «О прерывании беременности» от 17 января 1975 г., установившие, что жизнь человеческого существа должна охраняться с момента первых признаков ее проявления).

О тенденции усиления интереса к защите человека до его рождения свидетельствует требование Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины о том, что если «закон (конкретного государства) разрешает проводить исследования на эмбрионах, он же должен предусматривать надлежащую защиту эмбриона». В приведенном контексте также рассмотрена неоднозначная практика применения положений международно-правовых актов. Позиция Европейского суда, использующего, в том числе, формулировки «жизнь плода» и «ограничения, налагаемые на право на жизнь плода», свидетельствует о целесообразности и своевременности изменения подходов к статусу нерожденного ребенка.

На недостаточность возможности защиты эмбриона и плода обращает внимание Е.В. Григорович, обсуждая их статус после экстракорпорального оплодотворения до переноса в организм женщины. По мнению автора существующий вне организма женщины плод не является частью ее тела и не обеспечивается правовой охраной. Не обладает такой плод и статусом вещи, следовательно, «на него не может распространяться ответственность за причинение вреда имуществу» [25, стр. 30]. «Повреждение плода, – полагает автор, – следовало бы считать основанием субъективной ответственности в случае виновного, противоправного исполнения, допущенного при экстракорпоральном оплодотворении. Целью правового регулирования охраны человеческого плода при применении искусственного оплодотворения является преодоление бесплодия родителей, этому должно соответствовать требование правовой охраны плода» [25, стр. 64].

С какого момента возникают права человека? Нормы права ведут этот отсчет с момента рождения человека. Современная наука решительно определяет иной рубеж: жизнь человека начинается с оплодотворения яйцеклетки. По этой причине вторжение в жизнь

оплодотворенной яйцеклетки может рассматриваться как нарушение целостности потенциального человека. По мнению академика Р. Петрова, экспериментируя с эмбрионом, мы нарушаем права человека: «Сперматозоид проникает в яйцеклетку – и это уже человек! Все права, которые распространяются на человека, относятся к эмбриону. Следовательно, манипулировать с ним нельзя.... Требуется разрешение на исследования. И кто его должен давать? У эмбриончика об этом не спросишь...» [43, стр. 15].

Судебная практика идет по пути непризнания правосубъектности плода, о чем свидетельствует следующий показательный пример. При проведении операции «cesareo сечение» плоду до его появления на свет была нанесена глубокая резаная рана левой щеки. После рождения ребенка нельзя было прикладывать к груди, поскольку при сосательных движениях ртом он испытывал болезненные ощущения. С ростом ребенка увеличивался шрам на щеке, что влекло за собой неизгладимое обезображивание лица. Тем не менее, в судебном заседании шла речь о защите прав в связи с претерпеванием морального вреда именно родителей, а не ребенка.

Открывающаяся разделом VII «Преступления против личности» Особенная часть Уголовного кодекса РТ наглядно показывает, что важнейшей концептуальной идеей, положенной в основу реформы уголовного законодательства, является охрана жизни и здоровья человека, его прав, свобод и законных интересов. В главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» открывющей раздел VII, преступления против жизни (различные виды убийства (ст. 104-109 УК), а также причинение смерти по неосторожности (ст. 108 УК) помещены на первое место. Законодатель тем самым подчеркивает, что естественное право человека как биологического существа – право на жизнь – является наиболее ценным благом из всех, подлежащих уголовно-правовой охране. Защищая именно это благо, уголовный закон в санкциях устанавливает максимально суровые наказания, включая пожизненное лишение и смертную казнь за наиболее опасные умышленные преступления против жизни.

Признание потерпевшим от рассматриваемой категории преступлений человека как биологической особи (безотносительно к его полу, возрасту, национальной, расовой принадлежности,

состоянию здоровья и прочим признакам) не исключает необходимости поиска ответа на гораздо более важные вопросы о том, что такое жизнь человека вообще и каковы её начальный и конечный моменты в частности. Ведь ясно, что уголовная ответственность за посягательства на жизнь по общему правилу может наступать, пока таковая в определенных временных рамках уже (или еще) существует.

Вопрос о содержании понятия жизни человека, как и жизни вообще, является одним из самых трудных и сложных вопросов философии и естественных наук. В свое время еще Ф. Энгельс указывал на тщетную попытку юристов «открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством» [69, стр. 22].

Проблеме определения момента возникновения права на жизнь уделяли внимание различные авторы, коих упомянуть в рамках данной статьи не представляется возможным. Лишь вскользь об этом говорится в статье Т. Волковой: «Сущность проблемы состоит в том, что жизнь многих физиологически сформировавшихся в утробе матери жизнеспособных детей насильтвенным образом прекращается путем операции прерывания беременности на поздних ее сроках, и это деяние не признается посягательством на жизнь». Довольно четко обосновывает необходимость уголовно-правовой защиты жизни эмбриона Н.Н. Крылова: «Любой живущий на Земле человек прошел через стадию эмбрионального развития прежде, чем родиться и получить правовой статус личности. Если уж Уголовный кодекс России становится на защиту животных, предусматривая ответственность за жестокое с ними обращение, повлекшее их гибель илиувечье (ст. 245), то почему в этом отказано человеческому эмбриону» [36; 37, стр. 44-45].

Можно ли говорить, что нерожденный живет? В то же время лицо, находящееся в коме, поддерживается с помощью искусственных мероприятий: вентиляции легких, питания, кровообращения. Однако нельзя говорить, что с потерей сознания человек утрачивает и право на жизнь. В настоящее время проблема определения момента жизни нашла свое отражение в нескольких диссертационных исследованиях. В этой связи вызывает определенный интерес мнение О.Г. Селиховой: «Период внутриутробного развития человека есть ранний период его

биологической жизни. Пребывая в материнской утробе в состоянии эмбриона, он телесно самостоятелен, так как не является частью организма своего носителя и способен к саморазвитию: ведь происходящие в нем жизненные процессы выступают в качестве внутреннего движителя его развития. Тело матери представляется только идеальной средой развития эмбриона, обеспечивающей его питанием, охраной. С рождением начинается второй этап биологического существования человека, а точнее, этап пребывания его организма в социальной среде. Это свидетельствует об ошибочности бытующего мнения о том, что человеческая жизнь начинается с его рождения. Его следует скорректировать: социальная жизнь человека начинается с момента его рождения» [55, стр. 13-14].

В российской юридической науке наметились устойчивые тенденции поддержки именно этой точки зрения. Так, Н.И. Беседкина считает, что «юридическое отношение к статусу эмбрионов в нашей стране должно строиться на основе признания того факта, что эмбрион не часть организма матери, а начало новой жизни. Это и должно определять подходы к созданию соответствующего правового ее регулирования, отношение к абортам» [13, стр. 12]. Практически таковом же мнение и Е.В. Перевозчиковой: «Конституционное закрепление права на жизнь человеческого эмбриона с момента зачатия может рассматриваться в качестве базы для правового регулирования репродуктивных прав человека, использования человеческих эмбрионов в научно-исследовательских и терапевтических целях» [44, стр. 9] В этой части уместно также привести мнение авторитетного ученого-профессора А.И. Ковлера: «Современное право решительно определяет иной рубеж: жизнь человека начинается с оплодотворения яйцеклетки» [31, стр. 428].

Наиболее четко, как представляется, сформулированы доводы признания правосубъектности человеческого эмбриона представителем католической церкви Ж. Судо: «Человеческий эмбрион имеет в наличии все характеристики человеческого индивидуума: имеет новую, специфическую биологическую сущность со своей программой жизни и развития; имеет внутренний динамизм, определяемый и управляемый геномой и направленный на

постепенное развитие вплоть до формирования взрослого человека; существует в виде независимого организма, т. е. организованного биологического единства, который действует и размножается в определенном порядке; является независимым, т. е. не нуждается во внешних силах для поддержания своей жизненной структуры; является самоконтролируемым в осуществлении своей генетической программы; гаметы, из которых он образуется, доказывают его принадлежность к человеческому роду, что ясно определяется также по особенностям принадлежащей ему генетической структуры (геномы)» [62].

Диапазон мнений достаточно широк. В уголовно-правовых и судебно-медицинских доктринах мы можем встретить различные версии начального момента жизни человека. Скажем, однако, что в любом случае вопрос о возникновении права на жизнь не связан с моментом более ранним, чем начало физиологических родов [16; 17, стр. 14; 33; 46, стр. 73; 64].

В Большой советской энциклопедии определено, что роды – это завершающий беременность сложный физиологический процесс, сопровождающийся прохождением через естественные родовые пути и отделением от материнского организма плода, плаценты и плодных оболочек [15, стр. 167].

Все роды, за исключением операции кесарева сечения, делятся на три периода: 1-й – раскрытие, или стадия схваток, 2-й – потуги, или изгнание плода и 3-й – рождение последа, или плаценты. В настоящее время господствующей среди юристов и медиков является точка зрения, согласно которой начальным моментом самого процесса родов, достаточным для констатации начала жизни ребенка, следует считать прорезывание головки младенца, выходящего из организма матери. Отделение ребенка от тела матери и переход на самостоятельное дыхание лежит уже за рамками начального момента жизни [39, стр. 22; 49, стр. 29; 50, стр. 60; 65, стр. 37].

Итак, первый самый длительный период родов, предшествующий непосредственному изгнанию, (появлению головки малыша из родового канала) – раскрытие, или стадия схваток в существующих доктринах не является началом жизни человека. Но если во главу угла ставить подобного рода суждения, то истина будет не досягаема. Для правильного понимания начального момента

возникновения права на жизнь необходимо обратиться к общим положениям, принципам и институтам уголовного права, в первую очередь относящимся к преступлению.

Первым и, пожалуй, главным недостатком предлагаемых версий выступает то обстоятельство, что в своих доктринах авторы исследуют не момент возникновения права на жизнь, не жизнеспособность человека, в основу их суждений и размышлений положен процесс родов и самый главный вопрос – это местонахождение рождающегося человека во время родов. Местом убийства является любое место, за исключением чрева матери, лишь в этом случае, полагают ученые-криминалисты, можно вести речь о посягательстве на жизнь другого человека. Посягательство же на рождающегося и способного к самостоятельной жизни ребенка, находящегося в утробе матери, полагают они, местом совершения преступления не является.

Так, например, П. Кривошеин утверждает, что нанесение смертельных травм еще не родившемуся ребенку, то есть в момент прохождения плода по детородным путям (во время родов), нельзя признать преступлением, предусмотренным ст. 105 УК, поскольку такая квалификация противоречила бы понятию убийства (ч. 1 ст. 104 УК), означающего лишение жизни уже родившегося человека, то есть вышедшего из чрева матери и начавшего самостоятельную (хотя и беспомощную) физиологическую жизнь [35, стр. 38].

Таким образом, юридическое значение имеет не жизнь человека как таковая, а «территория» за пределами утробы матери, т. е. факультативный признак объективной стороны преступления, а именно место его совершения – ребенок или часть его тела должны как минимум появиться из организма роженицы. Подобная точка зрения была бы бесспорно верна лишь в том случае, если бы законодатель придал более узкий, более ограничительный смысл пониманию места совершения преступления при посягательстве на жизнь ребенка. При этом диспозиция ч. 1 ст. 105 УК РТ должна была бы выглядеть, полагаем мы, следующим образом: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому уже родившемуся человеку» или «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку вне утробы матери». Однако такое предписание в законе отсутствует.

Соответственно, место совершения преступления нельзя отнести к обязательным признакам объективной стороны во всех составах убийств, в том числе и в случае причинения смерти по неосторожности, так как этот признак не указан в диспозициях рассматриваемых уголовно-правовых норм.

Еще более непоследовательной выглядит позиция ученых-криминалистов при исследовании психической деятельности лица, непосредственно связанной с совершением посягательства на жизнь ребенка, находящегося в утробе матери. Раскрывая субъективную сторону умышленного деяния, ее психологическое содержание с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель, представляющих различные формы психической активности, мы приходим к выводу, что, осуществляя посягательство на жизнь еще не родившегося ребенка (особенно на стадии схваток), лицо понимает его фактическое содержание и социальное значение. Лицо не заблуждается и относительно объекта посягательства, т. е. тех общественных отношений, на защиту которых направлены конкретные нормы уголовного закона (жизни другого человека или, по уточненной характеристике, – право человека на жизнь). Раскрытие психологического содержания отношения лица как к совершающему акту, так и наступившим последствиям позволяет говорить о противоправности и общественной опасности деяния. Степень, глубина сознания общественной опасности и противоправности совершающего деяния во многом предопределяют и характер предвидения, его глубину и ясность. Разумеется, что в свою очередь и ясность предвидения по принципу обратной связи влияет на осознание характера совершающего действия [70, стр. 23].

На практике виновный, вводящий через родовой канал в полость матки специальный инструмент с целью убийства, какие-либо иные предметы, различные растворы и т. п., заведомо, т. е. с очевидностью, несомненно, бесспорностью осознает, что причиняет смерть рождающемуся ребенку, находящемуся в беспомощном состоянии. Как быть в данном случае с принципом субъективного вменения? Мало того лицом совершаются конкретные действия, которые входят в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 104 УК РТ.

На основании вышесказанного приходим к выводу, что юридическим основанием

квалификации рассматриваемых общественно опасных деяний должно являться не доктринальное толкование, даваемое учеными в учебниках, научных статьях, монографиях по уголовному праву, а конкретная уголовно-правовая норма (ст. 104 УК), в которой подробно описываются признаки объявляемого преступления его объем и границы.

Вместе с тем, с принципом субъективного вменения тесно связан вопрос об ошибке при покушении на «негодный объект», когда лицо направляет свои действия на определенный предмет (например, выстрел в умершего человека), однако вследствие допускаемой ошибки его действия не причиняют реального вреда охраняемым уголовным законам общественным отношениям. По общему правилу, негодное покушение влечет уголовную ответственность, поскольку фактически обладает всеми свойствами «годного» покушения: лицо стремится причинить ущерб объекту, находящемуся под уголовно-правовой охраной, действует виновно, в силу чего его действия общественно опасны.

Сравнительный анализ двух одинаковых по направленности умысла посягательств, одно из которых осуществляется не негодный предмет «труп человека», а другое на жизнеспособного ребенка находящегося в утробе матери убедительно доказывает, что рассматриваемые посягательства идентичны как по объекту, так и по антисоциальности, которая в рассматриваемых общественно опасных деяниях наивысшая.

Ведущим разграничительным элементом между покушением на негодный предмет и посягательством на жизнеспособного внутриутробного ребенка выступает вред (ущерб) охраняемым интересам личности, общества и государства. Нет сомнений в том, что посягательство на младенца пусть даже еще и не родившегося, но живого и способного к самостоятельной жизни более опасно, чем посягательство на умершего человека. Парадокс состоит в том, что, в настоящее время, как показывает судебная практика, к уголовной ответственности будет привлекаться лишь лицо, посягнувшее на негодный предмет.

Насколько эта позиция согласуется с реалиями, с современным пониманием в определении момента «защиты права внутриутробного ребенка на жизнь» и уголовно-правовой теорией? Отвечая на поставленный вопрос, приходиться признать, что

такая позиция не соответствует предписаниям действующего уголовного закона.

Следуя букве и духу уголовного закона, полагаем, что действие принципа субъективного вменения, относящееся к преступности деяния и назначению наказания за негодное покушение должно распространяться и при посягательстве на нежизнеспособного ребенка (в том числе в утробе матери). Поскольку как в первом, так и во втором случае умышленные действия непосредственно направленные на совершение преступления, не привели к его окончанию (отсутствует преступный результат) по причинам, независящим от воли виновного. Посягательство же на жизнеспособного ребенка, не зависимо от места нахождения последнего, должно рассматриваться как оконченный состав убийства при наступлении его смерти.

М.Г. Сердюков указывает, что при судебно-медицинской экспертизе по поводу детоубийства следует искать ответы на семь главнейших вопросов, среди которых: был ли ребенок жизнеспособным; был ли он живорожденным и какова продолжительность его утробной жизни [57, стр. 11]. Жизнеспособный – обладающий способностью сохранять и поддерживать свою жизнь. Второе значение словосочетания – способный существовать, развиваться [26].

Жизнеспособность ребенка, напрямую зависящая от продолжительности его внутриутробной жизни, выступает важнейшим критерием, ограничивающим аборт от преждевременных родов. Так, абортом (от лат. *abortus* – выкидыши) в медицине признается самопроизвольное или искусственное прерывание беременности либо рождение плода до истечения 28 недель беременности, когда плод еще нежизнеспособен. Различают ранний аборт – до 16 недель и поздний от 16 до 28 недель беременности [60, стр. 3].

При гинекологических исследованиях для определения жизнеспособности плода широко используются врачебные методы, среди которых кроме ультразвукового исследования применяется прослушивание сердцебиения плода. Для того чтобы плод был жизнеспособен, необходимо достижения им известной степени зрелости [17, стр. 13-14].

В судебно-медицинской практике под жизнеспособностью понимают возможность новорожденного ребенка продолжать жизнь вне

материнского организма в обычных условиях. Чтобы плод был жизнеспособным, он должен достигнуть известной степени доношенности (зрелости), не иметь врожденных пороков развития органов и систем, не совместимых с жизнью. По существующим инструкциям плоды при сроке беременности менее 28 недель, массой менее 1000 г. и длиной менее 35 см считаются нежизнеспособными [61, стр. 47].

Таким образом, способность к внеутробной жизни (жизнеспособность) у еще не родившегося человека появляется значительно раньше начала физиологических родов. Соответственно, меняется и его статус – нежизнеспособный плод превращается в жизнеспособного внутриутробного ребенка, самопроизвольное или искусственное прерывание беременности превращается по истечению данного периода времени в преждевременные роды недоношенного ребенка.

Помимо этого, современные открытия детской психологии позволяют начать анализ созревания у ребенка предпосылок способности к волевому саморазвитию не с младенческого возраста, а обращают нас к истокам детства – к перинатальному периоду [38, стр. 58]. Важнейшее значение в таком контексте приобретает 28 неделя беременности, которая является началом перинатального периода продолжающегося и заканчивающегося через семь полных дней жизни новорожденного.

В конечном итоге речь должна идти об особом виде «жилища», в котором по истечении 27 недель находится жизнеспособный ребенок, который, пребывая в материнской утробе, приобрел определенные свойства, достаточно развит, деятельность его органов находится на такой стадии развития, что оно уже способен к жизни вне утробы матери, т. е. телесно самостоятелен. Любое посягательство, причинившее смерть внутриутробному ребенку после истечения указанного срока беременности, полагаем мы, должно рассматриваться как оконченное преступление против жизни (в зависимости от формы вины это либо убийство, либо причинение смерти по неосторожности). В таком контексте, например, решается вопрос о защите жизни в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк США (в § 125.00 убийством считается причинение смерти еще не родившемуся ребенку).

Установление в УК норм, определяющих наказуемость прерывания беременности, является

типичным и для ряда европейских стран (например, Польши, Швейцарии, Голландии и др.). В них охраняемым правовым благом также является жизнь еще не родившегося ребенка. Так, раздел первый книги второй УК Швейцарии к таковым относит следующие посягательства: прерывание беременности беременной (ст. 118), прерывание беременности третьим лицом (ст. 119), не уведомление о прерывании беременности (ст. 121).

Научный и практический интерес представляет регулирование вопроса о начале жизни и правоспособности человека в законодательстве зарубежных стран. В пар. 1 гл. 1 ГК Германии (1896 г.) закреплено, что правоспособность человека возникает с окончанием рождения. Согласно ст. 1 ГК Италии (1942 г.) юридическая правоспособность приобретается с момента рождения. В ст.ст. 29 и 30 ГК Испании (1889 г.) определено, что гражданская правоспособность физического лица возникает с момента рождения. Ребенок считается рожденным и обладает гражданской правоспособностью, если имеет человеческое тело и проживет 24 часа с момента отделения от материнского организма. В соответствии со ст. 66 ГК Португалии (1966 г.) правоспособность физического лица возникает с момента завершения рождения и начала жизни ребенка. В приведенных примерах обращает на себя внимание стремление законодателей учесть длящийся характер физиологического процесса рождения ребенка, с завершением которого связывается возникновение соответствующих правовых последствий.

Анализ законодательства зарубежных стран свидетельствует еще об одной особенности – о преобладании в нем концепции так называемой условной правоспособности зачатого ребенка в отличие от безусловной правоспособности человека. Так, в пар. 29 ГК штата Калифорния (1872 г.), который озаглавлен «Презумпция существования еще не родившегося ребенка; исковая давность по искам из причинения вреда, наступившего до или во время рождения», установлено, что зачатый, но еще не родившийся ребенок презуммируется уже родившимся во всех случаях, когда такая презумпция может быть полезной для защиты интересов, возникающих для него в результате его рождения. Согласно правилам, закрепленным в ГК Венгрии (1977 г.), человек, если он родился живым, является правоспособным с момента зачатия. Любопытно,

что в прямо предусмотренных законом случаях за не родившимся (зачатым) ребенком признаются права. Так, в п. 2 ст. 1 ГК Италии установлено, что права, которые закон признает за зачатым ребенком, регулируются положением о рождении.

Однако учеными-криминалистами при конструировании состава убийства или причинения смерти по неосторожности, до сих пор не признается в качестве необходимого и достаточного критерия достижение внутриутробным ребенком в своем развитии стадии жизнеспособности.

Неприемлемость названного критерия объясняется тем, что до начала физиологических родов, до того, когда появится возможность реально воспринимать или увидеть родившегося, в сознании человека нет еще представления о том, что новый субъект появился, существует и живет. Воздействие на не родившийся, но уже жизнеспособный плод в целях прерывания беременности не создает в сознании лица того представления, что он лишает жизни другого человека и, следовательно, что совершает убийства.

Так, по мнению, например, Н.И. Загородникова, применяя те или иные средства прерывания беременности на восьмом и девятом месяце, мать, а также посторонние лица, содействующие этому, еще не сознают того, что они воздействуют на живого человека [29].

Эти соображения представляются нам неубедительными, ибо опровергаются не только ранее изложенными в данной статье доводами, но и самим ученым-криминалистом в процессе исследования убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

При убийстве беременной женщины, отмечает Н.И. Загородников, преступный вред состоит не только в том, что лишается жизни взрослый человек – будущая мать, но и происходит уничтожение другой жизни, жизни плода человека. Лишение жизни потерпевшей в этом случае соединено с наступлением и другого тяжкого результата.

Уголовные кодексы, предусматривающие как квалифицирующий признак беременность потерпевшей, имеют в виду такое умышленное убийство, при котором виновный заведомо знал, что потерпевшая была беременна. Следовательно, при данном виде убийства виновный должен сознавать, что потерпевшая находится в состоянии беременности

[29, стр. 173-174]. Специально подчеркнем, что и в первом и во втором случае речь идет посягательстве на внутриутробного ребенка, различие, как нам представляется, лишь в обстоятельствах его совершения.

Остается надеяться, что в целях обеспечения конституционной гарантии права ребенка на рождение, устранения в теории и судебной практике разнотечений уголовного закона и для разрешения вопросов уголовно-правовой защиты жизни ребенка в дородовой период в постановление Пленума Верховного Суда РТ от 26 июня 2009 г. №21 «О судебной практике по делам об убийстве» будут внесены соответствующие изменения и дополнения.

Изложенное позволяет прийти к выводу – государство обязано не только предоставить гарантии права ребенка на рождение на 20-27 неделе, но и обеспечить, руководствуясь действующим в Таджикистане законодательством, максимальную уголовно-правовую защиту его внутриутробной жизни в этот период. Сама по себе такая концепция, основывается на положениях Конституции РТ, провозгласившей: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством» (ст. 5), «Каждый имеет право на жизнь» (ст. 18).

Провозгласив человека высшей ценностью и возложив на государство обязанность признания, соблюдения, обеспечения и защиты основополагающих прав и свобод человека, и, прежде всего, права на жизнь, законодатель не определил однозначно, что такое жизнь, не решил окончательно вопросов о начале и окончании жизни человека, с которыми прямо и непосредственно связаны проблемы определения начала и прекращения правоспособности гражданина, реализации и защиты его гражданских прав. Между тем, как в юридической, так и в медицинской литературе неоднократно подчеркивается настоятельная необходимость и значимость решения данных вопросов. На практическое и теоретическое значение четкого законодательного определения начала жизни человека обращает пристальное внимание М.Н. Малеина, полагая, что от этого, в частности, зависит ответ на вопрос: «На какой стадии своего развития человеческий эмбрион или плод

становится жизнеспособным (может существовать вне организма матери и является субъектом права) [40, стр. 57]. «Не менее важно, – подчеркивает автор, – дать дефиницию жизни с позиции права... Рождение и смерть человека являются юридическими фактами – событиями, с которыми связано соответственно возникновение и прекращение права на жизнь, а также других неимущественных и имущественных прав» [40, стр. 61].

Таким образом, после 19 недели государство должно отказаться от абортов, так как ребенок, находящийся в утробе матери уже способен продолжать жизнь вне материнского организма. По нашему мнению, это и есть та грань (срок беременности), за которой у внутриутробного младенца появляется реальная возможность существовать и развиваться, при соответствующем уходе вне чрева матери, например, в случае ее внезапной смерти и своевременной хирургической операции (каесарево сечение).

Достаточно четко обосновывает необходимость уголовно-правовой защиты жизни эмбриона Н.Е. Крылова: «Любой живущий на земле человек прошел через стадию эмбрионального развития прежде, чем родиться и получить правовой статус личности. Если уж Уголовный кодекс России становится на защиту животных, предусматривая ответственность за жестокое с ними обращение, повлекшее их гибель илиувечье (ст. 245), то почему в этом отказано человеческому эмбриону?» [37 стр. 44-45].

Швейцарская уголовно-правовая доктрина объясняет защиту человеческого эмбриона тем, что хотя он еще и не является членом общества, и, несмотря на свои генетические особенности, он является потенциальным носителем человеческой жизни. Этим объясняется также и то, что за прерывание беременности швейцарский законодатель установил более мягкое наказание, чем за убийство [66, стр. 49-50].

Период внутриутробного развития человека есть ранний период его биологической жизни. Пребывая в материнской утробе в состоянии эмбриона, он телесно самостоятелен, так как не является частью организма своего носителя и способен к саморазвитию: ведь происходящие в нем жизненные процессы выступают в качестве внутреннего движителя его развития. Тело матери представляется только идеальной средой развития

эмбриона, обеспечивающей его питанием, охраной. С рождением начинается второй этап биологического существования человека, а точнее, этап пребывания его организма в социальной среде. Это свидетельствует об ошибочности бытующего мнения о том, что человеческая жизнь начинается с его рождения. Его следует скорректировать: социальная жизнь человека начинается с момента его рождения [55, стр. 13-14].

Искусственные методы репродукции человека, клонирование, евгенетика, генетические эксперименты превратились в реальность, однако отношения по поводу их использования не стали предметом правового регулирования. Не приведет ли это к обесцениванию конкретной человеческой жизни, не смотря на то, что, по признанию ученых, в глобальном масштабе отношение мирового сообщества к ценности жизни как главнейшего блага меняется к лучшему [45, стр. 60]. Прежде всего, ученые предлагают задуматься над вопросом: означает ли, что человеческий плод и человек – одно и тоже? В.Г. Афанасьев определяет сущность человека как совокупность всех общественных отношений, обращая внимание и на другие его начала, указывая, в частности, что «человек – сверхсложная система, в частности, система биологическая» [7, стр. 74]. О двойственности человеческой природы говорит Л.О. Красавчикова, отмечая, что «единство биологического и социального, которое переплетено в человеке, обуславливает двойственность человеческой природы и определяет приоритетность его потребностей на том или ином историческом отрезке существования отдельного человека и человечества в целом» [34, стр. 68].

Таким образом, человек – это, прежде всего, биологическое живое существо. Что представляет собой жизнь человека как биологический феномен, как определить ее начало и конец? В медицине понятие жизни связывается с понятием жизнеспособности организма. «Жизнеспособность – способность плода начать и самостоятельно продолжить жизнь вне материнского организма в обычных условиях. Жизнеспособным является организм плода, достигший известной степени зрелости. В судебно-медицинской практике зрелым считается младенец, пробывший в утробе матери не менее 8 лунных месяцев. К этому времени он имеет длину тела 40 см и более, вес

1500-1600 г, окружность головки не менее 28 см, вес планцеты не менее 400 г» [14, стр. 235]. Жизнеспособность плода и его социальная суть (в этом последнем нет сомнения, поскольку даже право, как было показано выше, предусматривает защиту его интересов) свидетельствуют о единой сущности такого плода и человека. Законодателю необходимо учитывать данное обстоятельство, поскольку эта проблема переходит в практическую плоскость при производстве искусственного прерывания беременности (аборте), при использовании органов и тканей эмбриона (плода) для трансплантации [51, стр. 8. 71], при применении экстракорпоральных методов оплодотворения, при причинении вреда плоду, при проведении медицинских экспериментов, клонировании и в иных случаях вмешательства в организм будущей матери и плода.

В целом излагаемая автором концепция, впрочем, как и многие другие, не учитывает и не

исследует конкуренцию права на жизнь и права на неприкосновенность частной жизни, права на здоровье, права на личную неприкосновенность женщины и т. д. Ибо, по мнению исследователя, в какую бы сторону не смешался вектор защиты, основополагающее, приоритетное значение имеет, все-таки, значимость охраняемых уголовным законом общественных отношений, интересов, благ (в нашем случае право на жизнь, является наиболее ценным благом из всех, подлежащих уголовно-правовой охране).

Подводя итог сказанному, отметим, что приведенные доводы обуславливают уважительное отношение к ребенку и до его рождения. Следует признать, что человек обладает достоинством, которое предопределяет особое уважение не только к нему как существующему субъекту, но и к различным формам его существования, как дородовому, так и посмертному.

Список литературы

1. Абдулаев М.И. Права человека: историко-сравнительный анализ. – СПб., 1998.
2. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – №1.
3. Азаров А.Я. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. – М., 2000.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: теория и современность. – СПб., 1998.
6. Антонов М.В., Поляков А.В. Право и правовая культура в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – №2.
7. Афанасьев В. Г. Системность и общество. – М., 1987.
8. Баранов В.М., Головкин Р.Б. Государственно-правовое воздействие на частную жизнь граждан в современной России: философско-правовой анализ // Философия права. – 2000. – №2.
9. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
10. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
11. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
12. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
13. Беседкина Н.И. Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребенка в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
14. Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3. – М., 1978.
15. Большая советская энциклопедия. Т. 22. – М., 1975.
16. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. – М., 1977.
17. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. – М., 2004. – №4.
18. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008.
19. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. – Волгоград, 2000.
20. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – №1.
21. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. – М., 2003.
22. Глушкова С.И. Права человека в России: теория, история, практика. – Екатеринбург, 2002.

23. Гражданское право России. Ч.1. / Под ред. З.И. Цыбуленко. – М., 1998.
24. Гражданское право Ч.1. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – М., 1997.
25. Григорович Е.В. Гражданско-правовая ответственность при использовании искусственных методов репродукции // Юрист. – 1999. – №10, №11.
26. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 1: А-О. – М.: Рус. яз., 2000.
27. Жидков В.С. Культурная политика и театр. – М., 1995.
28. Жуйков В.М. Права человека и власть закона. – М., 1995.
29. Загородников Н.И. Преступления против здоровья. – М.: Искра, 1969.
30. Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. – Ярославль, 2008.
31. Ковлер А.И. Антропология права: Уч. для вузов. – М.: Инфра-М, 2002
32. Козловски П. Культура постмодерна. – М., 1997.
33. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева. Изд-е 3-е, доп. и испр. – М., 2004.
34. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. – Екатеринбург, 1994.
35. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. – М., 2005. – № 3.
36. Крылова Н.Е. Об уголовно-правовой защите прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 1.
37. Крылова Н. Е. Ответственность за незаконное производство абортов и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 6.
38. Куликова Л.Н. Проблемы саморазвития личности. – Хабаровск, 1997.
39. Курс советского уголовного права. Т. 5. – М., 1971.
40. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан. Понятие, осуществление, защита. – М., 2000.
41. Медицина и права человека. – М., 1992.
42. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996.
43. Московские новости. – 2001. – № 1.
44. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
45. Рабец А.М. Право на жизнь и проблемы гражданско-правовой ответственности за его нарушение // Юрист. – 2001. – № 6.
46. Романовский Г.Б. Юридическое определение момента возникновения права на жизнь // Государство и право. – 2007. – № 11.
47. Ромашов Р.А. Правовые культуры современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – №8.
48. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
49. Российское уголовное право. Особенная часть. – М., 1997.
50. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 3. – Владивосток, 2000.
51. Рунович А.А. Лечение тяжелого астматического статуса с применением трансплантации аллогенных фетальных тканей // Сибирский медицинский журнал. – 2000. – № 2.
52. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура / Вопросы теории государства и права. – Саратов, 1986. – №7.
53. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический анализ: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990.
54. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.
55. Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.
56. Сент-Роз Ж. Право и жизнь // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 6.
57. Сердюков М.Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. – Л., 1964.
58. Силуянова И.В. Клонирование – болевая точка культуры // Православная беседа. – 1998. – №2.
59. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: Формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – №1.
60. Справочник практического врача. Часть II. – М., 1969.
61. Судебная медицина / Под ред. Г.А. Пашияна. – М., 2002.
62. Татарстан в сети Интернет портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kcn.ru/tat_ru/index.htm
63. Толстой Ю.К. Наследственное право: Учебное пособие. – М., 1999.

64. Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов. Изд-е 2-е, перераб. и доп. / Под ред. Л.Л. Крутикова. – М., 2004.
65. Уголовное право. Особенная часть. – М., 1997.
66. Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
67. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – №2.
68. Шевцов В.С. Права человека и государство в Российской Федерации. – М., 2002.
69. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М., 1953.
70. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно правовое значение. – Казань, 1988.
71. Beier A. M. Fur welche therapeutischen Zeilekannet ein Bedral an Embrjonen forthuno entstehen? /Ber. Und Mit Maxplank. 1989. Bd. 89. №4. S. 58-82.
72. Dickson D. Europe split on embryo research // Ycience. 1988. V. 242. № 4882. P. 1117-1118.

АСХАМОВ Айрат Альбертович,
заведующий кафедрой теоретических основ
физической культуры и безопасности
жизнедеятельности Елабужского филиала
Казанского (Приволжского) федерального
университета,
кандидат педагогических наук
E-mail: akhamov5555@mail.ru

Специальность 13.00.01 – Общая педагогика

ЗДОРОВАЯ ПИЩА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению диетологических особенностей потребления продуктов питания в пищу. Тема представлена в социологическом контексте, позиционирующем проблему питания как одну из доминирующих в современном обществе. Автор, акцентируя внимание на проявленных в данной области исследованиях и статистических данных, формулирует выводы.

Ключевые слова: здоровое питание; пищевые добавки; диетология.

ASKHAMOV A.A.

HEALTH FOOD AS A TOPICAL ISSUE OF MODERN SOCIETY

The summary. The article considers nutritional characteristics of food products consumption for eating in the sociological aspect positioning the problem of nutrition as one of the dominant in the modern society. The author with the focus of attention on the researches carried out in this area and statistical data formulates conclusions.

Key words: healthy eating; food additives; dietetics.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, продолжительность жизни человека и состояние его здоровья на 60% определяет его образ жизни и система питания, на 15% – наследственность, еще 15% – условия внешней среды, и лишь на 10% – услуги здравоохранения.

В систему здоровых привычек, навыков поведения, которую можно назвать здоровым образом жизни, необходимейшей составной частью входит рациональное питание. Специалисты – врачи, диетологи, гигиенисты – еще спорят о том, что конкретно должно быть рекомендовано различным возрастным и профессиональным группам населения, но в главном мнении не расходятся: калорийность пищи следует ограничивать, а потребности организма в

витаминах, микроэлементах, фитонцидах и других биологически активных веществах полностью удовлетворять. Какой же вывод можно сделать из этих рекомендаций? Как готовить хозяйствам, поварам, всем работникам предприятий общественного питания, чтобы в поданном на стол блюде содержалось как можно больше полезного? И, наконец, как сделать, чтобы это полезное было еще и вкусно? Найти ответ на последний вопрос, пожалуй, труднее всего.

Действительно, кулинарные традиции на редкость живучи. Вкусным кажется то, что готовили бабушка и мама, то, к чему привыкли с детства. Однако бабушки учились готовить у своих бабушек, а с тех пор жизнь вокруг нас неизвестно изменилась. Уменьшились физические нагрузки, увеличились психические, появились новые,

концентрированные, высококалорийные продукты, повысилось загрязнение окружающей среды. Питаясь по старинке, мы оказываемся все в большем долгу перед собственным организмом, собственным здоровьем. Стоит ли кратковременное удовольствие, полученное за пышно накрытым столом, того, чтобы расплатиться за него преждевременным одряхлением, болезнями, ведущими к самым печальным последствиям?

Поэтому очевидно, почему люди, следящие за своим здоровьем и внешним видом, стараются питаться натуральными продуктами, богатыми растительным белком, углеводами и другими микроэлементами. Сегодня уже увеличился спрос на зерновые, бобовые культуры, обладающие высокой пищевой ценностью. Стало очевидным, что увлечение жирной рафинированной пищей, с дефицитом активных компонентов, искусственными добавками и усилителями вкуса (глютоматы и бензонаты натрия) и др. ведет к саморазрушению нашего организма. Чем дольше хранится продукт, тем меньше в нем остается раздражающих рецепторы нуклеотидов, а значит, вкусовые ощущения и аромат слабеют. Технологи быстро сообразили, что вкус можно не только улучшать, но и имитировать. Достаточно добавить в продукт усилитель вкуса и запаха, и он вновь обретает необходимый запах и вкус. Усилителям вкуса и аромата, согласно Европейской системе классификации пищевых добавок, присвоены номера Е600 – Е699. Они прекрасно растворимы в воде и обладают антиокислительными свойствами. По внешнему виду напоминают белый кристаллический порошок, не имеют вкуса и запаха.

Основная задача этих добавок – усиливать натуральный вкус и аромат готовых продуктов (сухих супов, сухариков, майонезов, чипсов, кетчупов, соусов, мясопродуктов, консервированных продуктов). Принцип действия этих добавок следующий: при попадании в организм, они быстро проникают через кровь в мозг и усиливают вкусовые ощущения, в том числе чувствительность вкусовых сосочков языка. Производители продуктов питания могут использовать этот вид пищевых добавок, чтобы замаскировать низкое качество продукта. К примеру, неприятный запах старого (протухшего) мяса или рыбы прекрасно «замаскирует» глютамат натрия, который добавляют в продукт вместе с

другими, приятно пахнущими, специями. Поваренная соль также является усилителем вкуса. Она не только придает пищевым продуктам солёный вкус, но обладает свойством усиливать их сладость, а также маскировать привкусы горечи и металла. **Глютамат натрия** – самый популярный усилитель вкуса. Глютамат натрия (Е621 или натриевая соль глутаминовой аминокислоты) – пищевая добавка, предназначенная для усиления вкусовых ощущений за счет увеличения чувствительности рецепторов языка. Глютамат натрия не содержит питательных веществ, вместо этого он обманывает ваш мозг, в результате чего вы думаете, что еда, которую вы едите, очень вкусная. Среди усилителей вкуса и аромата могут быть активные вещества, которые способны воздействовать на самые разные функции и органы человеческого организма, поэтому использовать можно только те соединения, безопасность которых гарантирована. Но если усилители представляют собой сложные смеси, как это обычно и бывает, то практически невозможно определить степень их потенциальной опасности.

Негативные последствия употребления глютамата натрия.

К негативным последствиям употребления этой добавки, можно отнести тот факт, что для человека, употребляющего продукты с глютаматом натрия, натуральный вкус здоровой пищи, без глютамата, кажется менее выраженным.

Глютамат натрия имеет и недостатки – головная боль, сонливость, повышенное сердцебиение, слабость в мышцах, жар и т. п. Специалисты утверждают, что Е621 наносит непоправимые повреждения мозгу человека, приводит к возникновению аллергий, а особенно вреден для детского здоровья. Многочисленные эксперименты ученых подтвердили, что в результате употребления этой добавки у ребенка происходят необратимые повреждения зрения и мозга. Эта добавка присутствует в супах и вермишелях быстрого приготовления, бульонных кубиках, соусах, консервах, полуфабрикатах. Смеси почти всех пищевых приправ на треть состоят из Е621.

К классу усилителей вкуса и запаха относят еще более опасные пищевые добавки – инозинат натрия (Е631) и глютамат калия (Е622). Эти добавки запрещены на территории России, тем не менее, иногда встречаются. Будьте осторожны, они способны нанести большой вред организму.

Усилители вкуса, в большом количестве, могут вызывать нежелательные последствия для здоровья, так называемый «синдром китайских ресторанов». Раньше в китайских ресторанах было принято ставить усилители вкуса на стол вместе с солью и специями. Посетители, добавлявшие эту добавку в пищу, после посещения ресторана ощущали слабость, сердцебиение, потерю чувствительности в области затылка и спины, головокружение, тошноту, боль в груди, покраснение лица, жжение в желудке. Больше всего глутамата натрия используется в ресторанах быстрого питания. О вреде питания в подобных заведениях слышали все, но, несмотря на это, очередь в них меньше не стала.

Ученые проводили опыты на лабораторных крысах – кормили их усилителями вкуса. В результате, у животных резко снижалась острота зрения из-за истощения нервных тканей радужной оболочки. Специалисты рекомендуют употреблять не более 1 грамма усилителя в день. Для подростков норма усилителей вкуса не должна превышать 0,5 грамма в сутки, а для детей лучше вообще избегать этой добавки. Не смотря на множество опытов, подтверждающих вред глутамата натрия, его по сей день не запретили и продолжают добавлять во множество продуктов.

Наиболее вредные усилители вкуса и аромата.

Иногда, для улучшения вкуса продуктов, добавляют «брата» глутамата натрия – глутамат калия (Е622). Эта добавка еще не до конца исследована, но уже вызывает у ученых большие опасения, поэтому официально запрещена в России.

Мальтол (Е636) и этилмальтол (Е637) усиливают восприятие ряда ароматов (особенно фруктового и сливочного). Чаще всего, эти добавки используют в сладких и гастрономических продуктах. Например, в низкожирных майонезах они гармонизируют остроту и смягчают резкий вкус уксусной кислоты. Кроме того, мальтол и этилмальтол (в количестве нескольких миллиграмм на 1 кг) придают ощущение жирности низкокалорийным йогуртам, мороженому, майонезам для придания им сливочного вкуса. Несмотря на то, что эти усилители вкуса не имеют разрешения на использование в России, поскольку их исследования еще официально не завершены, они очень широко используются в современной пищевой промышленности. А между тем, многие исследователи считают их крайне опасными для здоровья.

Менее популярная синтетическая добавка – судан. Судан, чаще всего, добавляют в куры-гриль, которые продают на улице. Это непищевой краситель, который вызывает образование опухолей.

Полноценное питание – это незаменимое оружие против болезней обмена веществ. Оно гарантирует нормальные рост и жизнедеятельность организма, правильное функционирование клеток и повышенный жизненный тонус. Если мы будем хорошо знать и уметь правильно использовать питательные источники, удастся избежать в жизни многих болезней. Сколько нелепых предрассудков, сколько совершенно необоснованных и вредных привычек вторгается в область питания, сколько легкомысленного пренебрежения к одному из важнейших вопросов человеческого существования. Многие и вовсе не считают питание предметом для серьезного научного исследования, полагая, что рациональное питание зависит только от количества продуктов. Наивные люди!

Известно, что еще мыслители древности посвящали целые трактаты лечебным свойствам различных видов пищи и разумному ее потреблению. В правильном питании они видели источник здоровья, силы, бодрости и красоты. Эти наследия не потеряли своего значения до сегодняшнего дня и нашли научное подтверждение и развитие в современной науке о питании.

Давайте подумаем, почему-то или иное блюдо кажется нам вкусным? Маленький пример из истории.

Общеизвестно, что пиры в императорском Риме отличались невероятным обилием изысканно приготовленной пищи. В то же время в Древней Спарте жители вели строгий образ жизни: физический труд, физическая закалка прививались ее гражданам с детства. Воины-спартанцы славились своей выносливостью и боевой доблестью. Так вот, спартанцы изгоняли повара, если он начинал готовить сложные, изощренные, слишком вкусные блюда. Обедали они просто, и основным их блюдом была черная чечевичная похлебка. Однажды правитель Сиракуз захотел попробовать знаменитую похлебку и выписал из Спарты повара. Отведав блюдо, о котором было столько разговоров, он с возмущением воскликнул: «Что нужно, чтобы съесть такую гадость?» И услышал в ответ: «Длительные физические

нагрузки и настоящий голод». Однако эта «гадость» доставляла все необходимое организму воина и атлета.

Народные кухни всего мира предлагают блюда неприхотливые, в большом количестве включающие овощи и крупы, травы и коренья – все то, что произрастало в районе обитания людей. На Востоке говорят, что смешивать в кастрюле можно все, кроме луны и ее отражения. В области технологии приготовления из народного опыта также можно почерпнуть много полезного.

В средние века русские князья вели довольно замкнутую жизнь. Процветало натуральное хозяйство – питались тем, что давала земля, рыболовство, охота. Бортничество (пчеловодство) – исконно русский промысел. Крестьяне заготавливали дары леса: грибы, ягоды, мед, а также сеяли хлебные злаки. Разводили скот, в основном крупный. Важное место в питании принадлежало тогда овощам – капусте, репе, редьке, свекле, а также дикорастущим растениям: сурепице, крапиве, лебеде, хвойным иглам и коре деревьев.

Когда в 20 – 30-е годы XVII века на Россию обрушился страшный голод, одна помещица заставила своих крепостных крестьян собирать лебеду, крапиву, кору деревьев и добавлять их в хлеб, и это спасло их от гибели.

Эпоха Возрождения дала мощный толчок к расцвету кулинарного искусства. Еще бы не разгуляться поварам: они уже знали многие пряности, приправы, новые для Европы продукты (картофель, помидоры, маис – кукурузу), заморские фрукты, то есть все, что принесли великие географические открытия. Пышнее и богаче становились пиры и приемы, устраиваемые королями и знатью. Повара изощрялись в приготовлении замысловатых блюд, оставил далеко позади древних римлян. Тон задавал французский двор.

В русскую кухню в XVII – XVIII веках начинают проникать французские, немецкие, голландские кулинарные рецепты. Естественно, это затронуло лишь кухню господствующих классов. Особенно заметной грань между простой народной кухней и изысканной господской стала при Петре I. Кулинарные книги той поры пестрят иностранными названиями. В богатые дома модно было приглашать зарубежных поваров, которым платили огромное жалованье.

Развитие кулинарного искусства, особенно в

городах, породило и специальную литературу. В ней можно найти самые невероятные рецепты и советы по приготовлению удивительных блюд. Но не менее удивительно и то, насколько авторы таких рецептов далеки от понимания жизни народных масс и насколько несообразны их советы для подавляющей части населения страны.

Многие века повара занимались своим делом, не ведая ни о какой науке, и руководствовались, прежде всего, своим вкусом.

Среди представителей привилегированных классов находились, однако, и такие, кто, пользуясь услугами кулинаров, понимал опасность подобного питания. Так, знатный венецианец, живший в XIV – XV веках, Людовико Корнаро уже к сорока годам был приговорен врачами к смерти. Вынужденный отказаться от излюбленных яств и напитков, он стал питаться скромно, перейдя на простую еду, прожил 99 лет и до конца дней оставался проповедником умеренного образа жизни. В наследие потомкам он писал: «Хотя все согласны, что неумеренность есть дитя обжорства, тем не менее, на нее смотрят как на доблесть и признак знатности». Он призывал умерять свои страсти, уметь владеть собой: «Страсти в большинстве случаев не имеют большой власти над телом, подчиненным двум правилам: воздержанию и умеренности в питье и пище, и не могут причинить ему большого вреда».

В России в 1885 году Д.В. Каншин выпустил книгу «Энциклопедия питания», где обнаруживается уже научный подход к проблеме питания. Поучительна его жизнь. Будучи студентом Царскосельского лицея, он заболел подагрой от чрезмерного употребления мясной пищи (по его словам, в то время, то есть в 50-е годы XIX века, среди «блестящей молодежи» было модно съедать ежедневно около одного килограмма жареных ростбифов). Изучая литературу, посвященную профилактике и лечению таких заболеваний, он выяснил, что избавиться от подагры можно, если правильно организовать пищевой режим. Д. Каншин, изучая кухню различных народов, посетил многие страны мира и пришел к выводу, что народное питание – подлинный эликсир здоровья. Многие его высказывания были весьма проницательны: «Для того чтобы выписать лекарство, врачу дается диплом. Лекарство мы принимаем в микроскопических дозах. Почему же мы поклоняемся невежеству кухарки, которая

ежедневно «прописывает» рецепты завтраков, обедов, то есть то же лекарство, но уже в количественном отношении в сотни раз больше, чем рекомендует врач. Неграмотная кухарка подчинила себе знаменитых ученых, так как она готовит им пищу не по науке, а по интуиции и вкусу».

Д. Каншин мечтал об Академии питания, где изучались бы проблемы питания на научном уровне. Сто лет назад он открыл в Петербурге и Москве «нормальные» столовые, в которых нормы пищи, разработанные учеными, рассчитаны были на лиц с различными физическими нагрузками. Столовые получили положительную оценку специалистов. Увы, после смерти энтузиаста, создавшего их, они постепенно прекратили существование. Зато широкое распространение получили так называемые кухмистерские, где еду готовили, не вникая в то, что происходит с продуктами, и не помышляя ни о каких принципах питания.

К сожалению, русская народная кухня до сих пор по-настоящему не отражена в кулинарных книгах, сведения о ней рассыпаны по многочисленным источникам (альманахам, путеводителям, справочникам). До Октябрьской революции крестьянская кухня считалась настолько непrestижной, что о ней вообще не упоминали. Даже названия народных кушаний (тюря, затиуха, похлебка) мы не найдем в кулинарных книгах.

Крестьянская кухня отличалась простотой, натуральностью, то есть была здоровой по сравнению с господской. Известная поговорка «щи да каша - пища наша» довольно точно отражала крестьянский быт. Сливочного масла широкие массы практически не знали. «Кашу маслом не испортишь» – это мечта о жирной каше. Крестьяне ели творог, кисломолочные продукты, молоко пили только снятное (после приготовления сметаны). Очень любили пироги с овощами, горохом, ягодами, грибами, рыбой. Причем пироги пекли на поду русской печи, где получались они не с грубой коркой, как в обычной духовке: тонкий слой нежной корочки в сочетании с сочной начинкой давал богатую вкусовую гамму.

Русская тюря. В другой кухне не найти такого блюда. Если французы готовят суп с сыром и вином, а итальянцы – с пряностями, то русские берут квас, крошат в него ржаной хлеб, рубят луковицу да еще приправляют конопляным маслом

– и тюря готова. С современных позиций науки о питании можно с уверенностью сказать, что такое кушанье сбалансировано, не подвергнуто длительной тепловой обработке, а значит, является более здоровой пищей. Тюри готовили и со снятым молоком, а иногда и с водой. Они оказывались весьма кстати во время работы в поле, во время страды.

Знаменитые русские щи томили в печи, где они приобретали свойственный только им вкус и аромат, так называемый «щаной дух». Щи заправляли ржаной мукой, крупами, а в бедных семьях готовили «пустые» щи, где «крупинка за крупинкой бегает с дубинкой». Каши готовили из проса, ячменя, овса (риса народ не знал и называл его «сарацинским пшеном»). Готовили кашу в чугунках или глиняных горшках. Ели ее с конопляным или маковым маслом. Подсолнечник появился на Руси значительно позднее.

Похлебка – исконно русская еда. Крестьяне готовили похлебку исключительно на овощных отварах, а не на бульонах. Причем в народной кухне не знали винегретов, салатов, а использовали какой-нибудь один вид овощей. Например, похлебка из репы, крапивы, бобовых. Заправляли ее сметаной, молоком или растительным маслом. Похлебка готовилась очень быстро. Особенно любимой в народе была похлебка с луком. Из овощей употреблялись капуста, репа, морковь, свекла, редька, а позднее картофель. Причем овощи только варили или парили в русской печи («проще пареной репы» – поговорка, характеризующая именно такой способ приготовления). С ранней весны до глубокой осени народ использовал богатство леса: ягоды, грибы, крапиву, сныть, лебеду, борщевик и другие съедобные дикорастущие растения. Такая ценная растительная добавка к крестьянскому рациону обогащала его биологически активными веществами. Многие овощи и травы употребляли в натуральном виде, а из редьки и зеленого лука готовили своего рода закуску, заправленную постным маслом.

Даже бедные крестьяне заготавливали впрок овощи, фрукты и дары леса. Делали самые разнообразные квасы (фруктовый, ржаной, овсяной и т. д.). Из ржаной муки или овса варили кисели. Они не были сладкими (ведь кисель – от слова «кислый»), а напоминали застывшее желе (не случайно в фольклоре фигурируют кисельные берега). Густые кисели получали за счет

крахмалосодержащих веществ ржаной муки или овса.

Мясо было редким праздничным блюдом. Даже зажиточные крестьяне его ели не часто. К тому же не надо забывать, что до революции в России официально почти 200 дней в году объявлялись постными и их соблюдали довольно строго. Длительные посты, безусловно, вредили здоровью, но, вообще, в самой идее постных дней содержалось весомое рациональное зерно. Во-первых, пост начинался, когда забой скота был невыгоден. Да и вообще, как известно, забой скота для крестьянина – мера вынужденная. Во-вторых, веками вырабатывались определенные привычки к сезонному питанию. Естественно, что в зимний период организм ослабевает, так как многие продукты, особенно растительные, теряют в процессе хранения свои природные достоинства (разрушаются витамины, пигменты, утрачиваются фитонцидные свойства растений). Зимой больше приходится использовать заготовки впрок, то есть питаться продуктами, уступающими по своим биологическим качествам свежим. Недаром весной отмечена самая высокая смертность среди населения (особенно старики, больных). Поэтому с ранней весны до осени крайне важно обогащать свой рацион растениями, особенно дикорастущими, так как только в диком виде они обладают максимальной силой по сравнению с культурными растениями.

В крестьянской семье мясо ели в основном только в вареном виде со щами. Любимым лакомым блюдом крестьян была требуха (легкие, селезенка, кишki, хрящи). Из требухи готовили пироги, каши. Кишки набивали кашей и томили в печи. Во многих местах Москвы торговали горячей требухой, причем, чтобы сохранить в горячем виде это кушанье, чугунки укутывали одеялом. Особенно любили крестьяне холодац, который варили из хрящей и ножек. Холодац добавляли в квас, щи. Кур использовали в пищу редко, так как они были дорогими, а вот из яиц делали омлеты или добавляли их в фарши при приготовлении пирогов.

Традиционной крестьянской пищей были пироги – овощные или с кашами, пекли их из ржаной муки в русской печи, а начиняли капустой, репой, турнепсом, картофелем. Особенno славились пироги с рыбой. Речная рыба шла не только на пироги, но и в уху. Изредка рыбу запекали на соломе, что придавало ей отменный вкус и аромат,

но никогда не жарили. Жиры в народной кухне практически не нагревали, что было оправдано с точки зрения рационального питания.

За сотни лет в крестьянском быту выработался определенный ритуал еды, ничего общего не имевший с господскими обычаями. Невозможно представить крестьянина, который вставал затемно и сразу же садился завтракать, а ему подавали бы закуску, второе и десерт, как было принято в богатых семьях. Крестьянин включался в работу сразу. В страдную пору он завтракал уже после того, как всходило солнце. Меню его составляли овощи, ржаной хлеб, квас, тюря, то есть еда была и сытной, и легкой, и не требовала длительного приготовления. Обеденное время заставало крестьянина в поле, и обед тоже был легким – иначе не поработаешь. Основной трапезой становился ужин. После напряженного многочасового труда на воздухе вся семья собиралась за столом при свете плошки. Хозяин занимал место во главе стола, затем по старшинству рассаживались дети – субординация соблюдалась неукоснительно. Поговорка «Когда я ем, я глух и нем» отражает серьезное отношение народа к еде. Ели действительно молча, если ребенок начинал шалить, его тут же одергивали.

Ели из одной миски ложками (ножей и вилок не знали). Куски ржаного хлеба служили салфетками, ими же вытирали ложки и миски. Пищевые отходы не выбрасывались, а шли на корм скоту. Крестьяне с детства привыкали бережно относиться к продуктам, экономно, рационально вести хозяйство.

На десерт подавали пареную репу, огурцы с медом или различные травяные напитки. Лишь после этого завязывался разговор, касавшийся работы, семейных, хозяйственных дел. Подобные беседы имели немалое воспитательное значение для детей и подростков, приучали их ценить труд, уважать стариков. Именно семья была для них первой нравственной школой.

Любили ли крестьяне поесть вкусно? Безусловно, но городские деликатесы были им неведомы. Не знали они ни сыра, ни заморских фруктов. Пища их была натуральной и готовилась быстро, без особых ухищрений. А это значит, что в продуктах сохранялось максимальное количество биологически активных веществ. Разумеется, крестьянин об этом и не подозревал. Но он твердо знал: питание должно быть простым и сытным, оно должно придавать силы, а не расслаблять, должно укреплять здоровье, а не

губить его.

Современная наука о питании, основываясь на последних открытиях в области гигиены питания, физиологии, биохимии, доказала, что человеку необходим широкий ассортимент продуктов в натуральном виде или подвергнутых легкой тепловой обработке. И выяснилось, что именно простая, «грубая» народная пища, к которой подчас относились с высокомерием, во многом как раз соответствует научным принципам наиболее рационального, здорового питания.

Конец XX столетия и начало XXI существенно изменили образ жизни современных людей. Появились болезни века: гиподинамию (малоподвижный образ жизни), ожирение, диабет, внутренняя и внешняя интоксикация организма, избыточный вес как следствие нерационального питания.

Исследования последних лет подтверждают, что чрезмерное потребление углеводов, жиров (особенно животных), рафинированных продуктов, лишенных или обедненных в процессе обработки или хранения биологически активными веществами, вредно оказывается на организме и способствует многочисленным заболеваниям.

Установлено также, что при жарении происходит усиленное окисление жиров с образованием соединений, обладающих существенным отравляющим действием. Очень чувствительными к кулинарной обработке пищевых продуктов являются и входящие в их состав витамины. Особенно легко разрушается витамин С, содержащийся в наибольших количествах в овощах и фруктах. Сохранность витаминов группы В, присутствующих в муке, крупе, молоке, находится в прямой зависимости от температуры нагревания пищевых продуктов и длительности их пребывания при высокой температуре.

Одна из главных идей новой кухни заключается в том, чтобы исключить или ограничить процессы жарения и пассерования, а при варении резко сократить время тепловой обработки блюд. Как это сделать? Предлагается чередовать нагревание и настаивание продукта при его приготовлении, используя так называемый метод «антракта». Применяя этот метод, удается сохранить практически все вкусовые и ароматические качества пищи, одновременно ослабив разрушающее действие высоких температур на витамины, микроэлементы и другие биологически

активные вещества.

Для того чтобы готовить по новой технологии было удобнее, рекомендуем несколько усовершенствовать свое «кухонное хозяйство». Во-первых, проверьте, плотно ли прилегают крышки к кастрюлям (неплохо обзавестись одной-двумя кастрюлями с толстыми стенками и дном). Во-вторых, сшейте специальную «грелку», наподобие той, которой вы укрываете заварочный чайник, только размером побольше, чтобы она свободно надевалась на кастрюлю. В-третьих, как следует наточите ножи: продукты, которые готовятся методом «антракта», как правило, мелко нарезаются. Удачными приобретениями будут также овощерезка, электромясорубка и соковыжималка.

Итак, расскажем подробно о том, как приготовить ужин. Допустим, мы выберем кашу. Но учтите, «наша» каша – это не просто крупа, отваренная в воде до мягкости. Любое блюдо, а тем более кашу, необходимо обогащать овощами, фруктами, травами, кореньями, в том числе и дикорастущими. Кроме того, по вкусу нужно подобрать состав круп. Чаще всего симпатии отдаются двум-трем – рисовой, гречневой. А между тем и другие сорта обладают своими достоинствами. В пшене, например, больше, чем в гречке, содержится магния, каротина и витамина В1, а крахмала в нем меньше. А вот в перловой крупе, которая сейчас «не в моде», крахмала даже больше, чем в пшенице и гречке, а магния, фосфора в два раза больше, чем в рисе. Вообще же универсальной крупы нет; чего не хватает в одной, то может восполнить другая. Поэтому рекомендуем делать крупу смеси, переслаивая их овощами (тоже лучше разными), тогда биологическая ценность блюда возрастет, а его калорийность – снизится.

Сейчас многие увлекаются модными диетами, исключающими тот или иной продукт. Польза их для здорового человека сомнительна: рацион должен включать как можно больше разнообразных продуктов. Много толков идет и о вегетарианстве – полном отказе от мяса. Диетологи, что этого делать не следует. В мясе содержится набор незаменимых аминокислот – веществ, которые не может синтезировать наш организм.

Вероятно, нам попытаются возразить: а как же кавказские долгожители, знающие толк в мясных блюдах и не лишающие себя удовольствия есть

шашлык из баранины? Напоминаем: ни один из них не сядет за стол, если на нем не будет изрядного количества зелени, овощей, кореньев и мацони (кисломолочный продукт). Ну а шашлык готовится не на сковороде, а на открытом огне, над жаром древесных угольев. Еще в начале XX века И.И. Мечников говорил о том, что овощи, плоды, дикорастущие растения, кисломолочные продукты выводят из организма вредные элементы, подавляя гнилостную микрофлору кишечника.

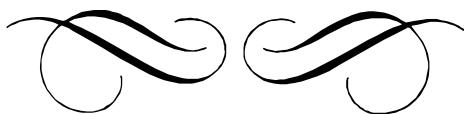
Учиться управлять своими вкусами крайне необходимо. Еще более важно учить этому детей. Когда ребенок мал, когда он лишен выбора и возможности протестовать, он довольно быстро привыкает к тому, что ему навязывают. В одном детском учреждении был проведен эксперимент. Группе детей в возрасте 3-5 лет дали шоколадных конфет столько, сколько они пожелаюут. И оказалось, что в соревновании с ними взрослым

участвовать бесполезно. Ни один не смог бы просто так съесть за час килограмм конфет. Дети же сделали это с легкостью. Говорят, что привычка рождается и умирает вместе с нами. Грустная мудрость... Не стоит ли хотя бы ради будущего наших детей всерьез задуматься над тем, что кажется таким простым: как хозяйничать на кухне?

Технология приготовления блюд методом «антракта» подразумевает малые затраты времени. Обед, завтрак, ужин можно приготовить за полчаса, особенно если сделаны некоторые предварительные заготовки. «Наш долг – есть для жизни, а не для удовольствия, если только мы хотим следовать прекрасному изречению Сократа о том, что в то время как большая часть людей жила для того, чтобы есть, он ест для того, чтобы жить». Так почти две тысячи лет назад писал римский философ.

Список литературы

1. Аутко А.А., Аутко Ан.А. Овощи в питании человека. – Мин.: Белорусская наука, 2008.
2. Высоцкая Ю. Ем, бегу, живу! – М.: Эксмо, 2009.
3. Гордон Р. Здоровый аппетит. – М.: КукБукс, 2011.
4. Козлов Т. В., Рябухина Т. А. Физкультура для всей семьи. – М.: Физкультура и спорт, 1990.

ГУСЕВА Валерия Юрьевна,
соискатель кафедры административной
деятельности ОВД Санкт-Петербургского
университета МВД России,
инспектор отдела лицензионно-разрешительной
работы УМВД по г.Сочи
E-mail: gyseva23@rambler.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КРИМИНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ У НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена проблемам рассмотрения различных подходов к анализу криминальной агрессии у преступников, совершающих насильственные преступления. Выдвигается и обосновывается авторская позиция о необходимости криминологического исследования криминальной агрессии путем использования различных методов и подходов.

Ключевые слова: преступность; агрессия; насильственные преступления.

GYSEVA V.Yu.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF CRIMINAL AGGRESSION IN VIOLENT CRIMINALS

The summary. The article deals with consideration of various approaches to the analysis of criminal aggression in offenders committing violent crimes. The author's viewpoint concerning the necessity of doing research of criminal aggression is brought forward and substantiated taking into account various methods and approaches.

Key words: crime; aggression; violent crimes.

По мнению отечественных ученых, основными, наиболее общими принципами отечественной науки, занимающейся изучением поведенческой активности во всем ее многообразии, являются: принцип детерминизма, принцип единства сознания и деятельности, принцип динамического развития психики в деятельности. Поведение человека, особенности психики, в том числе и агрессия, могут быть всесторонне исследованы и адекватно объяснены, если они рассматриваются как продукт социального развития и деятельности индивида [7, стр. 78]. Современные методы изучения криминальной агрессии непосредственно связаны с получением всесторонней информации о свойствах личности насильственного преступника. Причем, если в криминологии делается акцент на

социальную и социально-психологическую составляющие, то в криминалистике подход к личности более pragматичный, так как требуется в кратчайший срок расследовать и раскрыть конкретное преступление.

Так, Г.Й. Поврезнюк указывает, что источниками сведений о личностной информации, к которой он относит антропологические, соматические, функциональные, психофизиологические, профессиональные и сопутствующие сведения устанавливаемого лица, воспринимаемые человеком или специальным устройством, могут быть показания различных лиц; криминалистические учеты и картотеки; результаты следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; истории болезней; характеристики;

личные дела кадровых аппаратов; переписка; фотоснимки и видеофонозаписи; дневники; письма [6, стр. 19-20].

Однако, с точки зрения И.А. Макаренко, в указанных источниках не учтены, например, знания самого следователя о типичной личности преступника, информация, полученная им при наблюдении за устанавливаемой личностью, что также является источниками сведений о личности, и т. д. [5, стр. 112].

В криминологии, юридической психологии и судебной психиатрии исследование проблем личности насильственного преступника «стоит на трех китах»: 1) тщательно анализируется процесс формирования характера, интеллекта и темперамента во взаимодействии личности с конкретной жизненной ситуацией до и во время совершения преступления; 2) рассматриваются изменения в мотивационной и эмоционально-волевой сферах при осуществлении правосудия; 3) исследуется личность преступника в период отбывания наказания и в процессе реадаптации к условиям освобождения [1, стр. 18; 2, стр. 306-313]. При этом агрессивность насильственного преступника рассматривается как результат глубоких нарушений (дефектов) его социализации. Формирование агрессивности как качества личности преступника обусловлено комплексом условий. В тоже время акт криминальной агрессии может быть детерминирован разными побудительными механизмами: личностной установкой на агрессивный выход из конфликтных ситуаций, аффективным состоянием, обстоятельствами, спровоцировавшими состояние фruстрации, психическими аномалиями (фобии, неврозы, психопатии истерического и возбудимого круга), эмоциональной неустойчивостью, принадлежностью к антисоциальной микрогруппе [3, стр. 57].

С криминальной агрессией «коррелируют такие негативные качества личности, как повышенный уровень тревожности, завышенная самооценка, злобность, эгоцентризм, пониженная толерантность (неспособность переносить трудности), аутизм (социальная отчужденность), неспособность к эмоциональному сочувствию (асинтонность), дефекты социальной идентификации. Наряду с этим агрессивность во всех случаях является показателем десоциализированности личности, неподчиненности ее поведения общепринятым социальным нормам, показателем социально-

ценностной деформации личности. Все эти факторы резко усиливаются возбудимым типом высшей нервной деятельности и адреналиновым типом гуморальной системы индивида» [3, стр. 57].

Не вызывает сомнений, что изучение криминальной агрессии предполагает комплексный, междисциплинарный подход. Однако весь диапазон методологических возможностей получения информации о данном феномене как одной из форм социального поведения может сводиться к двум общим подходам: наблюдению и опросу. Методы наблюдения облегчают фиксирование различных поведенческих реакций агрессивной личности; они включают в себя: естественное наблюдение, полевые эксперименты, лабораторные эксперименты. Различные методы опроса могут заключаться в самоотчетах о поведении индивида, в оценке подэкспертного окружающими, в анализе различных источников учета, в использовании личностных шкал и проективной технике [4, стр. 21-22, 31].

По мнению экспертов ГНЦ С и СП им. В.П. Сербского, для диагностики комплексов качеств и значимых для экспертизы характеристик лиц, совершивших криминальную агрессию, должны быть использованы методы психологического тестирования, анализ материалов уголовного дела и документов, направленная беседа с подэкспертными и наблюдение за ними в ходе психологического исследования. Так, для изучения личностной и эмоционально-волевой сфер эффективно применение тестов Розенцвейга, Люшера, Кеттелла, MMPI, Незаконченных предложений и др. Кроме того, необходимо использование специальных методик, направленных на выявление личностной ориентации, наличия или отсутствия агрессивных тенденций, степени осознанности и подконтрольности возникающих агрессивных импульсов, способности к ихнейтрализации социально приемлемым путем, а также на определение характерного и доступного для испытуемого диапазона способов межличностной коммуникации – тест Вагнера, рисуночные тесты и др. Для непосредственной диагностики агрессивности наиболее эффективен и надежен проективный тест Руки Э. Вагнера.

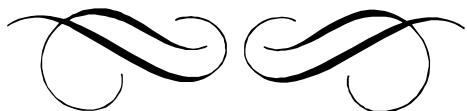
Таким образом, криминологическое исследование криминальной агрессии – длительный процесс, который требует правильной и оптимальной организации. Это тем более важно,

что в противодействии насильственной преступности существенная роль отводится фактору опережения. Учитывая сложность, неоднозначность структурно-функциональной организации свойства агрессивности и

агрессивного поведения насильственных преступников, представляется адекватным их комплексное исследование на различных уровнях функционирования: социальном, социально-психологическом и медико-биологическом.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – М.: ЦОКР МВД России, 2006.
3. Еникеев М.И. Юридическая психология: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005.
4. Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. – СПб.: Питер, 2003.
5. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. – М.: Юрлитинформ, 2006.
6. Поврзнюк Г.И. Криминалистические методы и средства установления личности в процессе расследования преступлений. – М.: Юрлитиформ, 2005.
7. Соловьева С.Л. Агрессивность как свойство личности в норме и патологии: Дис. ... докт. психол. наук. – СПб., 1996.

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФИНАНСОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ.

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности
МГИМО (У) МИД России
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Аннотация. В статье анализируются особенности осуществления финансового контроля со стороны государства. Автор анализирует финансовое законодательство в области финансового контроля, рассматривает точки зрения ученых, выделяет дискуссионные, проблемные вопросы темы, делает конкретные выводы и предложения по совершенствованию института финансового контроля и практики его реализации.

Ключевые слова: финансовый контроль; функции государства; финансовая деятельность.

KONDRAT E.N.

STATE FINANCIAL CONTROL: THE CONCEPT AND ESSENCE

The summary. The peculiarities of financial control by the state are considered in the article. The author analyzes the financial legislation in the area of financial control, examines scientists' points of view, singles out debatable, problematical issues of the subject, makes specific conclusions and proposals for improving the institution of financial control and the practice of its implementation.

Key words: financial control; functions of the state; financial activities.

В словаре С.И. Ожегова выделяются три значения финансового контроля: 1) проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора; 2) система органов контроля; 3) лица, осуществляющие контроль, то есть контролеры [24, стр. 293].

В юридической науке также существуют несколько определений финансового контроля.

Ряд авторов рассматривают финансовый контроль как составную часть государственного контроля, элемент всей системы экономического управления и планирования [3, стр. 116]. «Контроль

за состоянием экономики, развитием социально-экономических процессов в обществе является важной сферой деятельности государства. Одним из важнейших видов контроля в государстве является финансовый контроль» [34, стр. 41].

Е.А. Ровинский, исследуя значение финансового контроля, подчеркивал, что финансовый контроль следует рассматривать в качестве «специального института государственного контроля, основной функцией которого является повседневный контроль над образованием и использованием денежных фондов в обществе. Он характеризуется тем, что имеет специфические формы и методы проверки законности действий предприятий, организаций и учреждений в процессе осуществления ими хозяйственной и финансовой деятельности, присущ всем видам контроля и основывается на принципах, общих для всех финансово-правовых институтов» [33, стр. 55].

И.В. Мартынов отмечал, что финансовый контроль обусловлен наличием товарно-денежных отношений и действием закона стоимости [5, стр. 37].

Профессор Н.И. Химичева полагает, что основное содержание финансового контроля в отношениях, регулируемых финансовым правом, заключается в:

- проверке выполнения гражданами и организациями финансовых обязательств перед государством и органами местного самоуправления;
- проверке правильности использования государственными и муниципальными предприятиями, учреждениями и организациями, находящимися в их хозяйственном ведении или оперативном управлении, денежных ресурсов (бюджетных и собственных средств, банковских ссуд, внебюджетных и других средств);
- проверке соблюдения правил совершения финансовых операций, расчетов и хранения денежных средств предприятиями, организациями и учреждениями;
- выявлении внутренних резервов возможностей повышения рентабельности хозяйства, более экономного и эффективного использования материальных и денежных средств;
- устранении и предупреждении нарушений финансовой дисциплины [35, стр. 35-36].

В обобщенном виде теоретическое

определение финансового контроля в научной литературе формулируется следующим образом: это регламентированная нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных хозяйствующих субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования [34, стр. 41].

Финансовый контроль обычно рассматривают в двух аспектах: как 1) строго регламентированную деятельность специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов; 2) неотъемлемый элемент управления финансами и денежными потоками на макро- и микроуровне с целью обеспечения целесообразности и эффективности финансовых операций.

Оба аспекта контроля взаимосвязаны, различаются целями, методами и субъектами его осуществления [8, стр. 16].

Финансовый контроль охватывает комплекс тех хозяйственных отношений, от которых зависят размеры фондов денежных средств и эффективность их использования. Финансовый контроль можно определить как регламентированную нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных и иных хозяйствующих субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты исполнения обязательств перед государственным бюджетом, операций по использованию централизованных и децентрализованных денежных фондов [9, стр. 19].

Характерными чертами финансового контроля являются:

- осуществление в сфере отношений, складывающихся при образовании, распределении и использовании денежных фондов государства и органов местного самоуправления;
- реализация посредством деятельности государственных или иных органов, наделенных законом соответствующими контрольными полномочиями;
- осуществление в целях обеспечения законности, охраны собственности

правильного, эффективного и экономного использования бюджетных средств, обнаружения нарушений финансовой дисциплины, выявления резервов ее повышения, увеличения доходных поступлений в бюджет [22, стр. 10].

Е.Ю. Грачева, Л.Я. Хорина для характеристики финансового контроля используют такое понятие, как система финансового контроля и включают в нее следующие элементы:

- 1) субъект контроля (кто контролирует);
- 2) объект контроля (кого контролируют);
- 3) предмет контроля (что контролируют);
- 4) принципы контроля;
- 5) метод (методика) контроля;
- 6) техника и технология контроля;
- 7) принятие решения по результатам контроля;
- 8) оценка эффективности контроля.

Перечисленные элементы системы контроля составляют в совокупности механизм финансового контроля, который должен регламентироваться нормативными юридическими актами, которые в совокупности образуют финансовое (бюджетное) право [10, стр. 34].

Особого внимания заслуживает анализ функций финансового контроля. Понятие функции введено в научный оборот Г.В. Лейбницием еще на рубеже XVII – XVIII вв. Первоначально, да и сегодня, оно употребляется прежде всего в математике и выражает зависимость одной переменной величины от другой, то есть ту зависимость, когда при изменении одной величины другая величина также изменяется определенным образом.

Трудно точно определить, когда произошла социологизация и юридизация данного понятия, очевидно, это предмет специального исследования. Например, в энциклопедическом словаре [39] понятие функции раскрывается только как математическое. Но уже в середине XIX в. некоторые ученые упоминают о функциях в социологическом аспекте, а в начале XX в. – и в государственно-юридическом [26, стр. 54].

В начале XX века эта категория рассматривалась в работах Л. Дюги, Н.М. Коркунова, Л.Б. Петражицкого, К. Реннера [14, стр. 19] и некоторых других авторов. Но особенно активно данная область в юридической науке начала исследоваться в 60-80-е гг. XX в. и остается предметом научного поиска и дискуссий до настоящего времени [1, стр. 43].

Следует заметить, что в литературе имеют

место значительные расхождения в подходах к определению понятия функции государства. И дело тут не только и не столько в том, что за основу некоторых теоретических изысканий брали смысловой перевод латинского слова «*function*», игнорируя при этом его методологическую, философскую трактовку.

Скорее, разнообразие определений понятия функции государства в значительной мере объясняется расширением и углублением методологической базы теории государства на основе все большего использования частных методов исследования [4, стр. 29]. В результате чего многие авторы его видят по-своему. Так, И.С. Самошенко видит в нем только «социальное назначение государства внутри и вне страны». Л.А. Морозова усматривает в этом понятии «не только основные направления деятельности государства, но и механизм государственного воздействия на общественные процессы». Л.И. Каск, Л.В. Николаева определяют их как «конечные цели государства, которые остаются неизменными на всем протяжении существования государства или, во всяком случае, на протяжении существования определенного исторического типа» [18, стр. 11].

С такой позицией сложно согласиться, так как на каждом этапе развития государства меняются его цели и задачи, в связи с чем, изменяются и дополняются функции, выполняемые его органами.

М.М. Меркулов понимает под функциями государства «направления деятельности, без реализации которых существование государства невозможно». По его мнению, предложенный подход позволяет как минимизировать степень оценочности категории (исключая дробление на основные и неосновные), так и установить более тесную связь понятия с практической деятельностью государства» [21, стр. 10].

На рубеже 60-70-х гг. XX в. под функцией понимался «способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит» [6, стр. 418]. На этом основании Л.И. Каск писал: «Функция какого-либо объекта – это внешнее проявление его свойств, способов его поведения в определенной системе отношений» [18]. А в конце 80-х гг. можно встретить иную трактовку этого понятия: «Функция – это отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них сопутствует изменение

другого. Функция может рассматриваться с точки зрения последствий (благоприятных, неблагоприятных – дисфункциональных или нейтральных – афункциональных), вызываемых изменением одного параметра в других параметрах объекта (функциональность), или с точки зрения взаимосвязи отдельных частей в рамках некоторого целого (функционирование)» [32, стр. 718]. В первом, более раннем, определении акцент делается на внешнем проявлении свойств объекта, «способе» его поведения, во втором, более позднем, – на «отношении» между объектами, то есть акцентируется сущностная сторона функции.

В.А. Владимиров утверждал, что сложившееся состояние разработки проблемы, «разнообразие мнений» в определении понятия функции государства «прежде всего объясняется тем, что многие авторы не различают сущность функции и ее явление. Причем во всех случаях сущность любой функции остается единой. Тогда как ее явления обнаруживаются все больше по мере развития общества, государства и науки». По его мнению, «на сущностном уровне любые функции могут быть отношениями и ничем иным» [6, стр. 41].

В зарубежной правовой науке вопрос о функциях государства не рассматривается в триаде государственно-правовых категорий: сущность, формы, функции. Так, Г. Еллинек, определяя функции государства, различает «материальные» функции как «основные направления государственной деятельности» и «формальные», то есть «функции определенных групп органов». Первые и рассматриваются им как функции государства, которые «обусловливаются... тем, что деятельность государства направлена на достижение его целей». С этой точки зрения функции государства – это средства достижения определенных целей государства. При этом Г. Еллинек стремился отделить функции государства от содержания его деятельности и свести их только к внешним и формальным проявлениям власти. Он считал, что «конкретное содержание деятельности государства всегда может быть определено только эмпирически, и притом только для отдельного государства в данный момент его существования» [15, стр. 173]. Поэтому, по его мнению, «безусловно, ненаучны все попытки дать исчерпывающее представление о государственной власти путем простого перечисления ее функций по их содержанию» [15,

стр. 449].

В отечественных и зарубежных академических источниках существуют различные варианты определения функций государства. Например, еще в 60-е годы двадцатого века в рамках отечественной юридической науки получило довольно широкое распространение представление о функциях государства как о предметно-политической характеристике содержания его деятельности [13, стр. 8-11].

Не всеми авторами такое представление о функциях тогда разделялось, но, тем не менее, в модернизированном виде оно в значительной мере сохранилось и по сей день. В подтверждение сказанного можно сослаться на определение понятия «функция государства», в соответствии с которым им охватываются предмет и содержание деятельности государства, а также способы и средства ее обеспечения [28, стр. 40].

Одно из наиболее распространенных определений функциям государства дает В.Н. Хропанюк. Функции государства – это основные направления его деятельности, в которых выражается сущность и социальное назначение государственного управления обществом [31, стр. 156].

Н.И. Матузов и А.В. Малько еще более лаконично определяют функции государства как основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним задач [20, стр. 56]. Именно в функциях государства, как утверждают эти авторы, проявляется сущность конкретного государства, его природа и социальное назначение.

Более развернутое определение функциям государства дает С.С. Алексеев [29, стр. 146]. Функции государства – это основные направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и присущими ему методами.

Внимательно проанализировав различные подходы исследователей к понятию «функция государства», авторы трехтомного учебника по теории государства и права, изданного в Санкт-Петербурге, справедливо замечают, что все они, несмотря на различия, имеют в большинстве своем и принципиально общее, позволяющее выделить некоторые характерные черты, которые в совокупности составляют некий инвариант.

1. Функции государства выражают и предметно конкретизируют социальную и

политико-правовую сущность государства.

2. В функциях воплощается и раскрывается роль государства в качестве субъекта политико-правовой системы, реализуется разносторонняя практическая государственная деятельность внутри страны и на международной арене.

3. Функции государства охватывают его деятельность в целом. Общеобязательный характер функции государства закрепляется в понятии государственного суверенитета, исходящего из прерогативы государственной власти перед всеми остальными видами власти.

4. Функции государства носят комплексный, собирательный характер. На их содержание и характер реализации оказывают существенное влияние особенности и закономерности исторического развития, динамика социально-экономических, политических и духовных преобразований в жизни общества.

Учитывая приведенные выше признаки, пытцы предлагают следующие определение: «Функции государства – это направления государственной деятельности, в которых наиболее отчетливо проявляются социальная сущность государства на определенном этапе его исторического и социально-политического развития» [30, стр. 111]. Во всех государствах в зависимости от специфики их устройства сложились свои системы финансового контроля. Тем не менее, организация и деятельность контрольно-ревизионных сетей в зарубежных странах, так или иначе, базируется на общих принципах, выраженных многолетним международным опытом. Так, например, осуществление любой крупной программы обязательно включает в себя подсистемы контроля [10, стр. 36].

Е.Ю. Грачева выделяет следующие функции финансового контроля:

- Определение состояния учета использования материальных ценностей и денежных средств.
- Выявление характера совершенного правонарушения (недостача, растрата и др.) и лиц виновных в его совершении.
- Установление основных причин и условий, способствующих правонарушениям.
- Определение мер по совершенствованию учета использования материальных ценностей и устранению причин, способствующих злоупотреблениям.

- Решение вопроса о привлечении виновных к юридической ответственности [11, стр. 131].

Развертывая и конкретизируя эти функции в своем курсе лекций по правовому регулированию бюджетного контроля, Е.Ю. Грачева и Л.Я. Хорина обращают внимание на то, что как фактор, обеспечивающий нормальное действие социальной системы, контрольная деятельность использует правовые средства воздействия на общественные отношения через функции: выявление отклонения, анализ причин отклонения, коррекция деятельности объекта контроля, превенция и правоохрана.

Выявление отклонений включает в себя широкий спектр деятельности. Это – установление отклонений в исполнении законов в части использования средств государственного бюджета; отклонения в формировании доходной части и использовании расходной части бюджета; отклонения в сфере финансовой деятельности министерств, ведомств, предприятий и организаций.

Анализ причин отклонений. Эта функция предполагает исследование фактов, определивших то или иное отклонение, установление персоналий, ответственных за отклонение. Выявляя отклонения и их причины, работники контроля определяют пути преодоления отклонений, устранения препятствий для оптимального функционирования системы.

Функция коррекции заключается в разработке предложений по устранению выявленных отклонений в процессе формирования и исполнения бюджета, а также процессе финансово-хозяйственной деятельности предприятий и организаций. В большей степени она проявляется в контрольной деятельности органов государственного управления [10, стр. 38].

Авторы курса лекций считают, что контрольная деятельность является составной частью управляющего блока механизма правореализации. Она вклинивается в правореализационные процессы с целью обеспечения их точности, соответствия требованиям законности и служит важным организационно-юридическим способом управления процессами применения права [23, стр. 193; стр. 7, стр. 18-19; 25, стр. 108-112].

Контрольная деятельность играет роль своеобразного барьера, направляющего процесс исполнения управлеченческих решений по идеальному, конструктивному, технологическому каналу, чем и определяется активная организующая роль контроля. В этом смысле

сущность контроля состоит в выявлении соответствия деятельности тех или иных органов и лиц поставленным перед ними задачам, результатам воздействия субъектов управления на управляемые объекты, отклонений от поставленных целей и способов их достижения, а также их причин, чтобы создавать предпосылки для глубокого знания и корректировки процессов управления.

Важной предпосылкой развития и основой укрепления эффективности контрольной деятельности является профилактическая работа для предупреждения правонарушений. Цель профилактики – выявление причин и условий совершения правонарушений и их последующее устранение с целью недопущения новых противоправных действий, снижения их уровня в обществе. Эта функция определяется Е.Ю. Грачевой и Л.Я. Хориной **как функция превенции** [10, стр. 34].

При всем многообразии субъектов контрольной деятельности они все в определенной степени проводят профилактические мероприятия. Цели превенции достигаются: а) в процессе осуществления контрольной деятельности при выявлении правонарушений и виновных лиц; б) при реализации правовых актов, принятых по результатам контроля, в которых сформулированы рекомендации по устранению условий, способствующих правонарушениям; в) при проведении контрольными органами конкретных профилактических мер.

Особое место в системе мер профилактики занимают правовые акты контрольных органов. Сам факт вынесения обоснованного и законного постановления по делу имеет важное превентивное значение, причем не только для лица, признанного виновным, но и для всех лиц, прямо или косвенно вовлеченных в процесс контроля. Существует целый ряд специальных правовых актов профилактического характера, выносимых субъектами контроля [10, стр. 34].

Первостепенное значение в деятельности контрольных органов имеет конкретная профилактическая работа: обобщение результатов проверок, выявление и изучение причин тех или иных недостатков и нарушений, условий, которые их вызвали, разработка и проведение в жизнь превентивных мероприятий организационного и воспитательного характера [27, стр. 65], дача рекомендаций и обязательных указаний органам

управления по принятию соответствующих мер.

По мнению Е.Ю. Грачевой и Л.Я. Хориной профилактика является наиболее перспективным видом контрольной деятельности, основное назначение которой – предупредить возможные правонарушения, определить меры по устранению условий, способствующих совершению правонарушений, а в случае обнаружения неправомерного поведения привести в действие соответствующие правоохранительные средства.

Контрольная деятельность органов государства является в значительной мере правоохранительной, хотя и не сводится только к ней. Как средство обеспечения законности эта функция направлена на пресечение неправомерных действий должностных лиц и граждан, виновных в недостатках и нарушениях, и связана с привлечением к юридической ответственности, а также применением к этим субъектам мер государственного или общественного воздействия.

По действующему законодательству не все контрольные органы полномочны как самостоятельно привлекать к ответственности виновных лиц, так и ставить перед вышестоящими органами вопрос о привлечении нарушителей к административной ответственности, а перед судебно-следственными – о привлечении к уголовной ответственности. В этой суть еще одной функции финансового контроля – **функции правоохраны** [25, стр. 87].

В нынешних условиях, по мнению В.Ю. Фокиной, существуют факторы, ограничивающие действенность государственного финансового контроля в Российской Федерации. Основные из них заключаются в том, что в настоящее время в России:

- отсутствует четкая и полная нормативно-правовая база и собственно само определение государственного финансового контроля в бюджетном законодательстве;
- организационная структура органов государственного финансового контроля недостаточно отражает специфику государственного устройства Российской Федерации;
- законодательно не определены статус органов государственного финансового контроля Российской Федерации и ее регионов, место и роль каждого субъекта государственного финансового контроля в его целостной системе;

- отсутствует четкое разграничение сфер деятельности, что вызывает многочисленные Коллизии и перекладывание ответственности;
- органы контроля слабо взаимодействуют между собой, присутствует некоторая разобщенность в приоритетах деятельности контрольных органов;
- отсутствуют единая информационная база, единый методологический подход к процессу осуществления контроля [37, стр. 15].

Организация эффективного финансового контроля над государственными бюджетными потоками настоятельно требует решения ряда взаимосвязанных задач по реформированию системы государственного финансового контроля в Российской Федерации.

Во-первых, необходимо принятие единого федерального закона о системе общегосударственного контроля.

Во-вторых, нужно разработать механизм взаимодействия органов государственного финансового контроля законодательной и исполнительной ветвей власти.

Решение указанных задач позволит перевести государственный финансовый контроль на качественно новый уровень, а создание единого поля финансового контроля будет способствовать дальнейшему развитию и повышению результативности деятельности контрольных органов [37, стр. 15].

Сущность контроля, в том числе финансового контроля, состоит в том, что субъект управления осуществляет учет и проверку того, как управляемый объект выполняет его предписания. Основной целью данной функции является предупреждение и пресечение отклонений деятельности субъекта управления от заданной управленческой программы. При обнаружении таких отклонений целью является приведение

управляемой системы в устойчивое положение при помощи всех социальных регуляторов [11, стр. 32].

Международный опыт показывает, что основной целью финансового контроля является такое управление общественными финансовыми средствами, которое обеспечивает прозрачность их использования и обеспечивает ответственность исполнительной власти перед обществом. Контроль при этом является не самоцелью, а неотъемлемой частью системы управления, задачей которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и выявление нарушений установленных принципов законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на ранней стадии, в целях принятия корректирующих мер, а в отдельных случаях – привлечения виновных к ответственности, получения компенсации за причиненный государству ущерб или проведения мероприятий по предотвращению или сокращению нарушений в будущем [1, стр. 95].

Финансовый контроль получил свое широкое развитие в условиях капитализма, тогда проявляются непосредственные субъекты государственного финансового контроля со стороны парламента. Финансовый контроль присутствовал и при социализме, целью которого была проверка соблюдения плановых пропорций в расширенном социалистическом воспроизводстве [1, стр. 95].

Однако особенно возрастает роль финансового контроля на современном этапе развития нашей страны. Реальной угрозой экономической безопасности [38; 16] России стало масштабное нецелевое использование бюджетных средств, незаконный вывоз капитала за границу, противоправные действия в банковской и налоговой сферах, криминализация экономических и иных отношений [17, стр. 3]. Предотвратить эти правонарушения и есть главная задача финансового контроля в современных условиях.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1963.
2. Агапцов С.А. Государственный финансовый контроль и бюджетная политика Российского государства. – М., 2004.
3. Аллахвердян Д.А. Финансы и социалистическое воспроизводство. – М.: Финансы, 1971.
4. Байтин М.И. Государство и политическая власть. – Саратов, 1972.
5. Воронова Л.К., Мартынов И.В. Советское финансовое право. – Киев: Изд. объединение «Вища школа», 1983.
6. Владимиров В.А. Основные функции посткоммунистического государства в области внутренней политики. – Тверь, 1992.

7. Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. – 1998. – №3.
8. Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П., Рыжкова Е.А. Финансовый контроль: Учебное пособие. – М., 2004.
9. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право России: Учебное пособие для вузов. – М., 2003.
10. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2004.
11. Грачева Е.Ю. Финансовое право: схемы с комментариями. – М.: Проспект, 2009.
12. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. – 2003. – № 2.
13. Денисов А.И. Сущность и формы государства. – М., 1960.
14. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права. – М., 1919.
15. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1908.
16. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб., 2002.
17. Карапшина Е.А. Федеральное казначейство в системе государственного финансового контроля Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2007.
18. Каск Л.И., Николаева Л.В. О некоторых вопросах понятия функций государства // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право. Вып. 2. – 1971. – №11.
19. Каск Л.И. Функции и структура государства. – Л., 1969.
20. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2002.
21. Меркулов М.М. Проблемы экологической функции современного российского государства: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
22. Налоговый контроль: вопросы теории / О.А. Ногина. – СПб.: Питер, 2002.
23. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. – М., 1960.
24. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е изд. – М., 1990.
25. Оль П.А. Ценностные ориентиры в правоприменительной деятельности (к вопросу об обеспечении прав и свобод личности) // Правовые аспекты прав и свобод личности / Под ред. Р.А. Ромашова. – СПб., 2009.
26. Паршин А. Что такое государство? Научное исследование природы государства. – СПб., 1907.
27. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
28. Теория государства и права. – М., 1994. Вып. 2.
29. Теория государства и права: Учебник для ВУЗов. – М.: НОРМА, 2002.
30. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х томах. – Т. 1. – СПб., 2010.
31. Хропаник В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для ВУЗов / Под ред. В.Г. Стрекозова. – М.: ИКФ Омега-Л; Интерстиль, 2002.
32. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
33. Финансовое право. – М.: Юридическая литература, 1971.
34. Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатьевой. – М., 2005.
35. Финансовое право: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Б. Быля, О.Н. Горбунова, Е.Ю. Грачева и др. / Отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. – М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2007.
36. Философская энциклопедия. Т. 5. – М., 1970.
37. Фокина В.Ю. Проблемы правового регулирования финансового контроля в Российской Федерации // Юридический мир. – 2006. – № 5.
38. Экономическая безопасность Российской Федерации. В 2-х томах / Под ред. С.В. Степашиной. – СПб., 2001.
39. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб, 1902.

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reyf@yandex.ru

СУЛЕЙМАНОВ Артур Маратович,
старший преподаватель кафедры гражданского
 права Санкт-Петербургского университета
государственной противопожарной службы МЧС
России
E-mail: suleyl23@mail.ru

Специальность 12.00.14 – Административное
право; административный процесс

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

***Аннотация.** Делается подробный анализ порядка взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления в области охраны общественного порядка. Определяются основные этапы исторического развития взаимоотношений органов местного самоуправления России и полиции. Предпринята попытка наметить пути реализации конституционного права органов местного самоуправления на самостоятельное осуществление охраны общественного порядка. Идет речь о возможном проекте Федерального закона «О муниципальных органах правопорядка в Российской Федерации».*

***Ключевые слова:** органы внутренних дел; органы местного самоуправления; охрана общественного порядка; компетенция МВД России.*

**GORBASHEV V.V.
REUF V.M.
SULEYMANOV A.M.**

LOCAL SELF-GOVERNMENT AND MAINTENANCE OF A PUBLIC ORDER

***The summary.** In this article the authors provide a detailed analysis of law enforcement agencies and local self-government bodies in the area of public order maintenance. The main stages in the historical development of mutual relations of Russian local self-government authorities and the police are defined. An attempt is made to outline the ways of implementation of local self-government authorities' constitutional right to self-conducted maintenance of public order. It is concerned with a possible draft of the Federal Law "On municipal law enforcement agencies in the Russian Federation".*

***Key words:** law enforcement agencies; local self-government bodies; maintenance of public order; competence of the Ministry of Internal Affairs of Russia.*

Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя в Российской Федерации. В настоящее время оно организационно оформлено и действует во всех субъектах Российской Федерации. Местное самоуправление - это власть, «до которой каждый может дотянуться рукой», другими словами, она является наиболее близкой и доступной народу. Хотя органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и призваны решать вопросы местного значения, но на них также возложен ряд государственно-важных задач, таких как: обеспечение общественного порядка, охрана здоровья населения, организация, регулирование и контроль над деятельностью образовательных и культурных учреждений, социальная защита населения [7, стр. 34].

Однако есть и множество пробелов в организации его деятельности. Одним из них является практическая реализация органами местного самоуправления охраны общественного порядка [14; 15]. Нет сомнения в том, что полноценное местное самоуправление немыслимо без возможности удовлетворения потребности населения в должном общественном порядке. Однако механизм реализации конституционного права органов местного самоуправления на самостоятельное осуществление охраны общественного порядка в настоящее время не выработан.

Более десяти лет назад в Конституции Российской Федерации было закреплено, что органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка, однако, до сих пор это положение реально не действует.

В то же время в Конституции Российской Федерации говорится, что охрана общественного порядка относится к компетенции Правительства Российской Федерации и осуществляется в настоящее время органами внутренних дел. Поэтому эффективное осуществление организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления немыслимо без тесного взаимодействия с органами внутренних дел.

Попытаемся проанализировать исторический и зарубежный опыт охраны общественного порядка органами местной власти, а также опыт их взаимодействия с органами полиции. Некоторые модели такого взаимодействия могут быть взяты

на вооружение нашим законодателем, конечно с учетом некоторых особенностей российского государства.

С давних времён в России существовали органы местного самоуправления, осуществляющие охрану общественного порядка и подчинённые органам местного самоуправления. Кроме этого, наблюдается тесная связь исторических и региональных особенностей, социально-экономических и политических условий с развитием местного самоуправления и организацией территориального управления, а также разграничением предметов ведения между уровнями власти [1, стр. 43].

Можно выделить пять основных этапов развития взаимоотношений органов местной власти и полицейских органов. Первый – до начала XVIII в. – характерен отсутствием регулярных полицейских органов: их функции исполняются органами управления общей компетенции. В этот период соответствующая деятельность по охране общественного порядка именовалась «благочинием». Второй этап – с первой четверти XVIII в. до февраля 1917 г. – связан с формированием и развитием регулярной полиции, специализированного органа, одной из основных задач которого является охрана общественного порядка. Третий этап – февраль-октябрь 1917 г. – период деятельности Временного правительства. Четвёртый период – октябрь 1917 г. – 1991 г. – период создания и деятельности советской милиции. Пятый период – 1991 г. и до наших дней.

Опыт демократического развития стран, механизм социального управления которых в достаточной степени децентрализован, свидетельствует, что их полицейские системы имеют, как правило, многоуровневое построение. Муниципальная полиция в зарубежных странах создается властями автономных территориальных образований, им подчиняется, содержится за счет местного бюджета, функционирует в пределах четко определенной юрисдикции и выполняет задачи по обслуживанию «своего» населения. Представляя собой один из элементов в организационной структуре национальных полиций, муниципальная полиция в полном объеме решает задачи охраны общественного порядка в муниципалитетах. При этом дублирование полицейских функций различных уровней, как правило, не допускается [5, стр. 19].

Нужны принципиально новые решения,

отвечающие требованиям сегодняшнего дня, соответствующие нашим историческим традициям и передовому зарубежному опыту, способные возвратить обстановку всеобщего неприятия противоправного поведения в его любых видах, мобилизовать граждан на непосредственное участие в охране общественного порядка.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относит к ведению муниципального района и городского округа организацию охраны общественного порядка органами муниципальной милиции.

Указом Президента 3 июня 96-го года №802 предписывается сформировать муниципальные органы охраны общественного порядка вне системы МВД России.

Реализация конституционного права и обязанности органов местного самоуправления на самостоятельное осуществление охраны общественного порядка изначально связаны с некоторой реорганизацией в системе полиции по охране общественного порядка. А если быть точнее, той ее части, которая обеспечивает охрану общественного порядка на муниципальном уровне.

Речь здесь не может идти о механической передаче, поскольку для этого, прежде всего, должен быть прописан правовой статус формируемых муниципальных органов охраны общественного порядка и их служащих.

Кроме этого, необходимо разграничить компетенцию, определить условия и порядок взаимодействия рассматриваемых муниципальных органов с органами внутренних дел, а также решить вопрос их кадрового, материально-технического, финансового и иного обеспечения [7, стр. 54].

Органы внутренних дел в настоящее время являются частью государственных органов власти, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, следовательно, органы местного самоуправления при решении вопросов местного значения (согласно ч. 1 ст. 132 Конституции РФ охрана общественного порядка – относится к вопросам местного значения) органы местного самоуправления действуют самостоятельно и под свою ответственность за счёт средств местного бюджета.

Одно из условий эффективности деятельности полиции является стабильность и благополучие в государстве. Что на сегодняшний момент можно

наблюдать не во всех регионах Российской Федерации.

Более половины регионов страны – доноры, а, следовательно, отнюдь не у всех муниципальных образований имеется достаточно средств для содержания дееспособных подразделений охраны правопорядка.

Целесообразно заметить, что муниципальная полиция, если она будет создана, может стать инструментом решения каких-либо споров в руках местных элит или «личной гвардией» главы муниципального образования. Это вызвано зависимостью данных органов как финансово, так и административно от главы муниципального образования.

Таким образом, взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел по охране общественного порядка, представляет собой осуществляемую в определённых правовых и организационных формах совместную, согласованную по цели, времени и месту деятельность по поддержанию состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности, преимущественно в общественных местах.

Кроме этого, необходимо проанализировать современное состояние участия органов местного самоуправления в охране общественного порядка, его правовые основы. Передача полномочий в этой области должна быть как можно безболезненней для органов местного самоуправления, населения и уж точно не должна отрицательно сказаться на самом общественном порядке. Результаты эксперимента, проводимого в ряде регионов у нас в стране по передаче функции охраны общественного порядка органам местного самоуправления, показали их неготовность в полной мере отвечать за эту функцию. Поэтому, на наш взгляд, полная муниципализация органов охраны правопорядка на современном этапе неприемлема [13, стр. 42].

Муниципальная милиция, прописанная в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями от 19 июня, 12 августа, 28, 29, 30 декабря 2004 г., 18 апреля, 29 июня, 21 июля 2005 г.) должна не заменять полностью органы внутренних дел, а дополнять их, действовать наряду с ними в тесном взаимодействии при чётком

разграничении компетенции.

Данные подразделения должны выполнять функции, связанные с охраной общественного порядка, исходя из особенностей муниципального образования, криминогенной обстановки и потребностей населения. Органы внутренних дел должны осуществлять методическое и координационное обеспечение муниципальных

органов правопорядка.

Таким образом, следует рассмотреть перспективы организации и деятельности муниципальных органов правопорядка в виде примерного проекта Федерального закона «О муниципальных органах правопорядка в Российской Федерации» с аргументацией его положений.

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенеза. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003.
2. Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
3. Барабашев Г.В. О хартиях местного самоуправления в США // Государство и право. – 1994. – №5.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов. – М.: Норма-ИНФРА, 2000.
5. Бойтон Р., Десантис В. Формы местного самоуправления в США: анализ официальных и неофициальных функций мэров, городских управляющих и глав администраций. Серия рефератов. №12. – М., 1996.
6. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов, 1977.
7. Буров А.Н. Местное самоуправление в России: исторические тенденции и современная практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2000.
8. Бялкина Т.М. Законодательство области о местного самоуправления. – Саратов, 1996.
9. Васильев В.И. Местное самоуправление: Учебное и научно-практическое пособие. – М., 1999.
10. Васильев Ф.П. Организация охраны общественного порядка городскими и районными органами внутренних дел. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 1997.
11. Васильчиков А.В. О самоуправлении. Тома 1-2. – СПб., 1872.
12. Великие реформы в России. 1856-1874: Сб. статей / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М., 1992.
13. Веремеенко К.Н. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1-2. – М., 1981.
14. Николаева Л.А., Сальников В.П., Соловьева А.К. Административное судопроизводство: проблемы теории и практики разрешения публично-правовых споров / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
15. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

МУСАЕВ Мурад Алайдинович,
заведующий кафедрой адвокатуры
Государственной классической академии им.
Маймонида,
кандидат юридических наук
E-mail: musaev@inbox.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии Санкт-Петербургского
государственного политехнического университета,
доктор юридических наук
E-mail: nauka123@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная
деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная
деятельность

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты государственной политики России по борьбе с преступностью, начиная с 90-х годов прошлого столетия и до наших дней. Идет речь об использовании экономических, идеологических, духовных и правовых средств. Ссылаясь на официальные статистические данные, авторы показывают успехи и провалы в этой борьбе, вносят предложения с учетом проводимой в стране судебно-правовой реформы, превращением милиции в полицию, существенным изменением действующего законодательства. Высказывается и обосновывается мысль о неудовлетворительном отражении в программах борьбы с преступностью, мер правовой и социальной защиты жертв преступных посягательств. Формулируются рекомендации по привлечению внимания государственных органов к вопросам защиты жертв преступлений, ориентирующие правоприменителей на выполнение задач, сформулированных в международном пакте «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью» (Генеральная Ассамблея ООН, 96-е пленарное заседание, 29 ноября 1985 г.).

Ключевые слова: государственная власть; правовая политика; уголовная политика; уголовно-процессуальная политика; преступность; состояние преступности; правовые формы и средства борьбы с преступностью; профилактика преступлений; жертвы преступлений; защита прав жертв преступлений.

MUSAEV M.A.
TRET'YAKOV I.L.

STATE AUTHORITY AND CRIME IN RUSSIA

The summary. The article considers various aspects of Russian state policy for combating crime beginning from 1990's to the present day. The issue under discussion is the use of economic, ideological, spiritual and legal means. Referring to the official statistical data the authors show the successes and failures in this struggle, make proposals with a glance to the judicial and legal reform carried out in the country, transformation of the militia to the police, substantive changes in applicable legislation. The idea of inadequate reflection of legal and social protection measures for victims of criminal infringements in the crime control and prevention programs is expressed and substantiated. Recommendations for calling attention of state authorities to the issues of crime victims protection are formulated with orienting law enforcement officials to the accomplishment of the objectives contained in the international covenant "Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power" (UN General Assembly, 96th plenary session, November 29, 1985).

Key words: state authority; legal policy; criminal policy; criminal procedural policy; crime; criminal situation; legal forms and means for combating crime; prevention of crimes; victims of crimes; protection of crime victims' rights.

С середины 90-х годов прошлого столетия в связи с угрожающим ростом преступности отдельными отраслями юридической науки все больше внимания уделяется проблемам формирования и реализации государственной политики борьбы с преступностью. Предпринимаются попытки научного осмысливания правовых и социальных средств воздействия на преступность. Речь шла и об определении задач ветвей государственной власти в деле сдерживания, и, в конечном счете, преодоления наиболее опасных преступных проявлений, устранения факторов криминализации общества и государственного аппарата, профилактики преступности и отдельных видов преступлений.

Тема «Основы государственной политики борьбы с преступностью» впервые была включена в исследовательский план НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ в 1995 г. В 1997 – 1998 гг. были проведены научные конференции по этой теме. В последующем стали появляться и весьма интересные публикации. Исследователи писали о состоянии преступности и мерах борьбы с ней в условиях реформ, включая усилия и роль всех трех ветвей власти, а также выработку концептуальных позиций государственной политики в этой сфере. [52; 50; 70; 51; 64; 10; 25; 27; 64; 2; 59; 12; 19; 30; 69; 48; 4; 5; 46; 35; 13; 15; 20; 26; 38; 39; 42; 43; 73; 33]. В то время и государственная власть лихорадочно разрабатывала и принимала федеральные программы борьбы с преступностью, которые не приводили к заметным успехам без их обеспечения в экономическом, организационном и правовом отношениях, без отработанной научной базы.

Долговременными негативными факторами, определявшими рост преступности, были кризисные явления в экономике переходного периода, последствия криминальной приватизации «общенародного достояния» – социалистической собственности, ослабление социального контроля, анемия власти, низкий уровень деятельности правоохранительных органов и пр. Дискриминация коммунистической идеологии привела к крушению многих привычных социальных и духовных ценностей. Необходимо было поднять престиж нравственности, вернуть уважение к труду и веру в социальную справедливость, осудить неправедный образ жизни и кульп обогащения любой ценой. Таким образом, политика борьбы с преступностью предполагает, прежде всего, соответствующее использование экономических, идеологических, духовных средств [56; 23; 24; 28; 74; 9; 8, стр. 124-146; 3, стр. 10-14; 14; 16, стр. 11-13; 41, стр. 94-99; 54, стр. 7-10; 53, стр. 157-163; 57, стр. 19-22; 58, стр. 197-204]. Однако возможности работы в этих направлениях в условиях перехода к рыночным отношениям оказались крайне ограниченными. Более того, нарастающие негативные процессы в сфере экономики влекли разрушительные последствия в общественном сознании. Общество оказалось обреченным на рост правового и нравственного нигилизма [37, стр. 3-6; 45; 49, стр. 10-13; 55, стр. 2-8; 60, стр. 44-47; 67, стр. 52-58; 66; 17; 61, стр. 162-235; . 72; 21; 68, стр. 14-19; 32, стр. 118-124], ибо обострялась проблема физического выживания любой ценой. Процесс деградации затянулся. Те страшные явления общественной жизни, которые мы привыкли относить к «лихим девяностым», в начале нового столетия продолжали обостряться.

Возрастало расслоение общества, концентрировались богатства в руках немногих, и нищало остальное население, продолжали нарастать безработица, алкоголизм, наркомания и пр. Всё это сказывалось и на росте преступности, и на виктимизации населения, и на числе жертв этих процессов. Связь этих процессов очевидна. Для иллюстрации этих связей приведём несколько цифр.

Если в 1990 г. доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода, среди выявленных преступников составляла всего 16,9%, то к 1997 г. она поднялась до 52,4%, в 2008 г. составляла 60,8%, а в 2009 г. – 64,4%. Коэффициент криминальной активности таких лиц ежегодно возрастает: если в 2008 г. составил 622 лица на 100 ООО человек, то в 2009 г. вырос до 642 человек.

Имеют ярко выраженную криминогенность злоупотребление алкоголем и потребление наркотиков в России. Каждое шестое преступление в 2008 г. (13%) из раскрытий было совершено лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения.

Все более общественно опасный характер, приобретают процессы виктимизации несовершеннолетнего населения страны. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении детей в 2009 г., в сравнении с 2008 г., увеличилась на 41,7%, достигнув 105 805, а тяжких и особо тяжких на 33,0% – 23 044; на 21,2% возросло число малолетних, пострадавших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, нарастаёт неблагоприятная динамика роста на 11,0% сексуальных преступлений против несовершеннолетних и малолетних детей [62, стр. 140-141].

Казалось бы, такого рода материалы должны составить исходные основы для формирования государственной политики борьбы с преступностью. Но авторы этих обзоров, кажется, разуверились в возможности влияния государства на базовые факторы бытия. Видимо поэтому в выводах Информационно-аналитического доклада акцент делается на более доступных психологии юриста мерах, связанных с совершенствованием правоохранительной практики, прокурорского надзора, организационно-правовых мер [62, стр. 139-145]. Конечно, есть место и для правовых мер в процессе совершенствования общественных отношений, в деле борьбы с преступностью и, тем более, в защите её жертв.

Проводившаяся судебно-правовая реформа [7; 18; 47] привлекала внимание к повышению значения правовых факторов в борьбе с преступностью. Упование на правовые рычаги как наиболее действенное средство воздействия на общественные отношения и способ преодоления негативных явлений – извечное заблуждение политических стратегов. Но есть в этом и рациональное зерно: закон определяет средства и приоритеты защиты социальных ценностей, права и свободы личности, раскрепощая её, создавая условия для активного самовыражения и деятельности. Работа над обновлением законодательства во второй половине 90-х годов и начале нового столетия позволяла создавать новую правовую систему «с человеческим лицом». Менялось и назначение «священного принципа социалистической законности»: из средства обеспечения интересов государственного монстра он должен был стать средством защиты прав человека.

В числе правовых средств борьбы с преступностью важнейшая роль принадлежит отраслям уголовного и уголовно-исполнительного права. Защита же прав обвиняемого от произвола и защита интересов жертвы преступных посягательств – прерогатива, прежде всего, уголовно-процессуального права. Этими соображениями было предопределено появление теории уголовной политики и политики уголовно-процессуальной как самостоятельных разделов государственной политики борьбы с преступностью [4; 5].

Мы остановимся здесь лишь на некоторых аспектах уголовноправовой политики, имея в виду оценку объективности информации о состоянии преступности, подлинных оснований декриминализации многих составов преступлений, акции по либерализации мер наказания, исключения некоторых из них из УК РФ, правовых основаниях амнистий, явно игнорирующих права жертв преступлений, а также на наиболее общих вопросах и уголовно-процессуальной политики государства.

Давно известно, что объективная информация о состоянии того или иного общественно значимого процесса является необходимой предпосылкой для успеха воздействия на него с целью получения желательного результата. Для формирования действенной уголовной политики необходимо знание характера и реальных масштабов преступности в стране. Выше уже отмечались

недостатки ведомственной статистики преступности, обращалось внимание на исследования научных коллективов о том, что масштабы реальной преступности в семь раз превышают её зарегистрированную часть. Состояние статистики преступности, предлагаемой МВД РФ, давно не вызывает доверия. Криминологическая наука ищет способы корректировки её показателей путем отправления от цифр наиболее тяжких преступлений (убийств, в частности), труднее поддающихся фальсификации, но и этот способ оказался ненадежным. Количество убийств можно маскировать статистикой пропавших без вести, или отнести в число преступлений, причинивших тяжкие телесные повреждения, если жертва скончалась не в день нападения. В 2009 г. было зарегистрировано 27 642 умышленных убийств. А всего по установлению личности граждан по неопознанным трупам находилось на учете 111 577 человек... «В этих цифрах скрывается большая доля умышленно убитых, но они не попали в статистику убийств, а их близким не было оказано необходимой правовой помощи» [34, стр. 47-48].

Возможны и иные, более хитроумные манипуляции, чаще всего связанные с недостатками регистрации сигналов о преступлениях. Просматривая статистику МВД РФ за ряд лет, можно заметить её существенные колебания с заменой руководителя ведомства. С приходом нового министра отмечается заметный скачок преступности, затем она спадает и вновь подскакивает с появлением очередного руководителя. Это наблюдение казалось плодотворным, и для его подтверждения нужно лишь было выстроить соответствующий статистический ряд. Однако выяснилось, что идея не оригинальна, - она уже использована и на цифрах подтверждена. Известный криминолог профессор В.В. Лунеев в одной из недавних публикаций пишет: «Я проанализировал причинные связи между министрами внутренних дел СССР (России) и динамикой преступности за 1966 – 2009 гг. В 1966 – 1982 гг. министром был Н.А. Щелоков. В первый год его службы (1966) учетная преступность возросла на 18,1%, а в 1967 г. она снизилась на 1,9%. За 17 лет его бдения были небольшие колебания и со знаком плюс, и со знаком минус» [34, стр. 42]. Далее автор сообщает, что с приходом В.В. Федорчука (1983 г.) зарегистрированная преступность возросла на

21,7%, с появлением министра В.В. Бакатина рост составил 31,8%, Б.К. Пуго - +15,7% и т. д. Причем, каждый раз после года «царствования» нового министра шло снижение преступности. Причина манипуляций проста: рост преступности выдавался за устранение недостатков регистрации, в которых виновен предшественник, а дальнейшее снижение – результат блистательного руководства преемника. Автор называет это явление статистическим мошенничеством, пронизывающим всю систему отчетности подразделений МВД «по показателям». Р.Г. Нургалиев возглавил ведомство в 2004 г. и число зарегистрированной преступности за этот год возросло на 5%, а за 2005 г. – еще на 27,3%. Затем началось снижение показателей, убеждая в успехах нового руководителя, маскируя факт полного кадрового разложения и завершение процесса сращивания подразделений МВД с криминальными группировками.

В ходе активной подготовки законопроекта о реформировании МВД и превращении милиции в полицию (вот он путь к успеху!) к концу 2010 г. Президент Д.А. Медведев охарактеризовал статистику преступности вполне адекватно: «враньё». После обсуждений проекта Федерального закона «О полиции» таковой был принят (Государственной Думой – 28 января 2011 г., одобрен Советом Федерации – 2 февраля 2011 г.) [1; 29]. Появились некоторые основания надеяться на то, что полиция действительно станет на службу народу, а с искажениями сведений о результатах её работы будет покончено. В Законе содержится глава 10 «О контроле и надзоре за деятельностью полиции». В нём выделены: Государственный контроль за деятельностью полиции, Общественный контроль за деятельностью полиции, Судебный контроль и надзор, Прокурорский надзор. Обилие контролирующих систем и органов впечатляет, хотя многие из них, казалось бы, функционировали и ранее. Привлекает особое внимание статья 50, посвященная организации общественного контроля за деятельностью полиции. В него включены: граждане Российской Федерации, общественные объединения, общественные наблюдательные комиссии и члены этих комиссий, общественные советы, образуемые при федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел, при территориальных органах. Прописаны и полномочия этих

общественных контролирующих органов. Надо полагать, что столь массированный контроль деятельности бывшей МВД, а ныне Полиции РФ, исключит манипуляцию статистикой преступности в угоду ведомству и будущие программы борьбы с преступностью получат доброкачественную информационную базу. Закон «О полиции» начал действовать с 1 марта 2011 г.

Но есть и метод снижения статистики преступности более изысканным способом, например, путем изменения уголовного законодательства. Под флагом либерализации проводится декриминализация составов преступлений, перевод преступлений в административные правонарушения. С учётом этих изменений и мошенническими манипуляциями при 25 млн. реально совершаемых преступлений только 4% преступников несут наказание [34, стр. 43]. Так, создаётся видимость благополучия и очередных государственных побед, необходимых для поддержания высокого рейтинга руководителей.

Разумеется, при фальсифицированной информационной базе, характеризующей состояние преступности, не может формироваться научно обоснованная политика борьбы с преступностью, требующая адекватного правового, организационного и экономического обеспечения.

Многие вопросы уголовной политики были предметом дискуссий при подготовке и прохождении в Государственной Думе проекта Уголовного кодекса РФ. В частности, наиболее активные обсуждения велись по вопросам применения конфискации имущества как меры наказания, о пределах ограничения юридического значения судимости, о допустимости отказа от понятий рецидивиста и особо опасного рецидивиста, об ограничении применения исправительных работ. Серьезные возражения встретили предложения о введении таких мер наказания, которые требовали значительных затрат из бюджета – арест, ограничение свободы, обязательные работы. Новый УК РФ был принят в 1996 г., и многие из этих спорных проблем остались достоянием истории и научных публикаций, упомянутых нами выше.

В последующие годы в УК РФ вносились множество изменений (по некоторым подсчётам – до 900). По инициативе руководителей страны осуществлялась т.н. либерализация многих составов особенной части УК РФ. Стоит эта

задача и теперь. Президент Д.А. Медведев настойчиво высказывается за отказ от ограничения усмотрения судьи при применении меры наказания нижним пределом санкций, о замене мер лишения свободы штрафами по определённым категориям преступлений. В своём Послании Федеральному собранию 2010 г. он заявил: «Сегодня я внесу в Государственную Думу закон, который позволит суду применять дифференцированный подход при назначении наказания. По целому ряду составов преступлений будут исключены нижние пределы санкций. У суда появится возможность более широко применять такие альтернативные меры наказания, как штраф и принудительные работы. Но главное, чтобы в отсутствие нижнего предела уголовной санкции суды не воспринимали верхний предел как единственный ориентир при назначении наказания. Ведь сила суда не в жёсткости, а в неотвратимости и справедливости наказания, а миссия правосудия – не только карать, но и исправлять».

Это заявление Президента имеет прямое отношение к формированию уголовной политики, однако возникают сомнения в обоснованности отдельных высказанных им положений. Обратимся в этой связи к действующему УК РФ. Статья 64 УК предусматривает возможность назначения судом более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Её ч. 1 гласит: «При наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления *наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного*» (выделено нами).

Кроме того, ст. 73 УК РФ позволяет суду применять условное наказание: «Если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение

свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным.

При назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства».

Таким образом, закон и ныне позволяет суду применять дифференцированный подход при назначении наказания. Совпадение предложения об изменении закона с уже реализованной в законодательстве идеей не представляет большой опасности, ибо ситуация может быть скорректирована законодателем. Однако поиски некоего дополнительного смысла в предложении, исходящим от высшего должностного лица государства, вполне могут привести дестабилизации в правоприменении.

Появление у суда возможности более широко применять такие альтернативные меры наказания, как штраф и принудительные работы, автор предложения дополняет сентенцией о том, что «сила суда не в жёсткости, а в неотвратимости и справедливости наказания». Но ведь справедливость - категория субъективная, она по-разному видится подсудимым и его жертвой. И уж если совершенствовать уголовный закон с учетом моральных критериев, следовало бы вспомнить и позицию «другой стороны» - стороны безвинно страдающей, во имя защиты которой изначально формировалось уголовное право.

Далее в Послании развивается мысль о замене тюрьмы штрафом: «Нашей принципиальной задачей остаётся борьба с коррупцией. Считаю, что мы должны самым внимательным образом анализировать исполнение уже принятых решений и двигаться дальше. Опыт показывает, что даже угроза лишения свободы до 12 лет не удерживает взяточников. Представляется, что в ряде случаев экономические меры в виде штрафов могут быть более продуктивны. Поэтому коммерческий подкуп, дача и получение взятки могут наказываться штрафами в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки».

Предлагается усвоить сомнительную мысль о том, что штраф действеннее и страшнее 12-ти лет лишения свободы. Не сомневаемся, что такая уголовная политика очень обрадует

коррупционеров-чиновников, занимающих высокие посты и счета которых, размещенные в зарубежных банках, растут отнюдь не за счёт трудовых доходов.

Заметим также, что ставшие ныне популярными идеи замены по отдельным составам преступлений лишения свободы штрафами скрывают опасность роста социальных напряжений и ущемления интересов потерпевшего. Обвиняемые окажутся разделенными на две категории - богатых и бедных. Первые откупаются от тюрьмы деньгами, вторые обречены на содержание в тюрьмах и исправительных колониях. Потерпевшие, которые вправе рассчитывать на реальное наказание преступника, будут видеть его на свободе, торжествующим и, вполне возможно, угрожающим местью своей жертве. Впрочем, в УПК РФ эта идея давно реализована в виде денежного залога в качестве меры пресечения, альтернативной заключению под стражу или домашнему аресту (ст. 106 УПК РФ). Расслоение общества, как видим, нарастает не только за счет воровства теми, кто подсуетился в эпоху криминальной приватизации. Не выдержал столкновения с действительностью и конституционный принцип равенства всех перед законом и судом.

В публикациях последних лет по вопросам уголовной политики проблемы её либерализации подвергаются серьёзной критике, убедительность которой, на наш взгляд, не вызывает сомнений, если не игнорировать факт всё нарастающей криминализации общества. Авторы книги «Российская уголовная политика: преодоление кризиса» [6, стр. 11] солидаризируются с известным теоретиком либерализма Ф.А. Хайеком, писавшим, что такой принцип либерализма, как терпимость, применим только к тем, кто способен к диалогу, требующему терпения, и не применим к тем, кто к этому не способен [71, стр. 148]. В той же работе авторы солидаризируются с мнением В.В. Лунеева в том, что российский либерализм, отвергающий эффективный социально-правовой контроль, оказался беспомощным в борьбе с преступностью на современном этапе [36, стр. 860-861]: «Диктатура преступности при либеральной борьбе с ней становится не менее опасной, чем диктатура тоталитаризма» [6, стр. 11].

Приведём и еще одно извлечение из работы А.И. Алексеева, В.С. Овчинского и Э.Ф. Побегайло, в полной мере нами разделяемого:

«Многие отмеченные «тушки» были заложены в УК РФ 1996 г. изначально. Кодекс был построен на неолиберальной концепции абсолютного приоритета прав личности, потерпевшей в российских условиях полное банкротство. Под предлогом деполитизации и деидеологизации устоявшихся положений из УК РФ были исключены многие важные и оправдавшие себя институты и нормы. В результате все негативные прогнозы реализовались в Российской действительности» [6, стр. 17].

Соглашаясь с авторами, мы считаем необходимым напомнить и об общественном мнении, настойчиво требующим адекватных тяжести преступности мер наказания, ужесточения наказаний, вплоть до отказа от моратория на смертную казнь за тяжкие преступления – терроризм, умышленные убийства, педофилию и пр. Есть и риторический вопрос, который можно бы адресовать либералам: за чей счёт предлагается уголовно-правовой гуманизм – опять за счет жертв преступлений и налогоплательщиков?

Новшества принятого УК РФ и предложения по гуманизации уголовного законодательства, как видим, не увязываются ни с характером современной российской преступности, ни с вопросами правовой защиты жертв преступлений, условиями возмещения материального и морального вреда потерпевшим. Так, общие начала назначения наказания, формулируемые в новом УК РФ, устанавливают: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи» (ст. 60 УК РФ). Здесь нет упоминания о характере последствий преступления для его жертвы.

Представляется неоправданным исключение из числа наказаний *обязанность осужденного загладить причиненный вред* (ст.ст. 21 и 32 УК РСФСР, действовавшим до конца 1996 г.). Этот вид наказания был исключен в проекте УК, его нет в новом УК РФ. Такое ограничение мер воздействия не отвечает интересам потерпевшего, а также снижению конфликтности в сфере уголовного судопроизводства. Не отвечает оно и рекомендациям международных пактов, ориентированных на защиту жертв преступных

посягательств. Так, «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением» (Токийские правила), принятые 14 декабря 1990 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/110 [63], в числе санкций, не связанных с лишением свободы при вынесении приговоров, признаются допустимыми компенсации жертве и постановления о компенсации (подчеркнуто нами – автор), а также реституционные меры.

Токийские правила содержат свод основных принципов по использованию мер, не связанных с тюремным заключением, а также минимальные гарантии для лиц, к которым применяются альтернативы тюремному заключению, том числе связанные с возмещением вреда, причиненного преступлением. Этот документ рекомендован государствам-членам ООН к применению в национальной политике и практике. УК РФ разрабатывался и принимался ранее токийских правил, но это не мешает внесению в него поправок в духе международных пактов о защите прав человека.

Возникают вопросы к определению в новом УК РФ *акта амнистии*. На основании амнистии лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности (ст. 84 ч. 2). В публикациях отмечается, что в законодательстве об уголовном судопроизводстве нет лица, «совершившего преступление», – есть подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный. Амнистия, как правило, распространяется и на тех, кто еще не осужден, чья вина еще не установлена и не доказана. Скопом прекращаются дела на стадии расследования. Возникает и вопрос о том, кто и как будет защищать интересы жертв преступлений при издании акта амнистии. Кому в этих случаях жертва преступления предъявит иск о возмещении вреда? Между тем, – указывается в одной из публикаций по этому поводу, – существует достаточно простое решение: «амнистию применять только к лицам, которым предъявлено обвинение, которые признают себя виновными и готовы загладить причиненный преступлением ущерб. Только при этих условиях амнистированное лицо не может возражать против иска потерпевшего, прикрываясь презумпцией невиновности» [11, стр. 17-18].

Аналогичные соображения могут быть

отнесены и к статье 85 УК о помиловании.

Принцип справедливости, сформулированный в статье 6 УК РФ, распространен только на применение мер ответственности к обвиняемому: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Остаётся неясным, как этот принцип сочетается с интересами жертвы преступления [40]. Было бы уместно добавить формулу ст. 6 УК указанием на необходимость учитывать при определении наказания и тяжесть последствий преступления для его жертвы.

Уголовно-процессуальная политика [4; 5] государства, как составная часть правовых основ политики борьбы с преступностью, есть обеспечение присущими ему властными средствами развития такого уголовно-процессуального законодательства, которое обеспечивало бы эффективную деятельность соответствующих правоохранительных органов и правосудия, по борьбе с преступностью, гарантируя вместе с тем защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства. Формулируются и обосновываются принципы, которым должна быть подчинена деятельность по реализации уголовно-процессуальной политики борьбы с преступностью (законность, справедливость, неотвратимость ответственности, предупреждение преступлений и пр.), в числе которых выделен и принцип защиты интересов жертв преступлений. Подчеркивается его значение для повышения авторитета государственной власти, обеспечения социальной стабилизации, веры человека в личную безопасность, защищенность его семьи и имущества. Отмечались и недостатки действовавшего УПК РСФСР в части гарантий прав потерпевшего [10, стр. 183-209].

Главной особенностью нового УПК РФ в этой части является его ориентация на гипертрофированное представление о правах человека в ущерб общественным интересам. Принцип публичности в значительной мере уступил гражданско-правовому принципу диспозитивности [31], а под правами личности понимаются в основном права обвиняемого. Последний огражден

сложной системой процессуальных гарантий, за которыми с трудом просматривается жертва преступления, трансформированная в безликую фигуру потерпевшего.

Нельзя сказать, что проблемы жертв преступлений не входили в предмет заботы руководства страны. Так, еще в 1996 г. Постановлением Правительства Российской Федерации в целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1996 – 1997 годы было дано задание правоохранительным ведомствам, а также министерствам юстиции и экономики России разработать в 1996 – 1997 годах «систему мер по обеспечению защиты жертв преступлений, повышению их правового статуса в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Основные принципы отправления правосудия в отношении жертв преступлений и злоупотребления властью», расширению их прав в уголовном судопроизводстве и гарантii возмещения причиненного материального и морального ущерба». Затрагивались в какой то мере эти вопросы и в других официальных актах. Ныне можно констатировать, что некоторое расширение процессуального статуса потерпевшего в новом УПК РФ (2002 г.) имеет место, однако ни гарантii возмещения причиненного материального и морального ущерба, ни правовой помощи потерпевшему на льготных условиях до сих пор не обеспечено.

Отказ от таких принципов процесса, как принцип объективной истины и всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, как и введение особого порядка судебного разбирательства, работает в пользу преступника, но не жертвы. И здесь мы наши оценки принятой процессуальной формы готовы подкрепить мнением широкого круга призванных специалистов.

«Либеральные реформы, вызванные бездумным и безоглядным следованием западным рецептам общественного развития, маниакальным желанием переделать Россию на западный манер, не просто оказались не оправдавшими себя, но – гораздо хуже того – убийственными для всей страны. Либерализм привёл российское общество к гибели. Человеческие, материальные и духовные потери, которые понесла Россия за эти годы, неисчислимы. Они сопоставимы с тем уроном, которые понесла наша страна в результате Великой Отечественной войны» [6, стр. 20-21; 2, стр. 623-

624].

Эти общие соображения о безответственных реформах в России конца XX и начала XXI веков в равной мере относятся и к политике демократизации, и к экономическим реформам рыночного типа, и к уголовной и уголовно-процессуальной политике. Пауперизация населения через криминальную приватизацию и ваучеризацию

госсобственности обеспечили обнищание населения и рост преступности на длительную перспективу. Забота о жертвах преступлений в этой перспективе не просматривается.

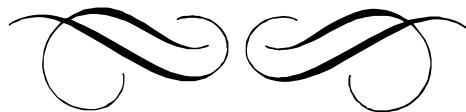
Недостаткам отдельных норм действующего УПК РФ и практики их применения в части защиты жертв преступлений мы посвятим отдельные статьи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011г. №3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №7. – Ст. 900.
2. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
3. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества / Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – №1.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России в условиях реформирования государства: теория и современность. – СПб., 1998.
6. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: НОРМА, 2006.
7. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
8. Антонов М.В., Поляков А.В. Право и правовая культура в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – №2.
9. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
10. Бойков А.Д. Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии // Россия на рубеже тысячелетий. – М., 2000.
11. Бойков А. Д. Защита жертв преступлений в уголовном судопроизводстве РФ // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений. – М., 1998.
12. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
13. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. – М.: Юринформ, 1999.
14. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
15. Велов В.Б. Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия / Под ред. Б.П. Смагоринского. – М.: Право и закон, 1996.
16. Виноградов Н.А., Пиджаков А.Ю. Правосознание и национальная идея // История государства и права. – 2005. – №4.
17. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути перестройки // Сов. юстиция. – 1990. – №9.
18. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
19. Горшенков Г.Н., Костыря Е.А., Лукичев О.В. и др. Криминология и профилактика преступлений / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
20. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юрид. литература, 1990.
21. Демидов А.И. Политический радикализм как источник правового нигилизма // Государство и право. – 1992. – №4.
22. Добреньков В.И. Россия на краю бездны... Нас убивают: документы, статьи, письма. – М., 2004.
23. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998.
24. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России. – СПб., 1999.
25. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. – СПб., 2000.
26. Иванов И.И. Предупреждение преступлений (комплексное политico-правовое исследование). – СПб., 2005.

27. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность // Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1997.
28. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб., 2002.
29. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / Под ред. В.М. Чибинева. – СПб., 2011.
30. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
31. Кузбагаров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. – СПб., 2010.
32. Ломовский В.Д. Правовой нигилизм и его преодоление в сфере прокурорского надзора за исполнением законов // Государственно-правовые проблемы обеспечения и защиты прав граждан. – Тверь, 1992.
33. Лунеев В.В. Преступность ХХ века: Мировой криминологический анализ. – М., 1997.
34. Лунеев В.В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. - 2010. – №3 (17).
35. Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. – 2001. – №5.
36. Лунеева В.В. Преступность ХХ века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. – М., 2005.
37. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. – 1994. – №2.
38. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. А.В. Федорова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
39. Моторный И.Д. Современный терроризм и оценка диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов. – М., 2004.
40. Мусаев М. Правовая и социальная защита жертв преступности в России. – М.: Человек, 2011.
41. Низовцев В.В. Правовая культура в контексте политического отчуждения // Право и образование. – 2008. – №8.
42. Овчинский В.С. ХХI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
43. Овчинский В.С. Криминология и биотехнология. – М: Норма, 2005.
44. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Инфра-М, 1996.
45. Пигалев А.И. Философский нигилизм и кризис культур. – Саратов, 1991.
46. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
47. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
48. Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
49. Попов В.В. Некоторые формы проявления правового нигилизма и пути его преодоления // Юрист. – 2002. – №1.
50. Преступность и законодательство. – М., 1997.
51. Преступность и реформы в России. – М., 1998.
52. Преступность: стратегия борьбы. – М, 1997.
53. Ромашов Р.А. Правовые культуры современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – №8.
54. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
55. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.
56. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
57. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – №4(8).
58. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: Формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – №1.
59. Собольников В.В. Проблемы предупреждения миграционной преступности. – Новосибирск, 2006.
60. Соловьев А.Ю. Правовой нигилизм и правовой идеализм в молодежной среде // Человек в социальном мире. – 2000. – №3-4.
61. Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. Философский альманах. – М.: Политическая литература, 1990.
62. Состояние законности и правопорядка в РФ и работа органов прокуратуры. 2009 г. Информационно-аналитический

- доклад. Часть III. –М., 2010.
63. Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательская группа Норма – Инфра-М, 1998.
64. Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлёв М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью. Теоретическая модель. – М., 1998.
65. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации: государственно-правовой механизм противодействия ее проявлениям / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2011.
66. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. – 1989. – №10.
67. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – №8.
68. Туманов В.А. Юридический нигилизм // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
69. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
70. Уголовная политика России – прошлое, настоящее и будущее: Сборник информационных материалов Общественного центра содействия реформе уголовно правосудия. Вып. I. – М., 1997.
71. Хайска Ф.А. Познание, конкуренция, свобода. – СПб., 2003.
72. Шейфер С.А. Преодоление правового нигилизма – условие укрепления законности в уголовном судопроизводстве // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства. – М.: ИГПАН СССР, 1990.
73. Щерба С.П., Приданов С.А. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М.: Юрлитинформ, 2002.
74. Экономическая безопасность Российской Федерации. В 2-х томах / Под ред. С.В. Степашина. – СПб., 2001.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры организации деятельности
полиции Санкт-Петербургского университета МВД
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
начальник кафедры государственно-правовых
дисциплин Академии экономической безопасности
МВД России,
доктор юридических наук,
E-mail: salnikoff11@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

КОРПОРАТИВНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ПОЛИЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ (АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. Обосновывается необходимость тщательного исследования корпоративных традиций полиции. Рассматриваются мировоззренческо-методологические причины, социально-политические и нравственно-психологические аспекты такого подхода.

По мнению авторов, традиции выступают органической составной частью мировоззрения и методологии, основой поведения и деятельности человека и всех социальных общностей. Традиции полиции являются составной частью государственных и национально-культурных традиций России, они находятся в органической связи с общественной моралью, нравственностью, социальной психологией российского общества.

В статье даются авторские определения традиций, традиций полиции, характеризуются отличия традиций полиции от трудовых и иных общих традиций. Исследуется социальная роль традиций полиции, их место в системе государственности. Не обошли авторы и вопрос о противоречиях в формировании современных традиций полиции. Они предлагают свой путь разрешения имеющихся противоречий.

Ключевые слова: традиции; традиционализм; полиция; государственная идеология; корпоративные интересы; государство; политика; законные права; свободы и интересы личности; общественная безопасность; правовой порядок; социальные противоречия; история; культура; правовая культура; общественное сознание; социальная психология и идеология общества и государства.

ALIEV Ya.L.
SAL'NIKOV S.P.

CORPORATE TRADITIONALISM OF THE POLICE: THE PAST AND THE PRESENT (RELEVANCE OF THE ISSUE)

The summary. The article justifies the necessity of careful research of corporate traditions of the police. The world-view and methodological reasons, social-and-political and moral-psychological aspects of this approach are under consideration.

In the authors' opinion traditions are an organic constituent part of the world outlook and methodology, the basis of behavior and activities of the individual and all social communities. The

police traditions are a constituent part of the state and national-and-cultural traditions of Russia, they are integrally connected to the public morality, virtue, social psychology of the Russian society.

The article gives the authors' definitions of traditions, the police traditions, the difference of the police traditions from labor and other common traditions is characterized. The social role of the police traditions, their place in the statehood system is researched. Moreover the authors do not omit the issue of contradictions in the formation of the modern traditions of the police. They offer way to resolve the existing contradictions.

Key words: traditions; traditionalism; police; state ideology; corporate interests; the state; policy; legal rights; freedoms and interests of the individual; social security; legal order; social contradictions; history; culture; legal culture; social consciousness; social psychology and ideology of the society and state.

Научное исследование корпоративного традиционализма полиции представляется **существенным и необходимым** в силу ряда факторов. В первую очередь это важно *по мировоззренчески-методологическим* причинам. Традиционализм, традиции – существенный элемент социальной психологии, идеологии, в том числе и государственной [72; 87; 90], составляющих содержательную основу любого мировоззрения. Мировоззрение является решающим фактором, определяющим индивидуальное и общественное сознание каждого человека и всех социальных общин. И в силу этого оно является основой их поведения и деятельности [10; 17; 34; 36; 37; 38; 44; 45; 46, стр. 50-53; 47; 58; 59; 85; 91].

Мировоззрение является основополагающим элементом любой методологии, поскольку методология предполагает, прежде всего, применение принципов мировоззрения к процессу познания и социальной практики. Традиции являются органической составной частью и мировоззрения, и методологии.

Традиционализм и традиции выражают связь и преемственность разных поколений, эпох, прошлого и настоящего. Они охватывают лучшие мировоззренческие и познавательные модели сознания и социальной практики. Составляют духовный и предметно-деятельный стержень культуры любого индивида, в том числе и правовой культуры [2, стр. 10-14; 3, стр. 37-39; 8, стр. 124-146; 11; 14; 18; 26; 41, стр. 50-55; 46, стр. 50-53; 53, стр. 23-31; 62, стр. 157-163; 63, стр. 7-10; 66, стр. 2-8; 68; 69; 70; 75, стр. 19-22; 77, стр. 108-113; 80, стр. 73-80; 81, стр. 197-204; 83, стр. 27-30; 88, стр. 15-30; 92, стр. 122-124.], любой социальной

общности, социального слоя и данной социальной системы. Вне традиций не может быть стабильности, прочности и развития человека, человечества, социального образования.

Социально-политический аспект актуальности научного исследования традиций полиции характеризует социально-политическую и государственно-правовую сущность этих традиций, их связь, обусловленность и зависимость от социально-экономических и политических основ общественного строя, политической и правовой систем, исторического типа государства, его политики [4; 9; 12; 13; 16; 39; 40; 42; 54; 55; 60; 61; 64; 65; 71; 73; 79; 82; 84; 86; 93; 96, стр. 3-9; 98.].

Социальная роль традиций полиции обусловлена сущностью органов внутренних дел (ОВД) как одного из основополагающих элементов российской государственности, существенного органа государственного механизма, обеспечивающего суверенитет, целостность, стабильность, независимость государства и гарантирующего законные права, свободы и интересы личности, надежно защищающего общественную безопасность и общественный порядок [1; 43].

Традиции ОВД являются составной частью государственных и национально-культурных традиций России как единого и одновременно множественного государственно-национального образования. В своем происхождении, формировании и развитии, а также в формах проявления и реализации в общественном сознании и социальной практике народов России они вбирают в себя все элементы и аспекты как их духовного мира и социальной практики, так и всю гамму социально-политических норм, правил и

государственно-правовых установлений. В них отражаются все социальные противоречия, характеризующие эти нормы, правила и установления [19; 26; 31; 58; 98].

Для современной России характерны острые социальные противоречия. Сложной является проблема отношений между обществом и государством, гражданином и государством, органами государства, полицией и гражданами.

В известной мере можно говорить и о кризисе национально-государственных традиций России. Этот кризис состоит в том, что, во-первых, глобализация в ее проамериканской тенденции прямо направлена на разрушение национально-государственных традиций России и, прежде всего, ее ведущей традиции – державности. Во-вторых, кризисные процессы, обусловленные коренной сменой общественного строя, всей системы общественных отношений в России, в значительной мере означают и тенденцию разрушения прежних государственно-политических и правовых традиций. Забываются и лучшие традиции органов внутренних дел дореволюционной России [20; 24; 28; 29; 30; 32; 33; 48; 49; 50; 51; 52; 57]. Национально-государственные традиции России подменяются их зарубежными моделями.

Ломка национально-государственных традиций неизбежно оборачивается утратой связи полиции с народом, падением ее авторитета, скачкообразным ростом преступности и антисоциальных проявлений.

Причины резкого увеличения преступности обусловлены самой сущностью переходного периода развития России. Нельзя не принимать во внимание и ломку политico-государственных традиций, в своей основе направленных на предупреждение преступности, укрепление связи государства с народом, на реальную защиту законных прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Важным фактором актуальности темы научного исследования является ее *нравственно-психологический аспект*, состоящий в органической связи традиций полиции с общественной моралью, нравственностью, социальной психологией российского общества, со всеми его духовными состояниями и процессами. Кризис российской духовности характеризуется обострением противоречий в общественном сознании, деградацией социальных ценностей и

идеалов, снижением социальной роли идеологии, разгулом аморализма. Идеология более не является цементирующей основой духовной жизни.

Традиционализм полиции, будучи органической частью национальных традиций России, составляет непосредственный элемент социальной психологии, морали и идеологии. И, как таковой, он является духовным и предметно-чувственным стержнем общей и профессиональной, особенно правовой культуры самого важного достояния органов ОВД – их личного состава. Традиционные модели и стереотипы сознания, поведения и деятельности сотрудников ОВД предопределяют сущность, состояние, социальную направленность и эффективность их повседневного поведения и деятельности. Они отражают закономерности функционирования и развития общественного сознания на всех его уровнях, видах и формах.

Все структурные элементы общественного сознания являются определяющими факторами организаций, функционирования и деятельности полиции. Они оказывают решающее воздействие на подготовку и профессиональную пригодность и эффективность этих органов, на теорию и практику их организационной структуры и развития.

Фактором, определяющим актуальность темы исследования, является также *состояние ее научной разработанности*. Здесь мы можем отметить следующее.

Во-первых, необходимо создание общей методологии и теории формирования, функционирования и развития традиций, определение их места и социальной роли в развитии социальной теории и социальной практики. Ключевое значение по этим вопросам имеют работы основоположников диалектико-материалистического и субъективно-идеалистического понимания истории.

Во-вторых, необходимо исследование важных моментов и сторон сущности, процесса формирования, функционирования и развития традиций. Вместе взятые они составляют общее учение о традициях, их отдельных видах. Этому посвящены многие работы очень известных исследователей, в том числе и применительно к органам внутренних дел [7; 15; 21; 22; 23; 25; 27; 35; 56; 67; 74; 76; 78; 89; 95].

Однако научных исследований традиционализма и традиций полиции в их системном монографическом виде почти нет, за исключением, пожалуй, одной диссертации и

монографии [5; 6]. Вне поля зрения ученых долгие годы оставались такие вопросы, как сущность, источники, место в системе государственности, формирование традиций вообще и традиционализма полиции в частности, их связь с политикой и идеологией государства, с правом, их социальные функции.

Объектом исследования здесь выступают нравственно-этические, правовые нормы и правила, а также правоотношения в сфере возникновения, формирования, функционирования и развития традиций полиции как составной части национально-государственных традиций России и государственно-правовых традиций мирового сообщества.

Предмет исследования составляют проблемы, характеризующие традиции полиции, их социальную роль в развитии государственности и укреплении законности, основные проблемы и тенденции их формирования в современных условиях России.

Несмотря на то, что объект и предмет исследования преимущественно анализируют традиции ОВД России, по своему характеру, содержанию, источникам и результатам в своих принципиальных положениях они характеризуют *полицейские традиции любого государства*.

Цель исследования состоит в системном теоретико-правовом и историко-правовом анализе традиционализма и традиций ОВД современной России как фактора развития и укрепления государственности и законности; в выявлении на этой основе противоречий в функционировании и формировании этих традиций и в разработке возможных путей их разрешения. Для достижения цели исследования можно поставить следующие задачи:

- определить понятие традиций и традиционализма полиции, их государственно-правовую сущность, место в системе российской государственности и особенности;
- показать связь и преемственность традиций полиции с историей государственности, основные закономерности и тенденции их возникновения, становления и развития; роль политики, права и государственно-правовых институтов в их формировании и их связь с международной правоохранительной деятельностью;
- обосновать социальную роль этих традиций

в развитии государственности и укреплении законности посредством характеристики традиции как духовной ценности и источника мощи государства;

- раскрыть кумулятивную, прогностическую, предметно-деятельную и организующую роль традиций в развитии ОВД, подготовке кадров и развитии юридической науки;
- выявить основные противоречия в формировании современных традиций ОВД РФ и разработать предложения по их разрешению;
- доказать, что демократизация и укрепление связи с народом есть определяющая традиция в развитии и полиции, и ОВД России в целом.

Методологической основой исследования являются диалектико-материалистический, общенаучные и некоторые прикладные методы познания социально-политических и правовых явлений. Принципы связи, развития историзма, внутренней противоречивости понятий и социальных явлений, их предметности и конкретности, единства и противоречивости общего, особенного и единичного в социально-правовых понятиях и формах их проявления являются определяющими в исследовании. Необходимо широко использовать логический, исторический, системный, сравнительно-правовой методы научного познания.

Теоретической основой могут выступать известные труды российских исследователей, а также специальные работы отечественных и зарубежных авторов, в той или иной мере относящиеся к предмету исследования.

Эмпирическую основу исследования могли бы составить личный опыт службы сотрудников органов внутренних дел на оперативных, преподавательских и руководящих должностях. Она включает также многочисленные нормативно-правовые акты, служебные обзоры и информационные материалы по вопросам, относящимся к объекту и предмету исследования; статистические данные и факты, характеризующие различные стороны теории и практики традиций полиции, ОВД.

Очень важно:

- сформулировать авторскую позицию традиций полиции как фактора укрепления государственности и законности; дать авторское определение понятий традиций и

- традиционализма полиции, выявить их социально-политическую и государственно-правовую сущность, место в системе государственности и особенности;
- определить закономерности (тенденции) возникновения, формирования и развития традиций полиции, их диалектическую связь и преемственность с российской государственностью, с внутренней и внешней политикой государства;
  - раскрыть социальную роль традиций полиции в развитии государственности и укреплении законности посредством анализа традиций как духовной ценности и источника моцни государства, а также характеристики важнейших социальных функций этих традиций: кумулятивной, прогностической, предметно-деятельной, организующей;
  - показать основные проблемы и тенденции в их формировании, особенно основные противоречия развития этих традиций;
  - дать характеристику ведущей традиции в развитии органов полиции, их демократизации и укрепление связи с народом;
  - сформулировать предложения по разрешению имеющихся противоречий.

Теоретическая значимость исследования выражается в постановке актуальной мало разработанной историко-правовой и теоретико-правовой научной проблемы, разработке ее авторской концепции, методологии, концептуально-понятийного аппарата, выявлении социально-политической и государственно-правовой сущности традиций и традиционализма полиции, закономерностей их связи с политикой и идеологией государства, их социальных функций и основных проблем и тенденций в их формировании и развитии. Обоснование на этой основе предложений по разрешению имеющихся противоречий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно может быть использовано в законодательно-нормотворческой деятельности Федерального Собрания, Правительства РФ и ее субъектов, в планово-прогностической, научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности соответствующих структурных подразделений ОВД, культурно-идейно-воспитательной работе с личным составом полиции.

Подводя итоги, можно предложить следующие

выводы:

1. Традиции – это исторически сложившиеся, повторяющиеся и сохраняющиеся модели сознания, отношений, поведения и деятельности социальных общностей, формирующиеся на основе их совокупного опыта и социальной практики и передающиеся последующим поколениям. Они являются относительно самостоятельным структурным элементом социальной психологии данного общества, предметно-чувственной и теоретико-практической деятельной формами отражения и проявления их истории и всех сторон жизнедеятельности.

2. *Традиции полиции* – это государственно-правовые устойчивые модели, эталоны и формы сознания, отношений и деятельности органов внутренних дел государства, исторически сложившиеся на основе совокупного опыта, культуры и социально-политической практики данного общества, передаваемые предыдущими и воспринимаемые последующими поколениями органов внутренних дел.

3. Как форма отражения и проявления истории и функционирования государства традиции полиции в отличие от трудовых и иных общих традиций имеют свои особенности. Важнейшими из них являются:

- государственно-правовая и морально-политическая сущность этих традиций;
- их нормативно-обязательный характер;
- прямая связь с политикой и всем общественным строем общества, историческим типом социальной системы и историческим типом государства, их зависимость от общественно-политических атрибутов;
- специфическая (государственно-политическая и правоохранительная) сфера проявления;
- достаточно жесткие, устойчивые и предписывающие правила, нормы и модели поведения, деятельности и общественных отношений, составляющие их сущность и содержание;
- их особо значимая социальная роль и социальные функции;
- юридически значимые последствия их несоблюдения;
- преимущественно писаная, нормативно закрепленная форма их проявления;
- их определенное несоответствие и

противоречие с другими видами традиций (политическими, национальными, трудовыми, боевыми, семейными и др.).

4. Основой авторской концепции традиций полиции является вывод об их непосредственной связи с политикой, всем общественным строем, историческим типом социальной системы и историческим типом государства и права, их зависимость и обусловленность общественно-политическими и государственно-политическими и правовыми атрибутами, а также историей, культурой, правовой культурой, общественным сознанием, прежде всего, политико-правовым и нравственным сознанием, социальной психологией и идеологией общества и государства.

5. Приоритетной и знаковой является социальная роль традиций полиции. Будучи составной частью общих национально-государственных традиций России, диалектически взаимосвязанные с фундаментальными социальными, политическими, государственно-правовыми, идеино-теоретическими и духовно-нравственными атрибутами общества, государства и права, традиции полиции реализуют приоритетные социальные функции:

- являются элементом связи и преемственности в истории российской государственности;
- служат духовным, идеино-теоретическим и предметно-чувственным стержнем в формировании национально-государственной психологии, идеологии и государственно-правовой практики; исключительно значимой является их роль в формировании общественного сознания, социально-правовой психологии и идеологии, нравственного и правого сознания; в подготовке и воспитании не только кадров ОВД, но и кадров государственного аппарата, а также во внутригосударственной и международной правоохранительной деятельности государства;

- выполняют онтологическую, кумулятивную, прогностическую, предметно-деятельную и организующую роль в формировании общественного сознания, государственно-правовой практики, правоохранительной деятельности, подготовке кадров и в развитии юридической науки.

6. Благодаря своей связи со всеми социальными атрибутами общества, государства и права, традиции и традиционализм полиции как составная часть национально-государственных традиций и традиционализма России занимают особое место в системе государственности, являясь ее системным, относительно самостоятельным элементом. Они имеют объективно-субъективное комплексное идеальное и предметно-чувственное содержание и формы проявления.

7. Противоречия в формировании современных традиций полиции обусловлены кризисными явлениями в функционировании и развитии экономической, политической и правовой систем российского общества, в политике и идеологии государства. Основным противоречием процесса формирования традиций полиции является определённое отчуждение между обществом и государством, государством и личностью, а также явное несоответствие функционально-целевого предназначения ОВД результатам их повседневной правоохранительной деятельности по обеспечению законных интересов, прав и свобод человека и гражданина, целостности, безопасности и социальной стабильности государства, сохранению общественного порядка.

8. Ведущей традицией в развитии полиции и фундаментальным способом разрешения имеющихся противоречий в функционировании, формировании и развитии традиций ОВД является демократизация их организационной структуры, форм и, особенно, средств и способов деятельности, укрепление и совершенствование механизма их связи с народом.

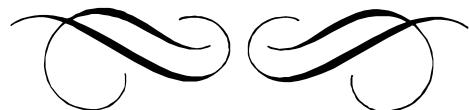
Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «От полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
2. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. Научный журнал. – 2007. – №1.
3. Акимов А.Н., Чекин А.Н. Правовая культура на примере стран романно -германской и англосаксонской правовых семей // История государства и права. – 2006. – №10.

4. Алексеев Н.Н. Идея государства 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001. (Мир культуры, истории, философии).
5. Алиев Я.Л. Корпоративный традиционализм полиции и режим законности (историко-правовое и сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2003.
6. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность. – СПб., 2006.
7. Анисимов Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. – СПб, 2004.
8. Антонов М.В., Поляков А.В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство // Правоведение. – 2008. – №2.
9. Байгин М.И. Государство и политическая власть. – Саратов, 1972.
10. Баранов П.П., Окусов А.П. Аксиология юридической деятельности. – Ростов-на-Дону, 2003.
11. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
12. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
14. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб., 1999.
15. Веретельников В.И. История Тайной канцелярии. – Харьков, 1910.
16. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2002.
17. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М., 2005.
18. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Хальзов В.И., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
19. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Федоров В.П., Хузяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб., 1996.
20. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница. – СПб., 2003.
21. Егоршин В.М. Милиция. Полиция. Шерифат. – СПб., 1994.
22. Елинский В.И. Становление и развитие уголовного сыска в России (Х – начало XX вв.). – М., 1997.
23. Ермолович Г.П. Население и полиция: противостояние преступности в США. – СПб., 2000.
24. Ершов Ю.А. Полиция России в пореформенный период: Комплектование профессиональная подготовка и социальная защищенность (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998.
25. Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. – СПб: Нева; М.: Алма-Пресс, 2002.
26. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
27. Иванов В.А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (На материалах северо-запада РСФСР). – СПб.: ЛИСС. - 1997.
28. Инструкция околоточного надзирателя Санкт-Петербургской столичной полиции. – СПб., 1900.
29. Инструкция околоточным надзирателям, обязательные постановления для жителей г. Казани. – Казань, 1890.
30. Инструкция полицейским урядникам, утвержденная министром внутренних дел по согласованию с министром юстиции 28 июля 1887 года. – СПб., 1908.
31. Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. – СПб., 2003.
32. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. – М., 1998.
33. История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.М. Масленников, В.П. Сальников. – СПб., 1998.
34. Карабанова Т.М. Условия жизни и реальное поведение людей. – М., 1995.
35. Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). – М.: Наука, 1994.
36. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). – Ярославль, 1992.
37. Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления. – Ярославль, 2010.
38. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989.
39. Керимов Д.А. Философские основания политico-правовых исследований. – М., 1986.
40. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2007.
41. Клейменова Е.В., Моралева К.А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. – 2003. – №1.
42. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
43. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» / Под ред. В.М. Чибинсева. – СПб., 2011.
44. Котляр Н.П. Цель как модель деятельности. – М., 1991.
45. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.

46. Латыпов Ф.Т. Правовая культура в системе социальной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – №6.
47. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1972.
48. Лысенко В.В. Полиция дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности (теоретический и историко-правовой анализ): Афтореф. дис. ... док. юрид. наук. – СПб., 1998.
49. Лысенко В.В. Правонарушения в сфере общественной нравственности и полиция России (история и современность). – СПб., 1997.
50. Лысенко В.В., Сальников В.П., Сизиков М.И., Филиппова С.В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции в дореволюционный период. – СПб., 1996.
51. Министерство внутренних дел России: 1802 – 2002 гг. Исторический очерк в 2-х томах / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
52. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802-2002) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
53. Неважжай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. – 2000. – №2.
54. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М., 1999.
55. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости. – М.: Юристъ, 2005.
56. Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
57. Пособие нижним чинам полиции при производстве дознания / Сост. Н.В. Муравьев. – М., 1909.
58. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
59. Психологический механизм юридического поведения личности / Под научной ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
60. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность, типология. – СПб., 2008.
61. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
62. Ромашов Р.А. Правовые культуры современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – №8. – С. 157-163.
63. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1. – С. 7-10.
64. Ромашов Р.А. Теоретико-правовая наука и юридическая практика: проблемы соотношения и взаимодействия. – СПб., 2004.
65. Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствоиздания: Открытая лекция. – Киев: Институт государства и права им. В.В. Корецкого, НАН Украины, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко: Логос. – 2009.
66. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.
67. Рууд Ч., Степанов С. Политический сыск при царях. – М.: Мысль, 1993.
68. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л., 1983.
69. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л., 1988.
70. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. – Саратов, 1989.
71. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джигутанов Б.К. Философия глобализации (методологические основы geopolитической доктрины России). – СПб., 2006.
72. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
73. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
74. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 1999.
75. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – №4(8).
76. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Изд-во «Алитея», 2000.
77. Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. – 1992. – №10.
78. Сеневский М.И. Тайная Канцелярия при Петре Великом. – СПб., 1884.
79. Синенко Ю.С. Типология государства: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 2007.
80. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского

- права. – 2004. – №11.
81. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. – 2003. – №1.
82. Спиридовон Л.И. Социальное развитие и право. – Л., 1973.
83. Томсинов В.А. Значение категории «правовая культура» для историко-правовой науки // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. – 2007. – №6.
84. Филиппов Г.Г. Роль организации в механизме политической власти. – СПб., 2008.
85. Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под ред. В.П. Сальникова, В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.В. Васильчиковой. – СПб., 2003.
86. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.
87. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
88. Цыбулевская О.И. Правовая культура субъектов власти: нравственный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
89. Чарльз М.Т. Современное состояние и перспективы профессиональной подготовки сотрудников полиции (милиции) США и России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Изд-во «Алитейя», 2000.
90. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность. – СПб., 1999.
91. Шадриков В.Д. Деятельности и способности. – М., 1994.
92. Шаля В.М. Методология исследования феномена «правовая культура» // Философия права. – 2008. – №3.
93. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты. – СПб., 2004.
94. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы. – СПб., 2005.
95. Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин: Сочинения в 2-х томах / Авт.-сост. Д.К. Нечевин, Л.И. Беляева. – М.: Олма-ПРЕСС, 2001.
96. Экимов А.И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. – 1996. – №12.
97. Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб., 2006.
98. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1995.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: alexandroff_RA@mail.ru

ГОРЛЕНКО Валерий Александрович,
доцент Нижневартовского филиала Северо-
Западной академии государственной службы,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: gorlenko@ya.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии Санкт-Петербургского государствен-
ного политехнического университета,
доктор юридических наук
E-mail: nauka123@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс,

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ: РЕФОРМА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению формирования и развития судебной системы России на рубеже XX – XXI веков. Выделяя конкретный исторический период, авторы путем комплексного анализа с точки зрения политики государства в области реализации судебной власти, исследуют специфику осуществления судебной реформы, с учетом исторического и политического аспектов, а также подводят итоги указанной реформы и приводят обоснованные выводы ее результатов.*

***Ключевые слова:** судебная власть; реформа судебной системы; независимость судов.*

**ALEKSANDROV R.A.
GORLENKO V.A.
KONDRAT I.N.
TRET'YAKOV I.L.**

RUSSIA AT THE TURN OF XX – XXI CENTURIES: THE REFORM OF JUDICIAL SYSTEM

***The summary.** The article considers the formation and development of Russia's judicial system at the turn of XX - XXI centuries. Singling out a specific period in history the authors through a comprehensive analysis from the viewpoint of the state policy in the area of judicial*

power implementation research the specific character of judicial reform effectuation taking into account the historical and political aspects as well as summarize this reform and give substantiated conclusions on its results.

Key words: judicial power; reform of judicial system; independence of courts.

В Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 года, отмечающей кризис юстиции, особо акцентировалось внимание на безжалостное и чуждое интересам людей правосудие, полученное в наследство от тоталитарного режима. Суд не пользовался властью, а власть бесконтрольно пользовалась судом. Суды, как и вся система юстиции, составляли важный элемент командно-административной системы руководства страной, были проводниками ее воли. Они выступали преимущественно как репрессивный орган, подчас освящая ритуалом судоговорения предрешенную расправу.

Граждане долгие годы на собственном опыте убеждались, что оградить свои права и законные интересы с помощью правоохранительных органов так же трудно, как и защититься от самих этих органов, попав в сферу их деятельности [2]. Гласность, приоткрыв завесу «служебных тайн», выставила напоказ язвы судопроизводства: коррупцию, сокрытие преступлений от учета, дутые показатели раскрываемости, почти полное отсутствие оправданий, отработанную технологию добывания лжепризнаний и осуждения невиновных. Пресловутый обвинительный уклон был наглядно зафиксирован в результате изучения 343 уголовных дел, осужденные по которым были в конечном итоге реабилитированы вышестоящими судебными инстанциями: хотя адвокаты в 98% случаев просили оправдать подзащитных, суды вопреки материалам дел постановляли обвинительные приговоры.

Не следует обольщаться достигнутым за последние годы неустойчивым прогрессом. Действительно, количество оправданных судами возросло. Так, по данным Следственного комитета при МВД России в 2003 году число оправданных и лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено судом по реабилитирующим основаниям, возросло с 2017 до 2564 (+27,1%). В 2004 году сократилось с 1332 до 955 (-28,3%) число граждан, реабилитированных следователями на стадии следствия, оправданных судами – с 2564 до 1466 (-42,8%). Для сравнения стоит отметить,

что до революции оправдывался почти каждый третий, привлеченный к суду.

Председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации Анатолий Кучерена, хотя и чрезвычайно односторонне, но все же правильно отмечает, что наша судебная система не освободилась от карательного синдрома. За 2005 год суды вынесли решения о заключении под стражу в отношении 23 тысяч подростков и 31 тысячи женщин. Чем это продиктовано? Трудно представить, что тысячи несовершеннолетних, совершивших в большинстве своем незначительные правонарушения, разбегутся от суда и следствия или будут оказывать на последнее сильное давление. Еще труднее заподозрить в этом женщин, матерей, на чьем попечении дети. Такое положение абсурдно. Оступившиеся мальчишки вместо раскаяния получат в камере памятные уроки криминального поведения. Следователю удобнее работать, если арестованный всегда под рукой. Но кого мы вырастим для общества? [6].

Большой проблемой остается то, что юстиция еще не осознала своего истинного предназначения и сохраняется опасность, что она станет, как то и было, рупором завоевавшей господство политической силы. Юстицию никогда не воспринимали как самостоятельную силу, выражавшую интерес права. Ни судьи, ни работники правоохранительных органов не воспринимают себя как часть корпорации, призванной, несмотря ни на что, утверждать право и закон, что делает подобные опасения обоснованными. В этой связи еще необходимо работать над поднятием статуса судей, повышением престижности судебской работы.

Разворачивание системы правосудия в самостоятельную силу, играющую роль одного из мощных балансиров механизма сдержек и противовесов, ставится в повестку дня российской судебной реформы [3; 4; 5].

Судебная власть в правовом государстве получает возможность блокировать или затруднить действие неразумных законов, угрожать власти исполнительной

ответственностью за несоблюдение воли представительных учреждений, защищать права граждан от тирании политиков и чиновников, быть для других ветвей власти блоком обратной связи.

Правосудию в цивилизованных государствах создаются тепличные условия (высокий статус, независимость, помпезные здания и большие оклады); даже причудливые одежды его служителей и подчеркнуто консервативные ритуалы внешне отделяют юстицию от кипения политических страстей. Но самое характерное – это осуществление правосудия в особых формах. Судопроизводство ориентируется на обоснованность решений, на достижение результата по правилам. Консерватизм и отстраненность судебной власти позволяют ей играть роль оракула в споре законодателя и правопримениеля.

Преимущества судебного порядка разрешения споров и устранения юридических неопределенностей традиционно видят в том, что он:

- детально разработан и имеет давнюю историю;
- демократично и разумно устроен;
- вверяется независимым и профессионально ориентированным беспристрастным личностям;
- находится под общественным контролем.

Исключительно важно, однако, заранее предпринять меры, упреждающие возможное своеование судебной власти. Должно быть два жестких ограничителя:

- связанность правосудия волей законодателя, когда он стесняет государство в пользу общества и личности (так, нельзя давать суду полномочия ужесточать наказание против верхнего предела санкции уголовного закона, присуждать с лица возмещение большее, чем определено законом);
- недопустимость отступления от процессуальных норм, поскольку они отражают в концентрированном и превращенном виде опыт познания абсолютных истин.

При этом никак нельзя согласиться с созданием дисциплинарных судов в отношении судей.

В самом общем виде можно утверждать, что суд как средство разрешения споров о праве и устранения юридических неопределенностей обладает уникальной способностью применять

закон адекватно каждому конкретному случаю. Благодаря судебному процессу закон применяется не механически, на манер клейма, а по правде и совести.

У суда два преимущества: объективность и способность воплощать потребности гражданского общества, а не только политическую волю, выраженную в законе. Эти качества позволяют ему лидировать в системе правоохранительных органов, привнося в их деятельность не узковедомственный интерес и субъективизм, а общечеловеческие ценности.

Поэтому сегодня суду отводится центральное место в системе правоохранительных органов. Именно суд осуществляет как прямой, так и косвенный контроль за несудебным (досудебным) производством.

Тем не менее, призванный занимать центральное место в системе юстиции, суд в какой-то степени еще продолжает находиться в зависимости от внешних воздействий. До недавнего времени причину неправого суда видели во вторжении, беспардонном или завуалированном, партийных или советских властей в сферу юстиции. Теперь появились новые формы вмешательства в отправление правосудия. Судьи по-прежнему зависимы от местной власти, которая обеспечивает суды помещениями, транспортом, а их работников - квартирами, телефонами. Не были затронуты многие прежние каналы зависимости. Это и подбор судебных кадров, и их подготовка, и ведение судебной статистики, и материально-техническое обеспечение судов.

Так, советник Президента Российской Федерации Вениамин Яковлев на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования правосудия во всеуслышание заявил, что мировые судьи работают более успешно там, где о них заботятся местные власти, выделяя средства и приличные помещения. Он отметил, что в обществе есть тревога по поводу подлинной независимости судебной власти. Она прежде всего определяется положением самого судьи, тем насколько крепок его статус. Это и порядок назначения на должность, и несменяемость, и реальная неприкословенность. Однако в процесс назначения судей сильно вторгся чиновник. Все должна решать квалификационная коллегия, открыто и гласно, на основании развернутой аттестации. На деле же все иначе [7].

По мнению члена президентского совета Тамары Морщаковой, на пути к судейской независимости всталась большая проблема. Имя ей – страх. Любой судья скажет, чего он боится. Ничего не стоит удалить его с должности, если этого захочет кто-то свыше. В судебной системе постоянно происходят разные реорганизации: объединяются субъекты Федерации, межмуниципальные суды преобразуются в районные. И всякий раз это сопровождается переназначением судей. Зачем, если каждый судья – уже федеральный? Ответ один: чтобы тех, кто слишком самостоятелен, оставить за бортом.

Нельзя призвать судью к беспристрастному отношению с гражданами, если сам он скован страхом. Для него главным становится, что думают «наверху», а не защита интересов человека. По ее обоснованному мнению, если ситуацию не переломить, конституционный принцип несменяемости судей может погибнуть [7].

Кроме того, судебный надзор не всегда показывает положительные аспекты контроля в судопроизводстве. Как это ни парадоксально звучит, но принцип ответственности судей за собственные решения играет скорее негативную роль. Разумеется, речь не идет о случаях грубой небрежности и преступного умысла. Но начальственная критика за допущенную ошибку или даже простое взятие на учет добросовестных заблуждений судьи или случаев несовпадения его позиции с мнением вышестоящей инстанции отнюдь не способствуют его раскрепощенности. Опасаясь последствий свободно выраженного внутреннего убеждения, судья начинает ориентироваться на позицию кассационных и надзорных инстанций, то есть утрачивает самостоятельность.

Не решив проблем независимости суда и самостоятельности сотрудников правоохранительных органов при выполнении ими процессуальных функций, нельзя рассчитывать на успешность судебной реформы. Юстиция не может быть прислужницей администрации.

Судебная реформа имеет в виду создание независимой и влиятельной судейской корпорации, гарантирование процессуальной самостоятельности работников юстиции и их достойного материально-бытового и социального обеспечения.

Выступая на 6 Всероссийском съезде судей,

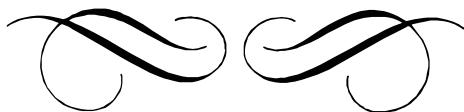
Президент Российской Федерации указал, что прочная, современная, демократическая судебная система – это одна из главных составляющих развития страны, один из главных рычагов демократического развития нашего государства в среднесрочной и очень дальней перспективе. Это историческая перспектива России... Суть судебной системы – это вершина всего правосудия: там принимаются решения по делам, от которых зависит в итоге не только судьба каждого конкретного человека, как в уголовном процессе, но и самочувствие государства и экономики в административном и арбитражном процессе. Это в известной степени вершина кадровой карьеры, поэтому мы должны утвердить принцип независимости суда в нашем государстве... Этот важнейший принцип все годы реформ был, что называется во главе угла, и сегодня он не потерял своей значимости и актуальности. Независимость судебной власти – это не почетная привилегия, а необходимое условие выполнения ею своей конституционной функции в системе разделения властей [1, стр. 3-5].

Независимость и беспристрастность правосудия являются важнейшими составляющими такого государства, которое гарантирует защиту прав и основных свобод человека и гражданина и чьи институты базируются на нормах закона. Именно это положение закреплено в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую Российская Федерация ратифицировала в мае 1998 года и которая является основополагающим юридическим документом для законодателей по приведению национального законодательства, регламентирующего отправление правосудия по уголовным делам, в соответствие с международными стандартами охраны прав личности: «Каждый человек имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...».

Для обеспечения судьям основных гарантий защиты не только принципов независимости и беспристрастности, но и нормальных условий труда, безопасности и профессиональной подготовки каждое государство должно вести непрестанную работу по совершенствованию своей судебной системы.

Список литературы

1. Путин В. Судебная система будет постоянно находиться в поле зрения руководства страны (Выступление Президента России на 6 Всероссийском съезде судей) // Судья. – 2005. – № 1.
2. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
3. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
4. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2009.
5. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
6. Российская газета. 2006. 10 марта.
7. Судите и судимы будете // Российская газета. – 2006. 10 марта.

ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

ТИМОФЕЕВА Елена Александровна,
начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: tim_EA@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reyf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ВУЗЕ

Аннотация. В статье исследован процесс формирования культуры обучаемых в вузах уголовно-исполнительной системы. Авторы, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретико-правовых и педагогических положениях, акцентируют внимание на актуальных проблемах, связанных с воспитанием курсантов в ходе образовательного процесса. Рассмотрены возможные пути повышения эффективности изучения юридических, специальных и иных гуманитарных дисциплин с позиций воспитания обучаемых.

Ключевые слова: правовая культура; гражданственность; образовательный процесс; воспитание.

TIMOFEEVA E.A.
REUF V.M.

LEGAL CULTURE AND THE CIVIL POSITION OF INDIVIDUAL: PROBLEMS OF FORMING AT SPECIALIZED INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION

The summary. The process of forming trainees' culture at higher schools of the penal enforcement system is researched in the article. The authors through a comprehensive analysis based on the fundamental theoretical-and-legal and pedagogical provisions focus on the topical issues related to cadets' training in the course of educational process. Possible ways to improve the efficiency of studying courses in law, special subjects and humanities from the perspective of trainees' education are under consideration.

Key words: legal culture; citizenship; educational process; education.

Логика учебно-воспитательного процесса в вузе обуславливает последовательность выявления педагогических возможностей формирования правовой культуры [9; 10; 11; 13, стр. 19-22; 8, стр. 2-8; 7, стр. 7-10; 6, стр. 157-163], профессионального самосознания, гражданственности [4; 12; 1, стр. 5-12] в пределах структурных элементов: целей, задач, содержания, форм, методов, а также методик и технологий.

В содержании современного вузовского образования можно выделить три взаимосвязанных блока:

- 1) обеспечивающий возможность личности самоидентифицироваться по принадлежности к той или иной культуре социальной общности, профессиональной группе (в нашем случае это гражданин России, госслужащий, офицер УИС, юрист);
- 2) создающий условия для вступления личности в равноправный диалог с имеющимся инокультурным, инонациональным, иноконфессиональным, иносоциальным окружением;
- 3) обеспечивающий возможность включенности личности в современные мировые общецивилизационные процессы [2, стр. 24-30].

Нами проанализированы государственный

образовательный стандарт высшего профессионального образования [3, стр. 36], ныне действующие рабочие учебные планы по специальности 03501 «Юриспруденция», тематические планы и программы дисциплин (среди которых отечественная история, философия, культурология, политология, психология, педагогика и др.), процесс их реализации в Самарском юридическом институте ФСИН России.

Анализировалась достаточность их для развития правовой культуры и гражданского самосознания курсантов. Содержательный аспект исследования состоял в выявлении элементов правовой культуры, проблемы гражданственности в материалах указанных дисциплин, его отборе, определении тем и взаимосвязи с другими вопросами подготовки курсантов.

Анализ программ позволил установить, что обучение по ним курсантов проходит в основном на протяжении 1 – 3-го курсов. Гуманитарные, социально-экономические, общепрофессиональные и специальные дисциплины не представляют последовательной логической системы обучения. Основные сущностные характеристики правовой культуры, гражданственности выявлены в содержании только ряда тем изучаемых дисциплин.

Основные содержательные элементы правовой культуры и гражданственности в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования.

Специальность 03501 – Юриспруденция

Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины	
Социология	Социальные группы и общности. Виды общностей. Общность и личность. Малые группы и коллективы. Социальная организация. Социальное взаимодействие и социальные отношения. Культура как фактор социальных изменений. Личность как социальный тип. Личность как деятельный субъект. Взаимодействие экономики, социальных отношений и культуры.
Философия	Научные, философские и религиозные картины мира. Человек, общество, культура. Общество и его структура. Человек в системе социальных связей. Человек и исторический процесс: личность и массы, свобода и необходимость. Место и роль философии в культуре. Смысл человеческого бытия. Насилие и ненасилие. Свобода и ответственность. Мораль, справедливость, право. Нравственные ценности и их роль в человеческой жизни. Религиозные ценности и свобода совести.

Отечественная история	Античное наследие в эпоху Великого переселения народов. Проблема этногенеза восточных славян. Этнокультурные и социально-политические процессы становления русской государственности. Принятие христианства. Распространение ислама. Культура в современной России. Внешнеполитическая деятельность в условиях новой geopolитической ситуации. Русская культура XIX в. и ее вклад в мировую культуру.
Культурология	Основные понятия культурологии: культура, цивилизация, субъект культуры, межкультурные коммуникации, культурные ценности и нормы, культурные традиции, культурная традиция мира, культурная самоидентичность, морфология культуры, функции культуры, динамика культуры, язык и символ культуры, культурные коды, культурные ценности и нормы, социальные институты культуры. Типология культур: этническая и национальная, элитарная и массовая. Восточные и западные типы культур. Место и роль России в мировой культуре. Культура и общество. Культура и глобальные проблемы современности. Культура и личность.
Политология	Гражданское общество, его происхождение и особенности. Особенности становления гражданского общества в России. Политическая культура. Политические конфликты и способы их разрешения. Социокультурные аспекты политики.
Иностранный язык	Культура и традиции стран изучаемого языка, правила речевого этикета. Основы публичной речи (устное сообщение, доклад).
Физическая культура	Физическая культура в общекультурной и профессиональной подготовке курсантов. Физическая культура личности. Особенности использования средств физической культуры для оптимизации работоспособности.
Русский язык и культура речи	Языковые формулы официальных документов. Культура речи.

Общепрофессиональные дисциплины	
Теория государства и права	Взаимосвязь государства, права и иных сфер жизни общества и человека.
История политических и правовых учений	Политические и правовые учения в России.
История отечественного государства и права	Государство и право Российской Федерации.

Конституционное (государственное) право России	Место российского конституционного права в системе права России; конституционный статус человека и гражданина РФ; гражданство в РФ (принципы гражданства в РФ, основания приобретения и прекращения, порядок решения вопросов российского гражданства); свободы и обязанности российских граждан, их реализация.
Гражданское процессуальное право	Формы защиты гражданских прав.
Международное право	Права человека и международное право.
Юридическая психология	Психология личности юриста; общение в профессиональной деятельности юриста; психология допроса. Общая социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста.
Национально-региональный (вузовский компонент)	
Уголовно-исполнительное право	Воспитательная работа с осужденными; уголовно-исполнительное или пенитенциарное право зарубежных стран.

Основные содержательные элементы правовой культуры и гражданственности в рабочих учебных и тематических планах Самарского юридического института ФСИН России.

Специальность 03501 – Юриспруденция

Специализация «уголовно-правовая» (ведомственная специализация: охрана и конвоирование в УИС, оперативно-розыскная деятельность в УИС, оперативно-розыскная деятельность в МВД, предварительное следствие)

Дисциплина	Тема
Основы воспитательной работы с личным составом	Сущность воспитательной работы. Основные направления воспитательной работы. Профессиональная подготовка сотрудников.
Обеспечение прав человека в правоохранительной деятельности	Права человека и государство. Защита прав и свобод человека и гражданина – функция российской системы конституционного контроля. Защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.
Психология и педагогика	Психологическая сущность воспитания, его критерии. Воспитание как путь к сознанию и смыслу. Воспитание как процесс, направленный на усвоение нравственных норм. Мораль, нравственность, духовность. Развитие и воспитание духовности. Национальное своеобразие воспитания. Цель и задачи воспитания культуры межнационального общения. Воспитание патриотизма, интернационализма, веротерпимости, толерантности.

Педагогика и психология в деятельности сотрудников УИС Пенитенциарная педагогика	Пенитенциарная субкультура. Планирование воспитательной работы с осужденными. Теория и методика воспитания личного состава. Офицер – воспитатель и учитель подчиненных.
Пенитенциарная психология и социология	Направленность личности осужденного. Социальная и социально-педагогическая адаптация в среде осужденных.
Оперативно-розыскная психология	Требования, предъявляемые к психологической подготовленности сотрудников уголовного розыска. Психологические особенности оперативной работы.
Конфликтология	Межличностные конфликтные ситуации и их преодоление. Сфера конфликтного взаимодействия: межэтнические и политические конфликты.
Основы управления	Кадры в управлении правоохранительными органами. Управление правоохранительными органами в особых условиях.
Обеспечение прав человека в правоохранительной деятельности	Права человека и государство. Защита прав и свобод человека и гражданина – функция российской системы конституционного контроля. Защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.
Профессиональная этика	Нравственная культура и профессиональная деформация личности сотрудника УИС.

Из приведенного анализа становится очевидным то, что имеющиеся программы указанных дисциплин не раскрывают понятий «правовая культура» и «гражданственность». Хотя некоторые дисциплины рассматривают определенные компоненты интересующей нас проблемы (такие, как культура, ценность, сознание, отношения, патриотизм, интернационализм, понятие гражданина). Однако элементы, присутствующие в содержании дисциплин, не составляют систему. Таким образом, материал каждой рассматриваемой дисциплины и их совокупность фактически не ориентируют учебный процесс на развитие у курсантов правовой культуры, гражданственности как неотъемлемых

качеств будущего офицера, юриста УИС.

По мнению ряда ученых и практиков педагогической науки, при формировании гражданственности учащихся в равной мере значимы и приемлемы два подхода к гражданскому образованию и воспитанию: предметный и интегрированный. Наиболее соответствует предмету нашего исследования первый подход в рамках которого происходит освоение курсантами правовых, гражданско-политических, патриотических, интернациональных и культурных ценностей общества.

Предметный подход осуществляется в Самарском юридическом институте ФСИН России через дисциплины, включенные в курс обучения

государственным образовательным стандартом и преподаваемые кафедрами пенитенциарной педагогики и психологии, философии, филологии и истории, оперативно-розыскной деятельности, уголовно-исправительного права, уголовного права и криминологии, теории и истории государства и права и т. д.

Наиболее значимыми для нашего исследования, с точки зрения возможности формирования правовой культуры будущего юриста, а именно, его гражданского самосознания, являются следующие дисциплины: философия, культурология, история Отечества, социология, политология, психология, педагогика, иностранный язык, ОРД, уголовно-исполнительное право, введение в специальность.

Рассмотрим целевые установки некоторых из указанных дисциплин, направленные на формирование правовой культуры и гражданственности курсантов Самарского юридического института ФСИН России.

Анализ требований ГОСТа к дисциплине «История Отечества» приводит к выводу о том, что ее содержание в концентрированном виде дублирует школьный курс отечественной истории. Чтобы избежать повторения, придать изучаемому материалу правокультурную направленность, повысить его научность, проблемность, с нашей точки зрения, необходимо усилить в его содержании гражданскую направленность. Это предполагает выделение в курсе отечественной истории тех фактов, явлений, которые связаны с развитием идей гражданственности, укрепления государственности, строительства гражданского общества, правового государства в России.

В процессе изучения отечественной истории мы предлагаем обратить внимание курсантов на следующие проблемы, затрагивающие вопросы гражданственности личности, народа и значимые для формирования общей правовой культуры курсантов. Рассмотрим более подробно данную проблему, затрагивая содержание указанной дисциплины.

1. Роль христианства в истории России.

Распространение христианства явилось определяющим фактором в социальной, политической, идеологической, культурной интеграции, в укреплении государственности восточных славян. Становление государства, формирование христианского мировоззрения обусловили интенсивность развития гражданского сознания в русском обществе.

2. Социально-политическое развитие России в XVII в.

Развитие идей разумного устройства общества, ответственности государственной власти перед гражданами, назначения государства служить интересам народа (Н. Пересветов, Ф. Карпов, Е. Еразм). Роль реформ Петра I в общественном развитии России, в переходе к новой форме государственности, в формировании новых социальных отношений. Проблема соотношения понятий «государство» и «общество».

В первой четверти XVII в. прогрессивные государственные деятели были полны желания сделать Россию сильной и богатой, просвещенной, ни в чем не уступающей западноевропейским странам. Несмотря на отдельные расхождения во взглядах, интересы, цели государства и просвещенных граждан составляют относительное единство.

Наряду с усилением авторитаризма, насилия над личностью, что было обычным явлением для петровских реформ, в России складываются предпосылки для развития передовой мысли, просвещения, что, в конце концов, приводит к конфликту с господствующей идеологией. Отстаивая свое право на инакомыслие, на независимую позицию, в той или иной мере, конфликт с официальной идеологией имели Ф.Т. Салтыков, И.Т. Посошков, Д.С. Аничков, И.И. Бецкой, Е.Р. Дацкова, Н.И. Новиков, Д.Н. Радищев, Ф.В. Кречетов.

Книга «О должностях человека и гражданина» – первое учебное пособие по граждановедению в России.

3. Развитие общественного сознания в первой четверти XIX в.

Период декабристского движения – качественно новый этап в развитии российского общественного самосознания, новизна которого не только в понимании необходимости освобождения от чрезмерной зависимости от бюрократической власти, но и в решимости декабристов и их сторонников выполнять основные гражданские функции (правовые, политические, экономические, педагогические).

Усиление авторитаризма и тоталитаризма в 30-40-е гг. XIX в. Стремление режима Николая I изолировать Россию от влияния демократических идей Запада. Антигражданские контреформы. Голос инакомыслящих в России (А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский).

При современном прочтении особенно актуальной становится мысль ученого-историка 40-х гг. XIX в. Т.Н. Грановского о значении стремления России к интеграции в сообщество европейских государств, которая весьма отлична от так называемой идеи «догоняющего развития». Он считал, что «мы» вступаем в общение с Европой не во имя ее частных и прошедших интересов, а во имя великой общечеловеческой среды, к которой стремятся она и мы, наше сочувствие есть собственно предчувствие грядущего, которое рано распустит в себе все исключительное, романо-германское, или славянское.

4. Реформы Александра II.

Развитие идей гражданственности и патриотизма в России. Зарождение основ гражданского общества, правового государства. Возможность установления гражданского согласия в России. Радикализм и экстремизм революционеров-демократов, народников. Объективная оценка их взглядов, деятельности.

60-е гг. XIX столетия представляли период русской жизни столько же созидательной, сколько и разрушительной. Барометром настроя общества этого периода, зеркалом его духовного состояния, по замечанию Н.И. Пирогова, являлись российские университеты. Прогрессивно мыслящие деятели эпохи реформ в большинстве сходились на мысли, что университеты должны стать местом гражданского воспитания интеллигенции, так как университетская среда весьма восприимчива к новым веяниям, к демократическим принципам организации своей жизни, свободе научной мысли и слова, к требованиям автономности, учету общественного мнения студентов и их участию в управлении университетами. Так, по оценкам П.Г. Редкина и Н.И. Пирогова, университеты стали центрами, где формировались высокие научные и жизненные идеалы. Основными средствами распространения этих идеалов среди подрастающих поколений являлись литература и воспитание. Н.И. Пирогов призывал к соединению национального и гражданского воспитания, философ и педагог П.Д. Юркевич акцентирует внимание на развитии человеческого достоинства, для чего в первую очередь необходимо формирование таких качеств, как великодушие и самоотверженность, законопослушность и уважение прав других людей, верность долгу и мужество при его исполнении,

бескорыстие и человеколюбие, чтобы настоящему подготовить молодого человека к жизненной борьбе.

На необходимость решения проблемы гражданско-правового патриотического образования и воспитания большое влияние оказали взгляды таких видных деятелей культуры и педагогов, как К.Д. Ушинский, П.Г. Редкин, Д.Д. Семенов, В.Я. Стоюнин, Н.Ф. Бунаков, П.Ф. Каптерев, В.О. Ключевский, Ф.Н. Плевако, А. Кони, П.Н. Милюков, А.А. Мусин-Пушкин.

Истинный патриотизм, утверждала педагогическая мысль того времени, предполагает любовь не только к славным, но и печальным моментам своего Отечества, а любовь к Родине как деятельностное начало выражается в высокой жизненной активности, направленной на благо и славу Отечества.

Признавалось, что основным условием для формирования патриотизма, гражданственности является наличие национального самосознания, важнейшими средствами развития которого служит умственное, нравственное и волевое развитие личности. Особенно большое значение в гражданском воспитании, развитии национального самосознания и национальной гордости принадлежит законоведению, истории, родному языку и словесности, географии. Условием, способствующим зарождению и укреплению гражданских, патриотических чувств у подрастающих поколений, признавалось единство воспитательных усилий государственной власти, общества, семьи и школы.

5. Россия в начале XX в.

Причины идеально-патриотического распада общества, преобладания дезинтеграционных процессов ослабления государственности, несформированность гражданского общества, низкий уровень правовой культуры народа, гражданского сознания интеллигенции, низкий уровень правосознания - главные причины гибели Российской империи в 1917 г.

Гражданский ренессанс в Советской России в 20-е гг. XX в. Роль общественных движений и организаций. Зачатки демократии (наличие оппозиции, гласность). Антигуманная и антидемократическая сущность советского режима. Порабощение гражданского сознания интеллигенции, формализация и идеологизация жизни. Антигражданская сущность принципов партийности и классового подхода.

6. Гражданский подвиг народа в годы Великой Отечественной войны.

7. Социально-политическое развитие СССР во второй половине XX в.

Благодаря нравственным мировоззренческим – основам, сформировавшимся у учащейся молодежи в годы войны, стало возможным возникновение в годы хрущевской «оттепели» движения «шестидесятников» – того поколения, которое, повинуясь чувству гражданского долга, ориентируясь на общечеловеческие ценности, вступило в оппозицию командно-административной системе, антидемократическому режиму, готово было идти на самопожертвование во имя прав человека, во имя строительства демократического государства. Именно это поколение заложило основы формирующегося современного гражданского общества в России.

Наращение гражданского протesta в 60-80-е гг. ХХ в. Движение правозащитников. Причины и характер диссидентского движения в СССР, гражданское поведение Орлова, Осипова, Огурцова, групп Краснопевцева (МГУ) и Пименова (ЛГУ), А. Солженицына и Ю. Даниеля, А. Гинзбурга, Л. Богораз, А. Сахарова и других, возникновение Комитета прав человека (1967), Инициативной группы (1969) и других правозащитных организаций.

Кризис власти в СССР в 80-е гг. ХХ в. и провал «перестройки», развал международной социалистической системы, политическая ситуация и противоречивые процессы формирования демократического государства в 90-е гг. ХХ в., упадок экономики, причины распада СССР, кризиса в современной России.

При изучении указанной дисциплины необходимо стремиться к тому, чтобы курсанты пришли к выводу о необходимости использования положительного опыта, накопленного в советский период в деле воспитания патриотизма и интернационализма молодежи, понимания роли государства в развитии страны.

Таким образом, корректировка, дополнение общепринятого подхода к содержанию курса «Отечественная история», наполнение его анализом проблем трудного пути к гражданскому обществу позволит, во-первых, избежать дублирования школьного курса, повторов, нерационального использования времени и трудозатрат; во-вторых, будет способствовать оптимизации целенаправленного процесса

формирования правовой культуры курсантов путем развития их гражданских качеств, гражданского самосознания.

Социальные науки и культурология являются теми предметами, которые образуют содержательную основу гражданского образования и воспитания. Дисциплина «Культурология» позволяет рассматривать демократические и гражданские ценности общества как феномен культуры. Возвращение образования и воспитания в контекст культуры означает воспитание высокообразованного человека на основе общечеловеческих ценностей, принципа культурообразности, интеграции образования в культуру, гуманизации и гуманитаризации образования.

В целях устойчивого развития, достижения гражданского согласия в российском обществе, в отечественном образовании должны присутствовать ценности культур живущих в нашей стране народов. Только в этом случае можно надеяться на полноценное развитие гражданского общества, демократии. Высокий уровень сформированности гражданственности, гражданского самосознания предполагает признание ценностей всех культур, признания прав на развитие каждой из них, способность гражданина к деятельности, направленной на созидание, от которого зависит развитие России как цивилизованной страны.

Культурология является обязательной для изучения в вузе дисциплиной, призванной дать курсантам общую картину функционирования культуры в общечеловеческом и общественном измерениях применительно к проблемам правовой защиты общества, государства. Общая задача дисциплины – изучить методологические и теоретические основы культурологии как науки, закономерности культурных процессов в обществе, вооружить курсантов знаниями, умениями и навыками освоения материальных и духовных ценностей в интересах совершенствования юридической деятельности и повышения личностного уровня культуры.

При изучении социологии и философии особенно интенсивно происходит процесс интеграции научных знаний, полученных при изучении других научных дисциплин. Именно на основе интеграции получаемых знаний формируются гражданское отношение к глобальным проблемам, научное мировоззрение, система знаний, помогающие

найти свое место в мире, устанавливать контакты с разными людьми, воспринимать и приумножать накопленные человеческие ценности. Философия и социология как научные дисциплины способствуют преодолению у курсантов утилитарного подхода к культуре, ориентируют их на понимание зависимости успеха деятельности от уровня культуры.

Научное мировоззрение представляет собой органичное единство конкретного исторически содер жательного взгляда на мир, научно обоснованных убеждений относительно законов развития природы и общества, материальной и духовной культуры, социально-экономического уклада жизни, системы общественно-политических отношений, определяющих активную жизненную позицию человека. Мировоззрение формируется в результате последовательного овладения научно-философскими знаниями, современными научными достижениями. Совокупность мировоззренческих идей, объясняющих сущность и законы развития природы, общества, мышления, оформляется в сознании учащихся в виде взглядов, убеждений, представлений, гипотез, аксиом, ведущих идей и различных естественных и общественных процессов, явлений (Б. Т. Лихачев).

Преподавание дисциплины «Философия» имеет цель: обеспечить изучение законов общественного развития, достижений мировой и отечественной философской мысли, исторического опыта человечества, обращенных к проблемам человека и смысла жизни, анализу современного общественного развития, осмыслению общечеловеческих гуманистических ценностей, и способствовать на этой основе формированию прочных научных мировоззренческих ориентаций, необходимого уровня общей и философской культуры.

Дисциплина также способствует овладению курсантами адекватной современным требованиям методологией научного анализа процессов жизнедеятельности общества и правоохранительных органов. Она учит курсантов творчески мыслить, умело применять основные положения философского знания при формировании духовного мира личности юриста, свободы ее проявления и высокой ответственности за выполнение гражданского долга, при развитии интеллекта, правовой культуры, нравственности, патриотизма, чести и достоинства офицера.

Главная задача дисциплины «Социология»

состоит в том, чтобы курсанты знали и понимали место и важность социологических знаний в обыденной жизни и служебной деятельности, например, умели применять на практике методики социологических исследований. Общая задача дисциплины состоит в том, чтобы курсанты смогли ориентироваться в сложных социальных явлениях нашего времени, в структуре и сущности социальных процессов и противоречий, в вопросах социального бытия и социального развития. Курсанты должны знать историю развития общества и социальных отношений, практику рассмотрения тех или иных социальных проблем, противоречий и конфликтов. Решение этих задач должно способствовать расширению социального кругозора курсантов, повышению уровня социальной культуры, воспитанию преданности долгу и служению народу, гордости за свою профессию, выработке навыков социальной ориентации и анализа, а также умению использовать научные знания в повседневной и служебной деятельности.

Преподавание политологии способствует формированию у курсантов политической культуры, показателями которой являются политическая грамотность и активность в политическом самообразовании; умение вести дискуссию, оценивать общественные явления с общечеловеческих и гражданских позиций, отстаивать и пропагандировать свои политические убеждения, добиваться единства политической сознательности и действия. Политическая культура требует воспитания целеустремленности, активности, ответственности и организованности, честности и сознательной дисциплинированности.

Общая задача предмета «Политология» состоит в том, чтобы курсанты умело использовали полученные в ходе обучения знания в вопросах политического анализа и политической ориентации. Необходимо, чтобы курсанты твердо уяснили, знали и понимали важность и значение политологических знаний в условиях форсированного процесса политизации общества, образования правовых государственных структур. Они должны знать историю развития политологической мысли, иметь представления о политических процессах и явлениях, как на международной арене, так и в своей стране. Решение этих задач будет способствовать пониманию тех политических процессов, которые происходят в стране и за рубежом, расширению

диапазона политического кругозора, умению в любых политических проблемах, конфликтах и процессах уяснить их сущность, находить причины, их породившие.

Политология позволяет сформировать в сознании курсантов знания закономерностей политического развития, сущности и видов власти; представления о политических нормах, о проблеме разделения властей; осведомлять об истоках политических взглядов, идей, теорий, причин политической борьбы, о роли политических партий, движений, объединений. В аспекте гражданского воспитания особое значение имеют вопросы: соотношения морали граждан в политической жизни страны, роли самоуправления, различий политических и неполитических отношений; разъяснения и разоблачения способов политического давления на сознание в СМИ, формирование у студентов критического отношения к любым идеологиям и политическим течениям, программам политических партий, изучение способов организации политических технологий.

Наиболее важное значение в рамках нашего исследования имеет раздел курса, связанный с гражданским обществом, его происхождением и особенностями становления в России.

Гражданское общество – самый сложный социальный организм, развитие которого требует не одно десятилетие. Традиционное гражданское общество исторически формируется на основе идеи патриотизма, национальных культурно-исторических традиций, религиозно-нравственных взглядов и чувств, осознания недостаточности существующих прав и свобод для процветания и дальнейшего развития личности, общества и государства. В процессе такого осознания общество опирается на философию естественного закона и естественной свободы, составляющих основы гражданского патриотизма, естественного стремления к счастью, обладанию частной собственностью, естественного природного равенства, права каждого на самоопределение.

В современном понимании гражданское общество – это социальное пространство, в котором действуют относительно независимые от государственной власти организации, ассоциации, способные вести социально-политический диалог как с государственными органами, так и между собой. Благодаря такому диалогу происходит включение граждан в управление обществом,

складываются условия для удовлетворения частных и общественных интересов. Утверждая приоритет личного над общественным, индивидуального над коллективным, гражданское общество в то же время видит свою задачу в укреплении связей между людьми, в их ориентации на заботу не только о личном, но и общественном благе. Гражданское общество, отмечают зарубежные исследователи, – это пространство, где люди овладевают искусством сотрудничества, это пространство, где могут развиваться ассоциации, которые создают основу совместных политических действий: попечительский совет, совет профсоюзов, совет общины и т. д. Это пространство, где могут вместе работать и добровольно преодолевать свою безответственность и эгоизм.

Изучая дисциплину «Экономика», важно обратить внимание курсантов на необходимость овладения профессиональной мобильностью, конкурентоспособностью, на способы поведения человека в период экономического кризиса, способы защиты экономических прав человека, на ответственность за экономические преступления, уклонение за неуплату налогов; на способы достижения успеха на рынке труда.

Курсанты должны осознать, что экономика, оторванная от морали и нравственности, из эффективной превращается в регressiveную. Экономическая безграмотность изначально обрекает человека на более сложный, зачастую аморальный и криминальный путь. Учащимся необходимо понять проблемы соотношения материальных и духовных потребностей человека и общества, связи материального благополучия человека и развития экономики страны, ее экономической безопасности.

Дисциплина «Экономика» имеет целью в тесном взаимодействии со всем комплексом естественных, общественных и юридических наук, изучаемых в вузе, сформировать у курсантов научное мировоззрение, высокий уровень общей экономической культуры. Среди основных задач курса – приобретение курсантами знаний об основах экономики и предпринимательской деятельности, о функционировании экономических систем и их субъектов, осознание значения экономики для укрепления стабильности государства, формирование у учащихся экономического мышления; вооружение их основами знаний о закономерностях рыночной

экономики и умениями применять экономические знания при решении практических задач, стоящих перед УИС.

Дисциплина «Иностранный язык» включает в себя изучение истории и культуры другого народа, знакомит курсантов с наиболее распространенными за рубежом формами и методами социализации, приучения к выполнению гражданских обязанностей, способами стимулирования моделей поведения, одобряемых обществом, опытом гражданского образования и воспитания, приводит примеры гражданской активности зарубежных студентов, организации студенческого самоуправления, взаимоотношений студентов с «большим обществом», традициями, опытом предупреждения и разумного разрешения общественных конфликтов.

Дисциплина «Введение в специальность» имеет целью ознакомить курсантов с основами избранной ими профессии, ее современными требованиями к личности специалиста; сформировать начальный уровень правовой культуры как совокупности социально полезных и профессионально важных качеств, находящих свое проявление в повседневной жизни и служебной деятельности, основанных на знании законодательства и внутренней потребности в соблюдении законов, их правильном понимании и применении. Главная задача дисциплины – дать курсантам знания, необходимые для практического применения правовых норм в ходе выполнения служебных и будущих юридических обязанностей.

Общие задачи курса:

- ознакомление с основными правовыми понятиями;
- получение знаний о юридических профессиях и видах юридических работ;
- формирование у курсантов глубокого понимания роли и места правовых знаний в общей системе знаний юриста – сотрудника УИС;
- воспитание курсантов в духе уважения Конституции и законов Российской Федерации, норм международного права; потребности соблюдения правовых норм и т. д.

Такая дисциплина, как «Психология и педагогика», способствует формированию у курсантов представления о сущности гражданского самосознания, гражданского достоинства, о роли самообразования, самовоспитания в достижении успеха в профессиональной карьере; вооружению

учащихся знаниями о технологиях гражданского образования и воспитания; развитию понимания сущности гражданственности как метакачества личности, а также способов его формирования. Одним из важнейших признаков гражданственности является наличие гражданской позиции личности. Ядром данного понятия является гражданское самосознание, которое, органически сочетаясь с нравственными чувствами, выражается в поступке, в активной деятельности, направленной на утверждение демократических взглядов, идеалов, ценностей.

Формирование гражданственности, гражданского самосознания означает развитие способности личности самостоятельно оценивать на основе полученных знаний уровень цивилизованности общества, его гражданской культуры, степень утверждения в его жизнедеятельности демократических ценностей, способности противостоять действительности, если она не соответствует его мировоззренческим, морально-этическим идеалам.

Преподавание и изучение психологии и педагогики призвано обеспечить понимание основных сущностных характеристик психических и педагогических явлений и умение опираться на них при принятии и реализации решений в выполнении воспитательных и служебных задач. Общей задачей дисциплин является формирование позитивного отношения выпускников к государственной службе, способности к выявлению и учету психологических и педагогических факторов в своей индивидуальной практике и в деятельности подразделений.

Во всех указанных дисциплинах заложен достаточно большой культурообразующий потенциал для формирования правовой культуры, гражданственности будущего специалиста. Так, при изучении истории курсанты знакомятся с историей развития права в государстве, уясняют причины, препятствовавшие превращению России в правовое государство, изучают ход судебных и административных реформ. В ходе изучения экономики рассматривается экономическое и юридическое понятие собственности, механизмы регулирования труда, требования Трудового кодекса России. Изучая философию, курсанты узнают объективные причины возникновения, становления и развития государства и права, их сущность, содержание и функции. Важным является раскрытие структуры правового сознания,

его относительной самостоятельности, обращение внимания на характер взаимоотношений в системах «государство и личность», «человек и общество», «человек – человек». В процессе же изучения психолого-педагогических дисциплин учащиеся знакомятся с проблемой формирования правосознания личности, начиная с преодоления правовой безграмотности, устранения причин, способствующих криминализации общества и разрушению личности, и заканчивая возможностью развития у наших сограждан таких качеств, как самоконтроль, самодисциплина, рефлексия.

Таким образом, даже беглый взгляд на возможности, заложенные в основных дисциплинах, показывает на необходимость их корректировки в плане целенаправленного формирования правовой культуры, гражданского самосознания курсантов.

С нашей точки зрения, для успешного формирования правовой культуры и гражданственности будущего специалиста УИС необходимо, чтобы в процессе изучения не только рассмотренных, но и иных дисциплин преподаватели стремились формировать у курсантов способность жить и действовать в правовом государстве и в гражданском обществе; содействовать освоению учащимися ценностей мировой и национальной культуры, воспитывать их в духе уважения прав и свобод человека, ответственности; формировать социальные навыки ненасильственного разрешения конфликтов, а также убеждение в необходимости стремления к активным действиям и к правовому совершенствованию общества.

Желательно стремиться к тому, чтобы курсанты в процессе обучения приходили к выводу о том, что без воспитания правовой культуры личности и общества не может быть успеха в правовых реформах, в демократизации и гуманизации общества, в построении правового государства.

Изучение состояния проблемы воспитания гражданственности курсантов обусловило проведение анализа организации воспитательной работы в Самарском юридическом институте.

Так, в концепции воспитательной работы в Самарском юридическом институте ФСИН России [5, стр. 37] отмечается, что воспитание курсантов должно быть направлено на достижение двух взаимосвязанных целей – обеспечение процесса социализации гражданина общества и поддержку

процесса индивидуализации личности.

Основными целями и задачами воспитательной работы являются: раскрытие, формирование и развитие высоких деловых, нравственных, гражданских, творческих и профессионально значимых качеств обучающихся и сотрудников, привитие им навыков развивающейся самоорганизации и общественного управления, стремления к постоянному совершенствованию, выявление и устранение негативных процессов, происходящих в социальной среде и в личности, подготовка сотрудника, отвечающего моральным и деловым требованиям, изложенным в квалификационных характеристиках.

Воспитательная работа строится на основе соблюдения следующих основополагающих принципов: гуманизма, субъектности, сотрудничества, культурообразности, рефлексивности, реальности, систематичности, непрерывности и преемственности, наглядности.

При рассмотрении основ воспитательной работы в Самарском юридическом институте необходимо помнить о специфике данного учебного заведения, которое готовит будущих офицеров – сотрудников УИС России. И несмотря на то, что процесс воспитательной работы в указанных учебных заведениях ФСИН России не является специальным предметом нашего исследования, мы считаем необходимым проиллюстрировать указанную особенность на примере дисциплины «Тактико-специальная подготовка», в рамках которой решаются задачи воинского воспитания курсантов Самарского юридического института ФСИН России.

Воинское воспитание находится в тесной взаимосвязи с правовым и гражданским воспитанием. Так, вне правового воспитания не может быть воспитания воинского, и наоборот. Такое положение обусловливается прежде всего тем, что организация службы сотрудников УИС во многом определяется государственными законами. Утвержденные высшим органом государственной власти общевоинские уставы имеют также силу законов. Правовое воспитание имеет своей целью сформировать у специалистов УИС уважение к закону, стремление неукоснительно и четко выполнять его требования. В этом аспекте задачи воинского воспитания, особенно в области укрепления дисциплины, во многом совпадают с задачами правового, гражданского воспитания, дополняют их.

Основными компонентами содержания воинского, правового и гражданского воспитания являются:

- формирование у курсантов непоколебимой верности принятой присяге и уставам, неуклонное следование их требованиям как в мирное время, так и в условиях войны; готовности любой ценой выполнить свой воинский долг вплоть до самопожертвования;
- развитие постоянного стремления к овладению своей профессией, к отличному освоению специальной техники, оружия и способов их применения;
- выработка у курсантов высокой дисциплинированности, беспрекословного повиновения; упрочение товарищества;
- формирование морально-боевых качеств: стойкости, мужества, отваги, способности переносить суровые испытания;
- воспитание личного состава в духе гордости за принадлежность к структуре Минюста России.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в вузовских дисциплинах заложен достаточно большой потенциал для решения задач формирования правовой культуры и гражданственности курсантов. Необходимо только, чтобы материал, заложенный в них, не «подавался» разобщенно, бессистемно, нецеленаправленно. При этом оптимальным является такой способ проектирования и организации образовательного процесса, в котором учащийся выступает в качестве субъекта деятельности наряду с преподавателем, а его личностное развитие выступает как одна из главных образовательных целей.

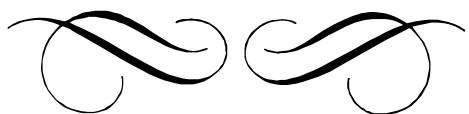
Опираясь на изложенное, можно определить следующие направления педагогической деятельности:

- активизация интереса и ценностное осмысление курсантами научного, правового знания, знания о человеке, о собственном «Я»;
- формирование целостного представления о правах и обязанностях гражданина, офицера, сотрудника УИС, юриста;
- воспитание этических и правовых норм поведения в профессиональной деятельности и межличностном общении;
- пропаганда общечеловеческих ценностей, основанных на достижениях мировой культуры;
- развитие способности курсантов к соотнесению своей жизненной, правовой, гражданской позиции и ценностей с установками и жизненными позициями и ориентациями других людей;
- формирование способности к целеполаганию, прогнозированию, к адекватной оценке себя как человека и профессионала, к самоконтролю в деятельности и ее регуляции;
- воспитание педагогических, коммуникативных, организационных способностей, опирающихся на умение осваивать и преобразовывать накопленный профессиональный опыт;
- развитие у курсантов способности к рефлексии, направленной на самопознание, оценку будущим юристом себя, своего «Я», своих поступков, всей служебной и юридической деятельности.

Список литературы

1. Байниязов Р.С. Роль правосознания в гражданском обществе // Правоведение. – 2004. – №7.
2. Гасанов З.Т. Проблемы воспитания патриотизма, дружбы народов, веротерпимости // Педагогика. – 2001. – №4.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. – М.: Юристъ, 2001.
4. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – Л., 1996.
5. Концепция воспитательной работы в Самарском юридическом институте Минюста России. – Самара, 2001.
6. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от контраста цивилизаций к цивилизационному содружеству // Журнал Российского права. – 2008. – №8.
7. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – №1.
8. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – №1.

9. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л., 1983.
10. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л., 1988.
11. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Методологические проблемы. – Саратов, 1989.
12. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона. – СПб., 2002.
13. Сальников В.П., Стремоухов А.В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – №4 (8).

АРТАМОНОВА Галия Калимовна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,

доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: АНАЛИЗ ПРИЧИННОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать причинную взаимосвязь между правосознанием личности и ее юридически значимым поведением. Показываются различные проявления этой взаимосвязи, подробно исследуются подходы различных авторов к определения понятия и общей характеристики общественного и индивидуального правосознания, говорится о зависимости правосознания от законодательства и права, о классификации правосознания. Даётся общая характеристика правосознания общества, групп и индивидов, выявляется зависимость правомерного и противоправного поведения личности от уровня ее правосознания, подчеркивается то обстоятельство, что правовое поведение выступает отражением устойчивых свойств личности и характерных особенностей внешней среды, идет речь о возможности влияния на эти явления как причины соответствующего поведения.

Авторы ведут речь о различных элементах, которые включают в себя правосознание личности.

Ключевые слова: правовое сознание; правовое поведение; причинность; причинный анализ; правовое поле; личность; социализация; правовой прогресс; законодательство; субъект права.

ARTAMONOVA G.K.
GORBASHEV V.V.
RETUNSKAYA T.P.
REUF V.M.

LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL CONDUCT: ANALYSIS OF CAUSAL RELATIONSHIP

The summary. The article makes an attempt to analyze the causal relationship between personal legal consciousness and its legally relevant behavior. Various manifestations of this relationship are shown, approaches of various authors to the definition of the concept and general characteristics of social and individual legal consciousness are researched in detail, the dependence of legal consciousness on legislation and law is concerned, classification of legal consciousness is considered. The general characteristic of legal consciousness of society, groups and individuals is given, the dependence of personal lawful and lawful conduct on the level of its legal consciousness is revealed, the fact that lawful conduct presents a reflection of persistent characteristics of personality and specific features of external environment is emphasized, the point at issue is the possibility of influence on these phenomena as a cause of relevant conduct.

The authors discuss various elements which include the legal consciousness of the individual.

Key words: legal consciousness; legal conduct; causality; causality analysis; legal framework; personality; socialization; legal progress; legislation; subject of law.

«Исторически в развитии юридической науки дело обстояло таким образом, что гораздо раньше стали изучать причинные связи между поступком человека и его социальными и правовыми последствиями» [13, стр. 89], – пишет В.Н. Кудрявцев. Однако, очевидно, что причины юридически значимых поступков – одна из важнейших научных проблем.

Следует отметить, что социальное тело обладает социальными амбициями, соответствующими социальной массе. Социальные амбиции являются определяющим фактором при формировании правовых ожиданий. Уровень амбиций социального тела обратно пропорционален уровню социального страха. Соответственно, при усилении социального страха снижается уровень социальных амбиций и, соответственно, правовых ожиданий и наоборот. Чем выше уровень социальных амбиций, тем выше уровень правовых ожиданий, тем сильнее спрос на права, тем динамичнее развивается общество и тем острее правосознание. Чем ниже уровень социальных амбиций, тем выше социальный страх, а значит, ниже уровень правовых ожиданий, ниже уровень правового комфорта и вероятнее наступление диктатуры.

Право порождается сознанием, но не общественным сознанием, а сознанием властвующего социума. Попадая в правовое поле – поле общественной системы, субъект социальности, в особенности личность, получает новую потребность – потребность в свободе [20]. Главным интересом субъекта социальности, пребывающего в условиях общественной системы, можно назвать правовой интерес, а источником правосознания, а также правового поведения личности, является право [6; 5; 4]

Ю.Г. Ткаченко, основываясь на множестве определений правосознания, делит все на два основных массива. «Кто определяет правосознание как знание права и отношение к праву, а также тех, кто видит в правосознании прежде всего юридические мотивы или интересы» [21, стр. 52]. Примером первого направления является определение, которое дает В.А. Щегорцов: «...правосознание состоит из познавательных, волевых и оценочных элементов, образующих правовые знания и отношение к действующему праву, различным правовым явлениям, к правовой надстройке в целом и ее составным частям» [23, стр. 63]. Примером второго – определение Д.А. Потопейко: «...правосознание – это явление,

которое порождено потребностью регламентации поведения людей в определенных отношениях общения посредством установления юридических прав и обязанностей участников этих отношений» [18, стр. 40]. Думается, что именно правосознание порождает потребность в правовой регламентации. В итоге правосознание предстает в виде явления, порождающего «потребность регламентации поведения». Г. Гегель указывал, что «в тех случаях, когда жизнь большой массы людей оказывается ниже известного уровня существования, который сам собой устанавливается как необходимый для члена общества, а это ведет к потере чувства права, правомерности и чести обеспечивать свое существование собственной деятельностью и собственным трудом, возникает чернь, что, в свою очередь, способствует концентрации несметных богатств в немногих руках... Бедность сама по себе никого не делает чернью; чернь определяется лишь связанным с бедностью умонастроением, внутренним возмущением, направленным против богатых, против общества, правительства... Тем самым в черни возникает зло, которое состоит в том, что у нее отсутствует честь, заставляющая человека обеспечивать свое существование собственным трудом, и она тем не менее претендует на обеспечение своего существования как на свое право. Природе человек не может предъявить свои права, но в обществе лишения подчас же принимают форму не права по отношению к тому или другому классу» [10, стр. 270-271].

Правовое сознание, прежде всего, связано с законодательством, позитивным правом. Но так или иначе правовое сознание обязательно связано с правом. Правосознание не является порождением «потребности в регламентации»; наоборот, именно правосознание порождает потребность в правовой регламентации. Таким образом, структура механизма правосознания можно представить так: «Правовой комфорт – Правосознание – Правовые ожидания».

Следует различать правосознание личности, группы, социума, общества и иных субъектов социальности. Правовое сознание общества, очевидно, является доминирующим в процессе формирования правосознания социумов, групп и личностей. Естественно, правосознание личности, группы, социума – первично в создании самого права.

Говоря о правосознании, имеют в виду ту сферу человеческого сознания, «в которой как-либо отражаются явления правовой жизни нашего общества, и которое служит источником правовой активности членов этого общества, внутренним регулятором их правового (или противоправного) поведения... обычно имеют в виду, говоря о правосознании» [19, стр. 178- 187; См.: 8; 15, стр. 3-16; 17, стр. 10-15; 9, стр. 59-71; 2, стр. 5-12; 3, стр. 12- 23; 12, стр. 26-28; 14; 16, стр. 95-112; 22, стр. 629-638; 24, стр. 69-74; 1, стр. 54-58; 7], – пишет А.Р. Ратинов.

При рассмотрении правосознания с точки зрения предмета отражения выделяются сферы правосознания, соответствующие разным отраслям права и различным видам правоотношений. Социальная действительность отражается в сознании людей: в виде различных продуктов познания и в виде различных отношений к этой действительности. Учитывая способ отражения правовых явлений в структуре правосознания, выделяют познавательную часть (знания, идеи) – правовоззрение; а также социально-психологическую (переживания и т. д.). В реальной жизни все стороны сознания (общественного либо индивидуального) едины и неразделимы, как неделим сам общественный организм. Как утверждал А.Р. Ратинов, «закономерно предположить наличие локальных элементов правосознания, которые носят районный характер, обусловлены местными особенностями... При рассмотрении правового сознания с точки зрения его принадлежности определенным субъектам возникает необходимость различать конкретных носителей и соответственно этому – правосознание общества, групп и индивидов. Взаимоотношения их между собой определяются категориями общего, особенного и личного».

И.Е. Фарбер писал, что «общественное сознание отличается по своим формам: политическое, правовое, моральное и иные формы сознания. Индивидуальному сознанию такое различие не свойственно». Относительно правосознания личности А.И. Долгова выделяет такие, как знание права, правовые представления, отношение к действующему праву, требования, предъявляемые к праву, отношение к исполнению правовых предписаний. При этом утверждает, что «эти элементы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Так, степень знания права влияет на характер представлений о правомерном и

противоправном, на отношение к праву и исполнению его предписаний. Правовые требования зависят, в том числе, от знания правовых представлений, отношения к действующему праву и исполнению его предписаний [11, стр. 198-199].

В.А. Щегорцов пишет, что «для характеристики личности недостаточно ориентироваться только на имеющиеся у человека правовые знания. Последние являются предпосылкой свободы выбора, но сами по себе они еще не определяют выбор варианта поведения в сфере права. Важнейшей особенностью правосознания является то, что оно включает в себя не только знание и понимание правовых явлений, норм действующего права, осознание членами общества возложенных на них прав и обязанностей, но и определенное отношение к различным правовым явлениям и нормам права, выражющееся в высказываниях и поступках людей» [23, стр. 101-102]. По его мнению, социально правовая активность выступает, с одной стороны, как сфера формирования правосознания, а значит, содержит в себе его характеристику.

А.И. Долгова пишет, что «при рассмотрении регулирующего влияния правосознания на поведение индивида недостаточно исследовать только правосознание в статике; глубокое изучение правосознания в динамике предполагает исследование социально-правовой установки, ее правовой ориентации» [11, стр. 198-199]. При этом правосознание в динамике подразумевает несколько элементов, такие как: правовые знания, представления, мнения, требования; заинтересованность в соответствующем отношении к праву и практике его применения; готовность практически действовать в направлении соответствующего отношения к праву.

Правовое сознание служит не только ориентиром для правовых отношений, но и для иных общественных отношений. Помимо ранее сказанного есть еще один элемент правосознания личности – это ее отношение к субъектам права.

Когда между условиями формирования личности и ее поведением существует прямая и динамическая связь, то человек, формировавшийся в отрицательной среде, неизбежно станет преступником, и не надо «зря тратить время» и ставить под угрозу общество, ожидая совершения им противоправного деяния, т. е. динамические закономерности неизбежно ведут к фатализму. Признавая статистический характер причинных связей, мы принципиально отвергаем фатализм. Преступное поведение может появиться лишь в массе явлений, в статистической совокупности всех лиц, чье формирование происходило при неблагоприятных условиях. Вместе с тем, необходимо признать, что правомерное или противоправное поведение не является необъяснимой случайностью, а есть отражение устойчивых свойств данной личности и характерных особенностей внешней среды. «Следовательно, существует возможность, воздействуя на эти явления, как на причины того или иного поведения, предупредить нежелательные явления и способствовать позитивному, общественно полезному поведению людей» [13, стр. 95-97].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что правосознание личности включает в себя следующие элементы: правовое представление; знание права; требования, предъявляемые к праву; отношение к действующему праву; отношение к исполнению правовых предписаний; отношение к субъектам права; готовность к правовым интеракциям.

Список литературы

1. Андреев А.А., Андреева О.А. Право и правосознание в единстве и развитии // Философия права. – 2005. – №3.
2. Байниязов Р.С. Роль правосознания в гражданском обществе // Правоведение. – 2004. – №7.
3. Байниязов Р.С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. – 2001. – №5.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб, 2005.
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
7. Баширов Т.А. Российское правосознание: социально-философские аспекты становления и развития. – Уфа, 2007.
8. Бегин В.И. Общественное правосознание и государственность. – Саратов, 1993.
9. Вопленко Н.Н. Правосознание юриста и проблема его деформаций // Вопросы теории государства и права.

- Межвуз. сб. науч. тр. Вак. 3. – Саратов, 2001.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. / Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990.
11. Долгова А.И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Проблемы социологии права / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чипас. – Вильнюс, 1970. Вып. 1.
12. Клименко И.А. Изучение форм проявления правосознания и критериев оценки его сформированности // Человек в социальном мире. – 2001. – №2.
13. Кудрявцев В.Н. Причинная связь в правовой сфере // Методологические проблемы советской юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1980.
14. Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. – М., 2001.
15. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. – 1994. – №2.
16. Мигущенко О.Н. Правосознание: сущность явления. Явление сущности // Право и образование. – 2002. – №3.
17. Олейников В.С. Генезис правосознания личности (философско-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – №2.
18. Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. – Киев: Наукова думка, 1970.
19. Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания // Проблемы социологии права / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чипас. – Вильнюс, 1970. Вып. 1.
20. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство. – СПб., 2005.
21. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М., 1980.
22. Шаповалов И.А. Право и правосознание: проблема системного единства // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2004. – №2.
23. Щегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981.
24. Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. – 2005. – №7.

ПРИПЕЧКИН Виктор Владимирович,
профессор кафедры социологии и политологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат исторических наук, профессор
E-mail: pripechlin@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется социологический подход к пониманию права. Автор подробно исследует этапы зарождения и развития данного типа правопонимания, указывает на его актуальность и важность, обосновывает целесообразность определения статуса такой науки, как социология права.

Ключевые слова: право; тип правопонимания; развитие правопонимания; социологический тип правопонимания; социология права.

PRIPECHKIN V.V.

HISTORY OF FORMING THE SOCIOLOGICAL APPROACH TO LAW

The summary. The sociological approach to understanding the law is considered and analyzed in the article. The author carries out a detailed research in the stages of formation and development of this law awareness type, points to its relevance and importance, substantiates the feasibility of determining the status of this science as sociology of law.

Key words: law; law awareness type; law awareness development; sociological type of law awareness; sociology of law.

В силу объективных причин процессу зарождения, становления и развития социологии права в трудах Э. Дюркгейма, Е. Эрлиха, М. Вебера и других социологов предшествовала весьма продолжительная философская предыстория, в рамках которой, начиная с древних времен, происходило осмысление феномена права, его источников и содержания.

В наше время происходит сложный и болезненный ход эволюции взглядов и представлений людей на все сферы общественной жизни, включая взгляды социологического характера в области права. Развитие интеграционных и информационных процессов в науке ведет к познанию зарубежных исследований в социологии права, творческому их анализу, осмыслинию и применению.

Предпосылки и формирование социологии права

Первые философские взгляды о праве появляются еще до возникновения в Древнем Риме юриспруденции. Тогда же стали закладываться предпосылки основных философских подходов к праву: естественно-правового, легистского и др. Причем философское осмысление феномена права осуществлялось в тесной взаимосвязи с государственно-правовой практикой и на основе рефлексии об особенностях устройства и функционирования первых политических образований в истории цивилизованного человечества.

Рассмотрение появления и эволюции правовых взглядов нельзя отрывать от политической практики зарождения и деятельности древнейших

государственных форм, явившихся прародителями современных государств.

Формирование первых правовых представлений происходило посредством первоначального осмысления эмпирического политico-правового опыта и попыток философского обновления содержания первых нормативно-юридических установок. Впоследствии по мере создания общественных условий, выработки политico-правовой культуры стали формироваться систематизированные философские теории права.

Принято считать, что первые в истории человечества правовые идеи появились в царстве ЛАГАШ в 2360 г. до н. э. вместе с законами этого государства.

Позднее в XVIII в. до н. э. были изданы знаменитые законы Вавилонского царя Хаммурапи.

Хорошо известны законы древнегреческого царя СОЛОНА, появившиеся в 594 г. н. э. не только в Средиземноморье, но и в древних Индии и Китае появились свои правовые установления.

Так, в I тыс. до н. э. появились знаменитые индийские Дхармашастры, ставшие первыми источниками правовых норм, основывавшихся на священных Ведах, традициях, жизненном опыте и обычаях добродетельных людей.

Синтез религиозных установлений и традиционных норм содержится еще в одной правовой теории – КОНФУЦИАНСТВЕ (VI в. до н. э.).

При всей значимости названных исторических феноменов нельзя ни заметить того, что все они не явились тематизированными попытками обосновать философско-правовые постулаты [5, стр. 125].

По мнению Ж. Карбонье впервые социологическая институция проявилась по вопросам права у античных софистов. Так, Гераклит «с успехом применил к правовым явлениям свое учение о противоположностях, конфликтах, диалектике справедливого и несправедливого». Люди от природы наделены чувством справедливости, которому они призваны следовать в своей жизни, утверждал он.

К предшественникам правовой социологии Ж. Карбонье относит Платона, который в теории полиса и закона указал на необходимость существования разумных и справедливых законов.

Платону принадлежит мысль, что близкая гибель ждет то государство, которое находится под

властью не закона, а пристрастных людей.

В IV в. до н. э. Аристотель в своем трактате «Политика» ввел понятие «политическая справедливость», «естественное право». Он считал, что справедливость, как важнейшая черта закона, проистекает из следования требованиям универсального «номоса». Кроме того, Аристотель внес вклад в подготовку научных основ правовой социологии своими исследованиями по вопросам институтов частного права, например семьи.

Среди античных мыслителей самый яркий след в разработке философско-правовых идей оставил Марк Туллий Цицерон (I в. до н. э.), который прежде всего обращает внимание на утверждение, что в основе права лежит присущая природе справедливость, «вписанная» в души всех людей творцом, призывающая их к исполнению законов, долга и запрещающая им совершать преступления. Такое естественное право возникло раньше государства, которое призвано быть по своей природе воплощением права, т. е. справедливым. Критерием справедливости реального государства является его соответствие требованиям естественного права. Дело Цицерона активно продолжили его ученики, усилиями которых было создано знаменитое «Римское право». Оно стало единством трех правовых начал:

1. Естественного права.
2. Права народов.
3. Гражданского права.

С открытием христианской эры в истории человечества в понимании права были внесены новые идеи. Оно стало рассматриваться под углом зрения создания условий для жертвенной любви к Всевышнему как выразителю нравственных начал в праве, воплощение в нем милосердия, благочестия и справедливости. Сложилась теологическая теория, по которой божественная воля утверждалась через освящаемые святой церковью установления и выражалась в духовно- светском порядке общественного устройства в жизнедеятельности людей.

Среди средневековых мыслителей особое место занимает Аврелий Августин (Блаженный), который не только обосновал широко известную Доктрину двух мечей, но и аргументировал идею сотворенного богом на земле правового порядка, воплощающего идеалы божественной справедливости и благочестия, любви и сердечного служения Всевышнему. Этот порядок

необходим для предупреждения преступных деяний людей.

Еще дальше в теологическом обосновании права пошел Фома Аквинский (XIII в.), который в трактате «О правлении государей» предложил свою теорию права. Право, указал Ф. Аквинский, представляет собой действие справедливости в божественном порядке и существует в трех ипостасях: божественное, естественное и человеческое.

- божественное заключено в священном писании;
- естественное право заложено в людей Всевышним от рождения. Уравнивает их друг с другом и является духовным основанием для появления человеческого права;
- человеческое право воплощается в издаваемых монархом законах и должно соответствовать номам и принципам естественного права.

Таким образом, уже в средневековой философской мысли предпринимались попытки научного обоснования сущности права исходя из божественного содержания его основных ценностей.

В условиях начавшейся эпохи Возрождения стал осуществляться переход от теологического к естественнонаучному истолкованию права. У истоков этой научной традиции стоял знаменитый флорентиец Никколо Макиавелли, который в начале XVI в. разработал новое понимание происхождения политики, государства и права. В трактате «Государь» Макиавелли утверждает о земной, но не божественной основе правовых установлений – законов, указов и др.

Углубил данную разработку в начале следующего XVII в. Гуго Градий. По его мнению, право возникло вместе с государством на основе общественного договора между свободными и независимыми людьми для защиты их естественных прав и свобод, включая право собственности. Он подчеркивал, что, создавая государство и право, свободные люди передали (делегировали) правительству только часть, причем меньшую, своих полномочий, оставив за собой такую долю свобод, прав и полномочий, которая неизмеримо больше и выше переданных государству. Ведь государство и право создаются не для порабощения людей, а для служения обществу и защиты основных прав и свобод

человека. Причем, учитывая экспансионный характер власти, люди не должны ждать от нее милости, а твердо ограничивать ее действия изначально закрепленными за нею функциями.

В конце XVIII столетия Дж. Локк в своей договорной теории государства подчеркивал, что в таком государстве должен господствовать справедливый закон, признающий приоритет естественных прав и свобод человека и защищающих их властными средствами. В противодействии произволу власти, по мнению Дж. Локка, уместны и оправданы любые законные средства и методы, включая судебные процессы. Главным условием и способом гарантирования естественного права и свободы человека является разделение властей на законодательную, правительенную и «союзную». Существование и функционирование самостоятельных и независимых институтов власти – главный гарант политического произвола и вмешательства в частную жизнь людей [2, стр. 213].

Обоснование и логическое завершение принципа разделения властей (законодательную, исполнительную и судебную) осуществил Шарль Монтескье в трактате «о духе законов» (1748 г.). Он показывает соотношение законов, издаваемых государством, на основе рационалистических начал.

Он отмечает, что законы и право обуславливаются совокупностью различных обстоятельств: формой правления, нравами, обычаями, демографическими и природными факторами. Кроме того, ценностям справедливости должны соответствовать все законы, издаваемые государством на основе рационалистических начал.

Политико-социологические и правовые сюжеты встречаются также в трудах таких французских просветителей, как Вольтера, Руссо и Дидро.

Например, Вольтер тяготел к социологии здравого смысла и подчеркивал роль человеческой воли в формировании права и юридических установлений. Он считал, что в юридических актах всегда присутствуют хитрость и обман со стороны властвующих. Он изрек знаменитую формулу, согласно которой законы «делает тот, кому это выгодно».

Ж.Ж. Руссо считал, что существует определенное различие между правами и нормами права, которые несут на себе печать личности законодателя. Поэтому Руссо рассматривал

правовые институты не в Юридическом виде, а в реальном.

Наконец, следует сказать и о Дидро, который прославился замечаниями на проект Свода законов Екатерины II, а также приверженностью идеи эволюционизма в отношении естественного права, которую отразил в своей «Энциклопедии».

Заключительным пунктом философской предыстории правовой социологии стала Классическая немецкая философия в лице И. Канта и Г.В. Гегеля.

И. Кант в своем метафизическом учении о морали и праве осуществил глубокий анализ естественного права. Праву, указывал он, должна принадлежать верховная власть. Аксиомами всеобщего правового состояния граждан в государстве являются:

- свобода каждого человека;
- равенство всех людей как подданных или граждан;
- самостоятельность каждого члена гражданского общества.

На уровень высочайших мыслительных обобщений поднял философию права Гегель в своем трактате «Философия права».

Он указывал, что система права есть царство реализованной свободы, мир духа и его (духа) вторая природа. Гегель разработал оригинальный алгоритм поэтапного развития свободной воли к праву.

1. Начинается это развитие через абстрактную волю личности, посредством которой реализуется абсолютное право человека на присвоение всех вещей.
2. Продолжается через частную волю как мораль и моральные отношения людей.
3. Находит свое завершение это развитие в субстанциональной воле как действительной нравственности, воплощенной в семье, гражданском обществе и правовом государстве.

Таким образом, в рамках философской предыстории права обстоятельно разработаны многие фундаментальные вопросы, связанные с происхождением, природой и сущностью права.

По мере завершения философской предыстории правовой социологии открывается настоящая история последней. В её рамках выделяются:

- период зарождения и становления (40-е гг. XIX в. – 1913 г.).
- период формирования социологии права

(1913 – 1962 гг.).

- период развития и совершенствования социологии права (с 1962 г. по настоящее время) [8, стр. 34].

1. В рамках первого и второго периодов существенный вклад в становление и формирование правовой социологии внесли марксизм, историческая школа права, социологический позитивизм, школа естественного права, социологическая юриспруденция, русская социология и др. теории.

Некоторые авторы считают, что в рамках первого периода зародились и оформились три основные социологические школы права:

- европейская;
- американская;
- русская.

Вероятно, для такой классификации имеются некоторые основания, однако концепции правовой социологии зарождались и формировались не различным столько по географическому признаку, сколько по содержательным критериям.

Рассмотрим историческую школу права (у истоков которой находились Ф.К. Савиньи и Р. Йеринг).

Ф. Савиньи главное внимание уделял идеи «духа народа», который обуславливает на основе обычав и традиций в каждом обществе его правовую систему. Дух народа облекается в юридические формы исторически в процессе постепенного развития общества.

Продолжая его традицию, Рудольф Йеринг определял право в отличие от морали как совокупность юридических норм, исходящих от государства и опирающийся на организованное принуждение, существующих для обеспечения условий общественной жизни. Следовательно, право опирается на силу. Мерилом права служат общественные цели, которым оно служит, а не истина. Далее, Йеринг утверждает, что право выступает также юридически защищенным интересом всего общества, закрепленным в законодательстве, в противовес частным интересам.

Становление социологии права как науки связывают с именами французского философа и социолога Эмиля Дюркгейма и австралийского юриста Евгения Эрлиха.

В своих исходных посылках авторы руководствовались трудами О. Конта, который делил социологию на две части: статику и

динамику.

В будущем идеальном обществе, полагал он, не будет ни права, ни субъективных прав человека, которые неизбежно влекут за собой противостояние личности другим людям, способствуют развитию эгоизма. Он обосновал один из основных принципов социологии права, согласно которому законы должны выводиться из опыта социальной жизни. Социальное научное познание, в том числе и познание права, надлежит осуществлять с использованием методологии точных наук.

Основы социологии права получили дальнейшее развитие в работах Э. Дюркгейма.

Во-первых, Э. Дюркгейм предложил:

- рассматривать соотношение общества и личности как целого и части;
- поведение личности в значительной степени зависит от уровня сплоченности общества, называя моральные и юридические нормы, а также типы общественных связей: семейные, государственные, трудовые и др.
- рассматривал право как социальный факт, т. е. правило, выработанное коллективом людей, ставшее для них привычным и опирающееся на государственное принуждение;
- если общество приходит в упадок, находится в кризисном состоянии, то личность предпринимает попытки выйти за пределы социальной солидарности, совершая противоправные действия;
- преступление не есть социальное зло, а наоборот, видел в них «фактор общественного здоровья», поскольку функционирование общества без преступлений вообще невозможно.

Появление социологии права как самостоятельной науки связывается с именем Евгения Эрлиха и его работой «Основы социологии права», изданной в 1913 г.

Заслуга автора состоит в том, что он внес в обосновании социологии права идеи «живого права». «В наше время, как и во все времена, – отмечал он, – центр тяжести развития права... не в законодательстве, не в судебной практике, а в самом обществе». При этом живой нормой признаётся все то, что входит в жизнь, а все остальное – голое учение, догма либо теория.

Исходя из такого понимания права как «живого права», Е. Эрлих:

- определил задачи социологии права,
- обосновывал необходимость непосредственного изучения порядков, самых разных документов (уставов, договоров, соглашений),
- рассмотрел процессы различных правоотношений и судебную практику,
- определил необходимость обучения студентами юридических вузов статистики, социологии и социальной психологии.

Предложение Эрлиха и сегодня актуально для Российской Федерации, где социология права и социальная психология государственным стандартом высшего юридического образования не включены в перечень обязательных для изучения дисциплин.

В XX в. социология права вышла на новые рубежи. Теоретические исследования были дополнены масштабными конкретными социально-правовыми исследованиями. Наибольших успехов добились юристы и социологи в изучении проблем социологии права, законодательной и судебной социологии, эффективности норм права. В середине и конце XX в. социология права интенсивно разрабатывалась четырьмя научными школами:

- социолого-институциональной;
- pragmatической;
- реалистической;
- эмпирической.

Институциональная социология права

Данная школа рассматривает общество как совокупность, механическое объединение различных институтов (государства, общественной организации, спортивного клуба и т. д.), которые имеют свое право как государственное, так и вопреки ему (обычай, который в свою очередь может быть отменяющим или созидающим). Отменяющий обычай – созданная институтом норма взамен правовой нормы, фактически утратившей силу, но еще не отмененной решением правотворческого органа [1, стр. 225].

Созидательный обычай становится после того, как будет положен в основу новой нормы, принятый компетентным органом государства.

Среди наиболее видных представителей данного направления можно назвать Жоржа Гурвича и Питирима Сорокина.

Основу социологии права Ж. Гурвича составляет учение о социальном праве, под которым понималось право, созданное различными общественными образованиями (социальной

группой, классом, международным сообществом.)

Идеал социального права Ж. Гурвич видел в трудовом и международном праве, основанном на сотрудничестве, доверии, интеграции. Реальность права как особого явления социальной действительности он видел в выражении в непосредственном юридическом опыте и нормативных актах.

Непосредственный юридический опыт образуют некие коллективные акты.

Признаки этого опыта он видел в следующем: юридический опыт всегда является коллективным в силу самой структуры права. Этот опыт может возникать как в процессе осознанных действий, так и спонтанно.

Возникающие из юридического опыта нормативные регуляторы носят представительно-обязывающий характер. Признак двусторонней связи между субъектами правоотношений, в котором одна сторона обязана совершить определенные действия в пользу другой стороны, а правомочная сторона имеет право требовать исполнения этой обязанности. Ж. Гурвич под системой социального права понимал не только негосударственные социальные нормы, но и правосознание классов, социальных слоев, групповые установки и др.

Американский социолог и юрист П. Сорокин, разделяя методологические и теоретические положения Ж. Гурвича о соотношении права и институции (право как результат деятельности Конституции), утверждал: право является основой, сердцем и душой всякой организованной группы, будь то семья, церковь, школа или организованная группа преступников, ибо генезис нормы права автор видит не в выражении общей воли или общего интереса, а в осознании человека, его переживаниях определенных ситуаций как правовых. Такие ситуации имеют место всякий раз, когда один участник отношений признает себя правомочным по отношению к другому, а другой участник выступает в роли обязанной стороны, т. е. они находятся в атрибутико-императивной связи.

Превращает право в основу общества, его многочисленных коллективных образований (союзов), а само право низводит до уровня правовых установок или психологических переживаний субъектами правовых ситуаций. Он активно пропагандировал идею о социологии права как интегративной отрасли, призванной соединить все гуманитарное знание в единую, целостную

науку.

Не подвергая глубокому анализу данную концепцию социологии права, нельзя не отметить два существенных недостатка.

1. Отрижение лидирующей роли права, установленных государством в системе иных социальных регуляторов общественных отношений, которая является в современном обществе очевидной и бесспорной.
2. Отсутствие механизмов, способных гарантировать реальное действие норм права в конкретных отношениях.

Ввиду отмеченных упрощений действительной роли государства в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, социология права подходит к изучению правовой действительности односторонне и не способна подняться на уровень глубоких теоретических обобщений.

Прагматическая социология права

Прагматический подход в социологии права получил развитие в трудах американских юристов Оливера Холмса и Реско Паунда.

Основой такого подхода явился прагматизм, согласно которому истинным в познании является то, что признается полезным, удовлетворяющим субъективные интересы личности, коллективных образований.

С точки зрения юристов-прагматистов, право не имеет никакого самостоятельного значения вне предметно-практической юридической деятельности судей и государственных органов. В процессе принятий решений по делу судья не формально-логически руководствуется той или иной нормой права, а вносит элементы собственного усмотрения сообразно его правосознанию, чувствам и эмоциям.

Согласно концепции Р. Паунда современное право имеет три аспекта:

- 1) правопорядок как систему установленных отношений, поддерживаемых систематическим применением силы органами государственной власти;
- 2) законы, которыми руководствуется судья при вынесении своих решений;
- 3) процесс отправления правосудия и деятельность административных органов государства.

Право как система норм права трактуется Р. Паундом широко. В нее входят не только законы, др. нормативные акты, но и доктрины,

высказывание видных ученых, авторитетное мнение практических работников. Все эти нормы без какого-либо исключения могут использоваться судами. Более того, опора суды на действующие нормы имеет свои преимущества, поскольку позволяет ему использовать предшествующий нормотворческий опыт. Однако правосудие в чистом виде существует лишь тогда, когда судья принимает решение по своему усмотрению, не связывая себя действующим правом, т. е. при понимании права в третьем аспекте – как деятельности суда.

Значение изложенной трактовки права Р. Паунд видел в том, что она способствует позитивному решению проблемы, над которой бьются все современные государства, – таким образом обеспечить праву стабильность при его постоянном совершенствовании, приспособлении к меняющимся условиям реальной жизни. Совместить эти два несовместимых процесса, по мнению Р. Паунда удается благодаря третьему аспекту права, при «осуществлении правосудия без права», когда суд действует по своему усмотрению, не будучи связанному с законом.

Далее Р. Паунд указывал, что «осуществление правосудия без права» удается сохранить в правовом поле благодаря четко установленным целям права. Цели же права он видел в том, чтобы улаживать социальные конфликты и обеспечивать достижение цивилизованных отношений между людьми.

Социальный контроль в понимании Р. Паунда не является безграничным. Право не может без должных к тому оснований вторгаться в личную жизнь человека, сферу его частных интересов, а также ограничивать действие таких врожденных свойств, как хитрость и ловкость. Суд должен восстанавливать в обществе справедливость. Понятия о справедливости могут меняться в зависимости от конкретных условий жизни и деятельности человека и общества. Поэтому в спорных, конфликтных ситуациях нужен судья, способный определить меру справедливости применительно к специфическим обстоятельствам рассматриваемого конфликта в частноправовых отношениях справедливость понимается одинаково [3, стр. 312]. Судья должен стремиться к единобразному разрешению гражданских дел на основе законов и судебных precedентов.

Прагматическая социология права Р. Паунда не лишена ряда недостатков:

1. В теории Р. Паунда отсутствует сколько-нибудь четкое определение сущности права. Изложенные им три аспекта права находятся в определенном противоречии друг к другу.
2. Задействовав у Эрлиха суть учения о «живом праве», он нарушает его основополагающую идею и признает правом и то, что, по мнению Е. Эрлиха, является таковым, и то, что заведомо является мертвым и действует только на бумаге, в то же время надлежащего обоснования своей позиции Р. Паунда не дает.

Реалистическая теория права

Её лидерами признаются видные американские юристы Карл Ллевеллин и Джером Фрэнк.

Суть метода сводится к изучению деятельности судьи и административных органов, которые, принимая решения по конкретным делам, тем самым творят право. Никакого иного права, в том числе в действующих законах, судебных процессах, не существует. Право, полагает К. Ллевеллин, представляет собой деятельность по разрешению юридических конфликтов, споров между участниками общественных отношений. И люди, осуществляющие эту деятельность, в силу занимаемой должности – судьи, чиновники или юристы – выступают в качестве официальных выразителей права.

К. Ллевеллин определяет право как комплекс элементов, обеспечивающих согласованное поведение членов социальной группы путем погашения конфликтов между членами группы и сохранения ее единства и целостности.

Однако, по мнению реалистов, право не может выступать гарантом своей стабильности и правопорядка.

Фрэнк подчеркивал, что цели, которым призвано служить право, составляет предмет политики, а не правоведения. Хотя после того, как политиками или законодательным органом осуществлен выбор социального идеала, начинает действовать право. При помощи используемых юристами приемов правоприменительной техники осуществляется подбор правовых средств. Таким образом, с точки зрения реалистов, право представляется «как практическое состояние, как механизм выраживающих опосредствующие ценности».

Развивая такое понимание права, реалисты уделяют внимание изучению процесса принятия решений по конкретным делам судьями и иными должностными лицами.

Особый интерес в этом отношении представляют работы Д. Фрэнка, рассматривавшего деятельность судьи в контексте фрейдизма и др. психологических теорий.

Значительная часть теоретических и методологических основ данной школы не соответствует действительным законам функционирования и развития права:

1. Источник права реалистами сведен к правовому сознанию и психическим процессам субъекта, участвующего в правоприменительной деятельности, либо участника конкретного правоотношения.
2. Понимание сущности права, свойственное реалистам, антиисторично для реалистов, современное реальное право предстает в виде индивидуальных решений суда, участников конкретных правоотношений, но в такой форме право существовало лишь на начальных этапах своей истории. Дальнейшее развитие общества, а вместе с ним развития права, объективно потребовали иного способа нормативного регулирования общественных отношений – принятия государственными органами норм права, реальное действие которых обеспечивается принудительной силой государства [7, стр. 54].

Эмпирическая социология права

В начале 60-х годов XX в. складывается новый подход в социологии права, суть которого состоит в разработке методологии и проведении конкретных социально-правовых исследований. Если прежние социологические школы уделяли главное внимание разработке теории социологии права, обоснованию процессов реального действия права и механизмов его реализации, то данное направление социально-правовых исследований сосредоточивалось преимущественно на проведении эмпирических исследований социальных аспектов действия права.

Успех конкретных социологических исследований во многом зависит от методологической и методической оснащенности социолога, его способности выявлять и изучать эмпирические факты в соответствии с требованиями объективности, всесторонности и полноты, репрезентативности.

Большое внимание уделяется разработке приемов, обеспечивающих получение достоверной

информации, его взаимосвязи с другими социальными факторами – методам наблюдения, анализа документов, анкетированию.

К началу 70-х г. XX в. социально-правовые исследования проводились в Скандинавских странах, Италии, США, СССР, Польше, Франции, Германии и др. странах. Характеризуя наиболее значимые направления исследования, выделим три основных:

- проблемы преступности и наказания;
- правовые проблемы семьи и ее членов;
- механизмы правотворчества, правоприменения и реализации права – правовые нормы, судебные решения, иные правоприменительные акты. Имеются исследования юридических профессий, в т. ч. корпуса судей, результативность воздействия правовых средств на население, в частности исследовать уровень правовых знаний, общественное мнение.

Становление и развитие социологического подхода к праву в России

В становлении и формировании социологии права отдельно следует подчеркнуть роль русских социологов в разработке ее базисных положений. Начиная с XIX в. и по настоящее время такие русские мыслители, как И. Ильин, С. Муромцев, Н. Кареев, Б. Кистяковский, Л. Петражицкий, а также советские и российские учёные, как Ю. Гревцов, В. Кудрявцев, В. Лапаева, В.П. Казимирчук, В. Сырых и др. осуществляли активную разработку всего комплекса проблем социологии права. Однако пробуждению интереса юристов и социологов к правовой социологии предшествовало философское осмысление ключевых правовых проблем русскими мыслителями.

Принято считать, что внимание к философской разработке правовых вопросов началось после Крещения Киевской Руси в X в. Так, уже в XI в. Киевский митрополит Илларион в трактате «Слово о законе и благодати» проводит различие между божественной благодатью и законом. Позднее, в начале XII в. Киевский князь Вл. Мономах в своем трактате «Поучения» продолжил рассуждения о глубокой взаимосвязи правды и закона, суда и справедливости. В более позднее время, в конце XIV в. вопрос о соответствии мирских законов идеалам православия и справедливости активно дискутировал духовный лидер Нил Сорский.

В полной мере философское осмысление

сущности права в России началось с петровской модернизации, открывшей путь к европейской цивилизации. Одно из первых упоминаний названной проблематики связано с известным «Наказом» императрицы Екатерины II (1766 г.), в котором она под влиянием идей французских просветителей говорит о естественном праве всех людей на свободу, вольность и одинаковое подчинение одним и тем же законам. Под духом влияния царицы начали активизироваться философские исследования права. Первым профессором права стал С. Десницкий, предложивший уничтожить в Российской Империи сословные права и привилегии, ввести равенство всех подданных перед законом. В этом ключе мыслил Д. Фонвизин, предложивший соединить идею просвещенной монархии с договорной теорией государства и права.

А. Радищев впервые заявил, что источником права являются народ и монарх. Провозглашая права и свободы личности, он считал безнравственным подчинение нарушающим эти права и свободы законам и допустимым насильственное сопротивление, вплоть до бунта, властям, требующим их исполнения.

Первая систематизированная философская теория права была разработана М. Сперанским, который утверждал, что законы призваны обеспечивать правовое единство в государстве, охранять политические и гражданские права людей и регулировать их взаимоотношения с властью. Верховная власть устанавливается для защиты правды, содействия совести и охраны порядка в государстве.

Заметную роль в развитии правовой социологии в России сыграли Б. Чичерин и В. Соловьев, высказавшиеся за идею правового государства и различие положительного и естественного права.

Активное внимание к проблематике правовой социологии в России начали уделять в середине XIX в. в условиях либерализации социально-политического строя, отмены крепостнического права, большое влияние на русских юристов оказали европейские учёные: Рудольф Йеринг, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и др.

Основателем социологии права в России обычно называют М. Духовского, который в 1872 г. призвал к активному изучению обусловленности правовых установлений «действительной жизнью общества».

Одним из первых заявил о необходимости

научного изучения права как социального феномена С. Муромцев. Вслед за ним на актуальность таких исследований обратили внимание Н. Кареев, И. Ильин, М. Ковалевский, Л. Петражицкий.

М. Ковалевский в работе «Социология» целый раздел озаглавил «Социология права», в котором считает право продуктом естественного, еще догосударственного развития общества, обусловленного потребностью к социальной солидарности. Оно выросло в борьбе людей за выживание из реальной потребности в объединении ради самосохранения [4, стр. 327]. В процессе развития таких форм объединения, в конце концов, в общественном сознании выработалось представление о неотъемлемых правах людей. А государство и официальное право, обеспечивая эти права посредством законодательных установлений, стало инструментом во имя социальной солидарности.

Марксистский подход к праву был воспринят революционно настроенной частью российской интеллигенции, которая взяла на себя труд не только развить учение К. Маркса и Ф. Энгельса применительно к условиям конца XIX в., но и реализовать его в практической деятельности, совершив пролетарскую революцию и создав пролетарское государство и право. В конце XIX – начале XX вв. пропагандистами и продолжателями марксистского учения о праве были В. Ленин, П. Струве, Г. Плеханов, Л. Мартов и др.

В. Ленин указывал, что в условиях пролетарского государства буржуазная государственная машина должна быть сломлена, разбита, а буржуазное право – сохранено. Лишь в условиях коммунистического общества, когда будет обеспечено экономическое равенство, буржуазное право отомрёт полностью, но в этих условиях не будет и государства.

Развитие социологического подхода к праву в Советской России (20 – 80 гг. ХХ в.)

Теория и методология правоведения в первые годы советской власти была далека от марксистской для большинства учёных-юристов, получивших юридическое образование в дореволюционный период и сформировавших в то время научное мировоззрение под влиянием господствовавших в то время позитивистской, социологической, неокантианской теорий права. Следовательно, от российских правоведов потребовалась революционная смена мировоззренческих и теоретических установок.

Для систематического изучения криминологических проблем Советской России в 1925 г. при НКВД РСФСР был создан государственный институт по изучению преступности. Большое внимание было обращено на проблемы социально-правового исследования. Разумеется, что социальные исследования причин преступности и личности преступника были далеки от марксистской теории и методологии научного познания. Однако и юристы-«марксисты», выступающие за чистоту марксистского учения в праве (Н. Крыленко, А. Вышинский), также были далеки от действительного марксизма.

В условиях 30-х годов XX в., характеризующихся грубейшими нарушениями прав и свобод человека, разгулом репрессий и государственным произволом, статус официальной теории в правовой науки получил типичный позитивизм, закамуфлированный марксистской терминологией.

Обосновывая необходимость борьбы с буржуазным плюрализмом методов в правовой науке, были полностью прекращены правовые – социологические исследования, принижена роль статистических методов в познании правовых явлений. Основными «методами исследований» советских правоведов стали:

- догматизм;
- цитатничество;
- формально-логическое толкование законов.

В 60-е годы в СССР был официально осужден культ личности Сталина и основанные на его учении работы ученых. Были полностью реабилитированы конкретные социологические (социально-правовые) методы.

За неполные 30 лет (60 – 80 гг.) учеными-юристами были достигнуты значительные успехи в таких направлениях, как:

- общая теория и методология в формировании социологии права;
- причин преступности, личности преступника, эффективности наказания и иных мер государственного принуждения;
- эффективности действия норм права;
- правового сознания и правового воспитания граждан;
- деятельности органов государственной власти;
- прогнозирования состояния преступности, эффективности проектируемых норм права;
- буржуазных теорий социологии права в целях их критики с марксистских взглядов.

Характерная особенность социологического подхода к праву этого периода видится в том, что все разработки шли под эгидой марксистского диалектического метода и марксистской социологии. (В. Кудрявцев, В. Никитинский, В. Глазырин, В. Туманов и т. д.).

Признавая конкретные социально-правовые методы в качестве способов и приемов познания социальной реальности, которая воздействует на право, советские юристы разошлись во мнении относительно конечных результатов применения этих методов в правовой науке:

1. Отдельные авторы выделяют социально-правовые исследования в отдельную отрасль – социологию права. Однако и сегодня склонны видеть в социологии права скорее отдельное направление научных исследований права, нежели самостоятельную отрасль права;
2. Проблема социально-правового изучения эффективности законодательства и прогнозирования;
3. Критика буржуазных социологических теорий права и зарубежного опыта применения в правоведении конкретных социологических методов. Данная критика носила односторонний характер.

Успехи в разработке и применении социологического подхода к праву стали возможными благодаря:

- значительному привлечению советских ученых-правоведов;
- созданию специальных социологических подразделений при Институте государства и права Академии наук;
- юридическому факультету ЛГУ, НИИ Прокуратуры и МВД СССР.

Однако выводы и обобщения, сделанные по итогам социально-правовых исследований, несущественно отличались от достижений буржуазной социологии права, основанно критиковавшихся советскими правоведами.

Кроме того, социально-правовые методы так и не были усвоены советскими учеными, недостаточно активно использовались в трудовом, административном и других отраслях права.

Социологический подход российских ученых к праву на современном этапе.

Современный период для правовой науки представляет собой уникальную возможность для исследовательской деятельности. Своеобразие

развития данного подхода в российском правоведении характеризуется:

- 1) значительным сокращением числа социально-правовых исследований, основанных на массовых опросах;
- 2) переходом большинства ведущих российских социологов права на позиции зарубежной социологии права и отказа от курса, начертанного марксистской социологией.

Недостаточное государственное финансирование сферы науки привело к свертыванию конкретных социально-правовых исследований.

Сокращение объемов социально-правовых исследований негативно сказалось на результатах законотворчества и развитии научных исследований. Все это создает реальную угрозу возрождения печального опыта правовой науки, когда все теоретические конструкции строились на догматическом анализе законодательства и цитатничестве [6, стр. 287].

Недостаточное финансирование государственных научных учреждений приводит к недостаточному притоку молодых ученых в новых исторических условиях.

Наряду с отмеченными недостатками и просчетами имеются и достижения российских правоведов в области социологии права, которые характеризуются:

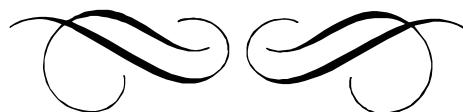
- интенсивным исследованием проблем юридической конфликтологии;
- продолжением исследовательских работ по проблемам эффективности норм права и юридического прогнозирования.

Продвинулась на современном этапе методика измерения эффективности норм права и методологии применения прогнозов для целей правотворчества. Так, О. Гаврилов показал роль прогнозов в определении стратегической линии правотворчества (см. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование; Эффективность закона: методология и конкретные исследования).

Констатируя отдельные успехи в развитии социологии права, приходится отметить, что данная отрасль науки находится на перепутье. Как наука в целом, социология права не способна защитить свое право на существование, опираясь только на собственные силы. Успех данной науки возможен лишь при условии постоянного внимания к социально-правовым исследованиям со стороны государства.

Список литературы

1. Бранте Т. Теоретические традиции социологии // Монсон П. Современная западная социология: теория, традиции, перспективы. – СПб, 1992.
2. Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. – Ростов-на-Дону, 1999.
3. Галактионов А.А. Русская социология XI – XX веков. – СПб., 2002.
4. Горовцев А.М. Некоторые основные вопросы учения о праве. – Пг., 1916.
5. Добреньков В.И. Кравченко А.Н. Социология. Социальные институты и процессы. – М., 2000.
6. Зборовский Г.Е. История социологии. Классический и современный этапы. – Екатеринбург, 2003.
7. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление // Социс. – 1990. – №3.
8. Лопаева В.В. Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. – 1992. – №7.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный межстрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
  - в тексте: [7, стр. 15].
  - в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25? тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505

от 01 июля 2010 г.

Название *Mир политики и социологии*

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

ТERRITORIя распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»"
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций

М.Ю. Ксеноуз

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".

Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

2012, № 1

Подписано в печать 20.01.2012. Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 5,5 уч.-изд. л.; 5,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
